

Эд Макбейн

Будни

Эд Макбейн
Будни
Серия «87-й полицейский
участок», книга 25

OCR Денис
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119530
Оригинал: EdMcBain, "Hail, Hail, The Gangs All Here"

Содержание

1
2

4
86

Эд Макбейн

Будни

1

Ночное дежурство

Время незаметно подходит к полуночи. На облупленном циферблате настенных часов почти двенадцать. Можно проследить, как минутная стрелка, покачиваясь, входит в новый день. Сутки сменились, но вряд ли кто-нибудь это заметил. Кофе в промокших картонных стаканах остался таким же безвкусным, каким он был и тридцать секунд назад, треск пишущих машинок не ослабевает, пьяный в другом конце комнаты орет, что мир полон жестокости, сигаретный дым клубится у циферблата настенных часов, где, незамеченный и неоплаканый, старый день вот уже две минуты как скончался. Звонит телефон.

Люди в комнате – часть всей этой усталой возни, такие же обтрепанные, такие же блеклые и мрачные, как и сама комната со столами в ожогах от сигарет и затертыми зелеными стенами. Она могла бы показаться конторой прогорающей страховой компании, если бы не ремни с пистолетами в кобурах, висящие на спинках деревянных стульев, выкрашен-

ных в цвет стен.

Мебель старая, машинки старые, само здание старое – на-верное, так и должно быть. Ибо и люди здесь заняты старин-ным делом – делом, некогда считавшимся благородным. Они слуги закона. Они, по словам пьяного, изрыгающего прокля-тья из-за решетки камеры для задержанных в конце комна-ты, «полицейская вонючая сраная гнилоота». Телефон про-должает звонить.

* * *

Миниатюрная девушка, лежавшая в проходе за театром, была одета в белый пропитавшийся кровью свободный плащ с поясом. Кровь на земле, кровь на металлической двери по-жарного выхода, кровь на лице, кровью забрызганы светлые волосы, кровь на мини-юбке и бледно-лиловых колготках. Неоновая вывеска через улицу окрашивала лицо девушки в зеленый, потом в оранжевый цвета, а из открытой ноже-вой раны на груди, как дьявольский ночной цветок, вскипали кровавые пузыри, темные и густые, красные, оранжевые, зе-леные, пульсирующие в такт с неоновым мерцанием, – неве-роятное, завораживающее световое шоу.

Постепенно поток сбился с ритма, вырываясь все с мень-шей силой и энергией. Девушка открыла рот, пытаясь что-то сказать, но вместо слов с ее губ, как показалось, сорвал-ся вой приближающейся к театру «скорой помощи». Кровь

остановилась, жизнь оборвалась, глаза девушки закатились. Когда в проход прибежали санитары с носилками, детектив Стив Карелла отвернулся.

– Девушка скончалась, – сказал он.

– Семи минут не прошло после вызова, – попытался оправдаться один из санитаров.

– Никто вас не винит, – бросил Карелла.

– Субботний вечер, – виновато произнес санитар. – Движение сильное, не пробьешься даже с сиреной.

Карелла направился к стоящему у бордюра «седану» без полицейских знаков. Детектив Коттон Хейз, сидевший за рулем, опустил разрисованное морозом стекло:

– Ну, что?

– Убийство, – ответил Карелла.

* * *

Мальчишке было не больше восемнадцати, его взяли десять минут назад. Он отрывал и разбрасывал автомобильные антенны, подобно Джонни Эплсиду, сеющему радиоточки. Автомобильный патруль заметил его, когда он пытался скрутить антенну с «кадиллака» модели 1966 года. Пацан был пьян или накурился, а может, и то, и другое, и, когда сержант Мерчисон предложил ему прочитать контрольные таблицы Миранда-Эскобадо, написанные по-английски и по-испански на стене, тот не справился ни с одним из вариантов.

Патрульный отвел мальчишку в дежурку, наверх, где детектив Берг Клинг разговаривал с Хейзом по телефону. Клинг знаком приказал патрульному подождать на скамье за деревянным ограждением, а сам связался по селектору с Мерчисоном, дежурившим за пультом внизу.

– Дэйв, – сказал он, – у нас убийство в проходе у театра на Одиннадцатой улице. Займешься?

– Ладно, – ответил Мерчисон и отключился.

Убийство – обычное явление в этом городе, так к нему и относятся в полиции. Привычная, хорошо отлаженная машина завертелась.

Пока наверху Клинг заводил патрульного и его пленника в дежурку, сержант Мерчисон внизу у пульта сначала доложил об убийстве капитану Фрику, начальнику 87-го участка, затем лейтенанту Бернсу, шефу следственного отдела. Потом он позвонил в отдел убийств, который, в свою очередь, привел в движение механизм нарастающего распространения информации, захвативший полицейскую лабораторию, телеграфное, телефонное и телетайпное бюро в Управлении, судебно-медицинского эксперта, районного прокурора, начальника районной следственной службы, начальника центральной следственной службы и, наконец, самого комиссара полиции. Кому-то взбрело в голову лишить жизни молодую женщину, а в результате – многих сонных людей пришлось вытряхивать из постелей в холодную октябрьскую ночь.

Наверху в дежурке часы на стене показывали 12.30 ночи. Мальчишка, оторвавший двенадцать автомобильных антенн, сидел у стола Берта Клинга. Взглянув на него, Клинг крикнул в канцелярию Мисколо: «Притащи крепкого кофе, только погорячее!»

В другом конце комнаты, в камере для задержанных, пьяный интересовался, где же он, черт возьми, находится. Через какое-то время его отпустят, не забыв предупредить, чтобы он постарался снова не надраться до утра. Но ночь только началась.

* * *

Они прибывали по одному или по два, согревая дыханием руки, сутулясь от колючего холода, выдыхая белые облачка пара. Они сфотографировали девушку, сделали зарисовку места происшествия и, не найдя орудия убийства, стали вокруг тела, размышляя о неожиданной смерти. В этом проходе у театра полицейские были звездами и знаменитостями, а любопытная толпа, скопившаяся на тротуаре, где уже было установлено ограждение, старалась рассмотреть людей с полицейскими жетонами на плащах – опознавательными знаками, без которых никто не отличит обычного человека от полицейского в гражданском.

Прибыли Моноган и Монро из отдела убийств. Они бесстрастно наблюдали за порхающим вокруг убитой девуш-

ки ассистентом медэксперта. Оба в черных плащах, черных шарфах и черных шляпах. Выглядели они мощнее Кареллы, который стоял между ними с понурым видом перетренировавшегося спортсмена и страдальческим выражением на лице.

– Наделал он дел, – буркнул Монро.

– Сволочь, – добавил Моноган.

– Вы уже провели опознание?

– Жду, пока закончит медэксперт, – ответил Карелла.

– Надо бы узнать, что она здесь делала. Что это за дверь? – спросил Монро.

– Вход на сцену.

– Думаешь, она актриса?

– Не знаю.

– Ладно, Бог с ним, – махнул рукой Моноган. – Ну что, они там закончили с ее записной книжкой? Давай полистаем. Эй, вам там записная книжка не нужна больше? – крикнул он одному из лаборантов.

– Нет, можете забрать.

– Ну что, Карелла, давай посмотрим.

Лаборант стер кровь с сумочки убитой и передал ее Карелле.

– Пошли к свету, – предложил Монро.

Фонарь с металлическим абажуром висел над дверью. Девушку ударили ножом с такой силой, что брызги крови попали даже на внутреннюю белую сторону абажура.

Кроме записной книжки в сумочке лежало водительское удостоверение, из которого они узнали, что убитая – Мерси Хауэлл, проживавшая на Резерфорд-авеню, 24 лет, 5 футов 3 дюймом роста, цвет глаз – голубой. Там же был членский билет профсоюза актеров на ее имя и кредитные карточки двух крупнейших в городе универмагов. Они нашли пачку сигарет «Вирджиния Слимз», коробку спичек с рекламой художественной школы, расческу с длинной ручкой, семнадцать долларов и сорок три цента наличными, упаковку гигиенических тампонов, блокнот, шариковую ручку с налипшими на нее табачными крошками, щипцы для загибания ресниц, два жетона метро и вырезанную из местной газеты рекламу модной блузки.

Когда медэксперт закончил осмотр и констатировал, что смерть наступила от многочисленных ножевых ранений в грудь и горло, полицейские взяли плащ девушки и обнаружили в одном из карманов автоматический «Браунинг» 25-го калибра. Привязав бирочки к пистолету в сумке, они перенесли тело девушки в карету скорой помощи, и она уехала в морг. От Мерси Хауэлл остался на мостовой нарисованный мелом контур тела и лужа крови.

* * *

– Ну, протрезвел? – спросил Клинг у мальчишки.
– А кто сказал, что я был пьян? – огрызнулся тот.

– Ладно, тогда начнем. В соответствии с постановлением Верховного суда по делу Миранда против Аризона, мы не можем задавать тебе никаких вопросов до тех пор, пока ты не будешь предупрежден о том, что имеешь право прибегнуть к услугам адвоката, а также о том, что закон защищает тебя от принуждения к самооговору.

– Какой еще самооговор?

– Сейчас все объясню, – спокойно ответил Клинг.

– Помои, а не кофе, – хмыкнул мальчишка.

Клинг невозмутимо продолжал:

– Во-первых, ты можешь молчать, если тебе хочется. Это ты понимаешь?

– Это я понимаю.

– Во-вторых, если не желаешь, можешь не отвечать ни на какие вопросы. Это ты понимаешь?

– Понимаешь, понимаешь... Я что, похож на идиота?

– Закон требует, чтобы я каждый раз спрашивал, понимаешь ли ты мои слова. Ты понял: ты не обязан отвечать на вопросы...

– Да понял, понял.

– Хорошо. В-третьих, если ты решишь отвечать на вопросы, то все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. Ты по?..

– А что я такого сделал? Боже мой, оторвал пару антенн!

– Ты понял меня?

– Понял.

– Ты также можешь обратиться к юристу до или во время допроса в полиции. Если у тебя нет денег на адвоката, он будет тебе назначен.

Последнее Клинг произнес с каменным лицом. Он прекрасно знал, что защитника мальчишке никто сейчас не предоставит. У полиции не было на это денег. И если бы этот юнец в следующие три секунды пожелал проконсультироваться у общественного защитника, Клинг просто не знал бы, как ему поступить – разве что отложить к чертовой матери допрос.

– Я понимаю, – кивнул парень.

– Ты подтвердил, что понял все предупреждения, – продолжал Клинг, – итак, будешь ли ты отвечать на мои вопросы без консультации у адвоката?

– Да идите вы в жопу со своими вопросами. Не буду я ни на что отвечать!

– Ну, вот оно.

Они внесли это дело в регистрационную книгу: хулиганство, уголовно наказуемое деяние класса "А", нанесение ущерба собственности другого лица. Затем отправили мальчишку вниз, в камеру-накопитель, чтобы потом перевести его в здание уголовного суда для судебного разбирательства.

Снова зазвонил телефон. На скамейке у входа в дежурку ожидала женщина.

Будка сторожа находилась сразу же за железной дверью на сцену. Электрические часы в его камере показывали 1.10 ночи.

Сторожу было под восемьдесят, и со старческой болтливостью он охотно отвечал на расспросы полицейских. Старик заступал на дежурство каждый вечер в семь тридцать. Общий сбор был в восемь, и он, вот у этой самой двери, встречал всех актеров перед тем, как они шли переодеваться и гримироваться. Занавес опускался в одиннадцать тридцать, и обычно все уходило из театра без четверти, самое позднее, в двенадцать. Сторож оставался до десяти утра, до открытия кассы.

– Делать-то особо ночью нечего. Только побродишь по театру да проверишь, чтоб никто не спер декорации, – сказал он и захихикал.

– Вы не обратили внимания, когда из театра ушла Мерси Хауэлл? – спросил Карелла.

– Это та, что убита? – поинтересовался старик.

– Да, – подтвердил Хейз, – Мерси Хауэлл, вот такого примерно роста, светлые волосы, голубые глаза.

– Они все примерно такого роста, со светлыми волосами и голубыми глазами, – заметил старик. – Я почти никого из них по имени не знаю. Спектакли все время меняются. Всех

разве упомнишь?

– Вы всю ночь сидите у двери? – спросил Карелла.

– Да нет, не всю. Мне надо запереть дверь, когда все уйдут, проверить свет, посмотреть, чтобы было включено рабочее освещение. Я щиток не трогаю, это не мое дело, но я могу, к примеру, выключить свет в холле, если кто-то его оставил, или внизу, в туалетах. Потом я возвращаюсь сюда, в будку. Читаю или радио слушаю. Около двух я снова обхожу театр, вдруг там пожар или еще что... Потом я снова здесь. Опять все обхожу в четыре часа, в шесть часов и около восьми. Вот этим я и занимаюсь.

– Вы сказали, что запираете эту дверь...

– Точно.

– Не припомните, когда вы ее закрыли сегодня?

– Ну, где-то, наверное, без десяти двенадцать. Когда убедился, что все ушли.

– А как вы убедились?

– Как всегда. Видите, там лестница? Она ведет в примерные. Все примерные у нас наверху. Так вот, я подхожу к лестнице и кричу: «Закрываю! Есть там кто?» Если кто-нибудь откликнется, я говорю: «Торопись, милая», – это девушке, а если там парень, то: «Пошевеливайся, сынок».

Старик снова захихикал.

– А в этом спектакле не всегда разберешь, кто тут парень, а кто девушка. Но я наловчился.

– Итак, вы закрыли дверь примерно без десяти двена-

дцать?

– Да.

– И никого уже не было в театре к тому времени?

– Кроме меня, конечно.

– Вы выглядывали в проход перед тем, как запереть дверь?

– Не-а. Чего ради?

– А не слышали ничего снаружи?

– Не-а.

– А до того, как заперли дверь?

– Ну, когда они уходят, всегда шумно. То их там друзья ждут, то они домой вместе собираются. Короче, все время болтовня, пока все не разойдется.

– А когда вы закрывали дверь, было тихо?

– Как в гробу, – кивнул старик.

* * *

Женщине, подсевшей к столу детектива Мейера, на вид было года тридцать два. Длинные прямые черные волосы свободно падали на плечи. Большие карие глаза выдавали страх. На ней было оранжевое пальто от хорошего портного.

– Мне очень неловко, – начала она, – но муж настоял, и я пришла.

– Понимаю, – кивнул Мейер.

– У нас духи, – вымолвила женщина.

В другом конце комнаты Клинг отпер дверь камеры для

задержанных и сказал:

– О'кей, парень, иди отсюда. Постарайся не надраться до утра.

– Еще половины второго нет, – ответил мужчина, – ночь только началась.

Мейер посмотрел на сидящую напротив женщину, изучая ее с неким новым интересом, потому как, вообще-то, она не была похожа на тронутую. Он уже много лет работал в полиции, столько, что не хотелось вспоминать, и встречался с помешанными всех видов и рангов, но ни разу еще не видел такой милостивой, как Адель Горман – с низким голосом и тщательно наложенным макияжем.

– В доме. Привидения, – повторила она.

– Где вы живете?

Он записал ее имя в блокнот и продолжал рассматривать посетительницу, не выпуская из пальцев карандаш. Мейер вспомнил другую женщину, которая пришла в эту дежурку в прошлом месяце и заявила, что к ней в спальню подглядывает с пожарной лестницы горилла. Туда послали патрульного для составления протокола, даже звонили в цирк и в зоопарк (которые в то время по совпадению были в городе и хоть в какой-то мере делали правдоподобным заявление), но обезьяны не было на лестнице, и из клеток никто не сбегал. Женщина явилась на следующий день с сообщением, что горилла ее не оставляет, а только сменила наряд – теперь на ней цилиндр, а в лапах черная трость. Мейер заверил посе-

тительницу, что взвод полицейских будет всю ночь дежурить у ее дома. Она несколько успокоилась. Потом он сам лично проводил ее из дежурки вниз по окованным железом ступенькам мимо висячих фонарей на входе и вывел на тротуар у здания участка. Сержант Мерчисон, стоявший за пультом, покачал ей вслед головой и буркнул: «На улицах их больше, чем в психушках».

Мейер разглядывал сейчас Адель Горман, вспоминая слова Мерчисона, и думал: «В сентябре гориллы, в октябре привидения».

– Мы живем в Смоук Райз, – продолжала Адель. – Собственно, это дом моего отца, но мы живем там все вместе.

– Адрес?

– Макартур Лэйн, 374. Можно ехать по любой дороге, ведущей в Смоук Райз, это примерно полторы мили к востоку от Силвермайн Овал. На почтовом ящике есть имя – Ван Хоутен. Это мой отец. Биллем Ван Хоутен, – она замолчала и посмотрела на полицейского, видимо, ожидая реакции.

– О'кей, – кивнул Мейер и, поглаживая рукой лысую макушку, поднял глаза:

– Значит, вы говорите, миссис Горман...

– Что у нас в доме привидения.

– Уг-ум. Какие именно?

– Духи. Домовые. Тени. Я не знаю, – она пожала плечами, – а какие бывают привидения?

– Ну, это ваши привидения, вы мне и расскажите.

На столе Клинга зазвонил телефон. Он взял трубку:

– 87-й участок. Детектив Клинг.

– Их двое, – сказала Адель.

– Мужчины, женщины?

– Одно – мужчина, другое – женщина.

– Да, – произнес в трубку Клинг. – Давай, действуй.

– Сколько им лет, как вы думаете?

– Несколько веков, наверное.

– Нет, я...

– А-а, вы интересуетесь, сколько им на вид? Ну, мужчи-

не...

– Вы видели их?

– О да, много раз.

– Уг-ум, – опять промычал Мейер.

– Я сейчас буду, – сказал Клинг в трубку. – Оставайся там.

Он вскочил, выдвинул ящик стола, извлек оттуда револьвер в кобуре и торопливо пристегнул его к ремню.

– Кто-то бросил бомбу в церковь у магазина. Калвер-авеню, 1733. Я туда.

– Давай. Возвращайся, – бросил Мейер.

– Нам нужна будет пара мясовозок. Священник и еще двое убиты, много раненых.

– Дэйву скажешь?

– По пути – кивнул Клинг и исчез.

– Миссис Горман, – обратился к даме Мейер, – вы видите, мы сейчас очень заняты. Не могли бы ваши привидения

подождать до утра?

– Нет, не могли бы, – ответила Адель.

– А что так?

– Они появляются ровно в два сорок пять ночи, и я хочу, чтобы их кто-нибудь увидел.

– А почему бы вам и вашему мужу не посмотреть на них?

– Вы думаете, что я психопатка, не так ли?

– Нет-нет, миссис Горман. Ну что вы!

– Нет, думаете, – воскликнула Адель. – Я тоже не верила в привидения, пока не увидела этих двоих.

– Так, все это очень интересно, уверяю вас, миссис Горман, но поверьте, у нас сейчас дел по горло. Да и потом, я не знаю, что нужно делать с этими вашими привидениями, даже если мы пойдем и посмотрим на них.

– Они крадут у нас вещи, – сказала Адель, а Мейер подумал: «Ну вот, теперь у нас есть лунатик».

– Какие вещи?

– Бриллиантовую брошь, принадлежавшую еще моей матери. Они украли ее из сейфа отца.

– Что еще?

– Пару серег с изумрудами. Они тоже были в сейфе.

– Когда вы обнаружили пропажу?

– В прошлом месяце.

– Вы уверены, что не положили драгоценности в какое-нибудь другое место?

– Как можно переложить драгоценности, если они посто-

янно хранятся в стенном сейфе?

– Вы заявляли о кражах?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы подумали бы, что я сошла с ума. Точно так же, как вы думаете в данную минуту.

– Нет, миссис Горман. Но я уверен, вы понимаете, мы... э-э-э... не в состоянии арестовать привидение. – Мейер произнес это, пытаясь изобразить улыбку.

Адель Горман на нее не ответила.

– Забудьте о привидениях, – проговорила она, – глупо было с моей стороны о них заговаривать, прошу меня извинить.

Она глубоко вздохнула, посмотрела решительно ему в глаза и продолжила:

– Я пришла, чтобы заявить о краже бриллиантовой броши, оцениваемой в шесть тысяч долларов, и пары серег стоимостью в тридцать пять тысяч долларов. Вы пошлете кого-нибудь к нам сегодня или мне следует попросить отца, чтобы он обратился к вашему начальнику?

– Ваш отец? Он, что, имеет отношение к?..

– Мой отец судья по делам опеки и наследства в отставке, – объяснила Адель.

– Понятно.

– Итак, я надеюсь, вы пошлете человека?

– Когда, вы говорите, появляются привидения? – с тяжелым вздохом спросил Мейер.

Между двенадцатью и двумя часами ночи город живет привычной жизнью. Театры закрылись, и, как обычно субботним вечером, добропорядочные граждане из Беттауна или из Калмз-Пойнта. Риверхеда или Маджесты наводняют улицы Айсола в поисках ужина или какого-нибудь иного развлечения. Выбор огромен – от шикарных французских ресторанов до пиццерий, закусочных, кофеен, сосисочных и кондитерских. И все они переполнены, ибо субботний вечер не только самый тоскливый в неделе, но и единственный, предназначенный для веселья. И они веселятся, эти добропорядочные бургеры, трудившиеся в поте лица пять долгих дней, веселятся, пока не наступило воскресенье, неминуемо несущее скуку долгого ничегонеделания, этого проклятия современного американца. Люди давятся и толкаются по всему кварталу Стем, вытекают из кегельбанов, тиров, дешевых магазинчиков, стриптиз-шоу, ночных клубов, музыкальных лавок, выстраиваются у витрин, за которыми извиваются в призывном танце девушки, или зачарованно глазеют на медленно вращающиеся на вертелах жареные туши. Субботний вечер – время для удовольствий. Если кто и пришел один, он может не отчаиваться: его быстро подхватят девицы, прохаживающиеся у дверей обшарпанных гостиниц на примыкающих к Стему улицах, или поджидающие клиентов гомосек-

суалисты в «голубом» баре на знаменитой Северной Стороне. Дальше, в Квартале, можно полистать непристойные журналы в известного сорта магазинчиках или проскользнуть в затемненные комнаты с экраном и посмотреть микрофильм с голыми девицами. Так ведут себя обычные люди, стремящиеся развеять скуку, воспользовавшись коротким просветом между пятью вечера в пятницу и девятью утра в понедельник.

Но ближе к двум часам ночи многое начинает меняться.

Большинство торопится забрать свои машины со стоянок (проклятых стоянок больше, чем парикмахерских) или сонно плетется в метро, в котором предстоит долгая дорога в окраинные районы. Плюшевый мишка, выигранный в Покерино-палас, безвольно зажат в руках, которые, может быть, еще и откликнутся потом на далеко не пылкие объятия, но без восторга и воодушевления. Слышен жидковатый смех, хрипловатый голос, студенческие куплеты. Субботний вечер закончился, это уже, собственно, не вечер, а воскресное утро...

Теперь бесстыжие шлюхи цепляются к любому прохожему. Они уже бросили свое «Пойдем со мной, милый, повеселимся», эвфемизмы в этот час не нужны, спрашивают сразу: «Палку бросить хочешь? Да или нет?», и – происходит торопливая сделка, несмотря на опасность оказаться избитым и обчищенным, а возможно, и убитым в провонявшем лизолем гостиничном номере – рядом с собственными штанами,

картинно брошенными на деревянный стул.

Наркоманы выходят на промысел, выискивая неосмотрительно оставленные на улице незапертые машины. А если машина заперта, то при известной сноровке можно отверткой приоткрыть ветровичок, зацепить проволочным крючком фиксатор замка и таким образом попасть вовнутрь. Появляются торговцы наркотиками, предлагающие в розницу свое дурманящее зелье, от травки до героина и ЛСД, доллар кучка, два – штучка; темные личности торгуют краденым – крупнейший черный рынок в городе, здесь можно купить все – от транзистора до холодильника; принимаются за дело домушники, наступила самая удобная пора для проникновения в жилища – их обитатели спят, а уличные звуки приглушены. Но опаснее их, всех вместе взятых (они ведь, в конце концов, всего лишь граждане, зарабатывающие себе на пропитание, хотя и весьма своеобразным способом), хищники, рыскающие в поисках ночных приключений. Курсируя по трое-четверо, они выискивают свою жертву – таксиста, выходящего из кафетерия, старуху, роющуюся в мусорных баках в поисках спрятанных там сокровищ, молоденькую парочку, воркующую в припаркованной машине – неважно. В этом городе вас могут убить в любой момент дня и ночи, но шансы расстаться с жизнью наиболее высоки после двух часов, так как ночные хищники, как ни парадоксально, выходят на работу под утро. Есть кварталы, которых избегают даже полицейские. Есть заведения, куда они не войдут, пока

не убедятся, что в здании имеются две двери – одна, чтобы войти, а другая, чтобы быстро выскочить, если кто-нибудь вдруг заблокирует первый вход.

«Солнечный зонтик» был именно таким заведением. Полицейские нашли в записной книжке Мерси Хауэлл пометку: "Гарри, 2 ч. н., «Солн. зонтик», естественно, они заинтересовались, что связывало убитую девушку с отбросами, отирающимися в кабаке с утра до ночи, и решились нагрянуть в заведение. Парадная дверь открывалась на длинный лестничный пролет, ведущий вниз в общий зал кабака, похожего и на ресторан, и на клуб одновременно. У владельца не было лицензии на торговлю спиртным, поэтому подавались только сэндвичи и кофе. Время от времени рок-певец включал усилитель и гитару и награждал посетителей несколькими композициями из визга и грохота. Задняя дверь притона выходила в проулок. Хейз осмотрел его, доложил Карелле, и они оба, на всякий случай, составили в уме план этажа.

Карелла спустился по длинной лестнице первым, Хейз сразу за ним. Они прошли через занавес из бусинок и оказались в большой комнате с подвешенным под потолком старым военным парашютом, разрисованным немислимыми узорами. Стойка с электрической кофеваркой и подносы с сэндвичами в упаковке находились прямо напротив занавеса. Слева и справа от стойки стояло около двадцати столиков, все были заняты. Официантка в черных колготках и черных лакированных лодочках на высоком каблуке вертелась

как заводная между столиками, принимая заказы. Гул голов плавал над комнатой, запутываясь в складках ярко раскрашенного парашюта. За стойкой мужчина в белом переднике наполнял чашку из огромной серебристой кофеварки. Полицейские подошли к нему. Карелла был ростом почти шесть футов и весил сто восемьдесят фунтов. У него были широкие плечи и тонкая талия, а руки как у уличного громила. Хейз – шесть футов два дюйма, весил без одежды сто девяносто пять фунтов. Сквозь огненно-рыжие волосы просвечивала белая полоска шрама над левым виском, след от удара ножом. Внешность обоих точно соответствовала их профессии.

– Что случилось? – немедленно обратился к ним человек за стойкой.

– Ничего. Вы хозяин? – бросил Карелла.

– Да, меня зовут Джорджи Брайт и ко мне уже приходили, спасибо, дважды.

– Да? Кто?

– Первый раз полицейский по имени О'Брайен, потом полицейский по имени Паркер. Внизу больше никаких дел не делается, я принял меры.

– А какие дела делались внизу?

– В мужском туалете. Там кто-то торговал травкой. Прямо магазин устроили. Я сделал, что мне советовал О'Брайен, я поставил там человека перед дверью и приказал ему пускать только по одному. Паркер приходил, проверял уже. Я слово

держу. Я с наркотиками связываться не хочу, увольте! Хотите, сами спуститесь и посмотрите. Увидите, там человек следит за туалетом.

– А кто следит за человеком, следящим за туалетом? – поинтересовался Карелла.

– Это не смешно, – отозвался бармен с оскорбленным видом.

– Знаешь кого-нибудь по имени Гарри? – спросил Хейз.

– Какого Гарри? Я знаю многих Гарри.

– Какой-нибудь есть здесь сейчас?

– Может быть.

– Где?

– Вон там, рядом с эстрадой. Большой такой, блондин.

– Как фамилия?

– Донателло.

– Знаешь его? – повернулся Карелла к Хейзу.

– Нет, – ответил тот.

– Я тоже.

– Пошли, поговорим с ним.

– Кофе? Что-нибудь еще? – предложил Джорджи Брайт.

– Давай. Пришли к тому столику, – отозвался Хейз и направился за Кареллой через комнату к Гарри Донателло, сидевшему с каким-то мужчиной. На Донателло были серые широкие брюки, черные туфли и носки, белая рубашка с открытым воротом и голубая куртка с накладными карманами. Свои длинные светлые волосы он зачесывал назад, обнажая

острые залысины. Ростом Донателло не уступал Хейзу. Парень беседовал с соседом по столику и даже не поднял головы, когда подошли полицейские.

– Ваше имя Гарри Донателло? – обратился к нему Карелла.

– А вы кто такие?

– Полиция, – Карелла показал свой жетон.

– Я Гарри Донателло, а что случилось?

– Мы присядем? – Не дожидаясь ответа, оба полицейских офицера уселись, повернувшись спиной к пустой эстраде и выходу.

– Вы знакомы с девушкой по имени Мерси Хауэлл? – задал вопрос Карелла.

– А что?

– Вы ее знаете?

– Знаю. А что за дела? Она что, несовершеннолетняя?

– Когда вы ее последний раз видели?

Человек, сидевший рядом с Донателло и до сих пор молчавший, вдруг пропищал:

– Гарри, они не имеют права допрашивать тебя без адвоката. Потребуй адвоката!

Полицейские повернулись к нему. Он был мал и худ, волосы зачесаны так, чтобы скрыть намечающуюся лысину. На мужчине были голубые брюки и полосатая рубашка. Лица давно не касалась бритва.

– Мы на выезде, – сухо произнес Хейз, – можем спраши-

вать все, что нам угодно.

– Ты смотри, сколько развелось юристов! – воскликнул Карелла. – Как тебя зовут, советник?

– Джерри Риггз. Только не надо меня никуда втягивать.

– Всего несколько дружеских вопросов среди ночи, – сказал Хейз. – Возражений нет?

– Зайти никуда нельзя. Сразу подлетают и на допрос тянут, – пробормотал Риггз.

– Да, тяжелая у тебя жизнь, – заметил Хейз.

Девушка в колготках принесла им кофе и заторопилась к другому столику. Донателло проводил взглядом ее подпрыгивающий зад.

– Итак, когда ты видел эту Хауэлл последний раз? – снова спросил Карелла.

– В среду вечером.

– А сегодня?

– Нет.

– Но вы должны были встретиться сегодня?

– С чего вы взяли?

– С чего надо.

– Верно, мы должны были встретиться здесь десять минут назад. Эта сучка опять опаздывает.

– Чем ты занимаешься, Донателло?

– Я импортер. Показать визитку?

– Что импортируешь?

– Сувенирные пепельницы.

– Откуда знаешь Мерси Хауэлл?

– Встретились на какой-то пьянке в Квартале. Она поднабралась там слепса и все показала.

– Что показала?

– Ну, все, что она делает в этом шоу.

– Что именно?

– Она там танцует и все с себя снимает.

– Вы давно встречаетесь?

– Мы познакомились пару месяцев назад. Иногда встречаемся. Раз в неделю, где-то так. Баб в городе хватает, необязательно завязывать какие-то отношения только с одной.

– Какие у тебя были отношения именно с этой?

– Поразвлекались пару раз, вот и все. Она баба ничего, между прочим, – ухмыльнулся в сторону Риггза Донателло.

– Так. Где ты был сегодня между одиннадцатью и двенадцатью вечера?

– Вы все еще на выезде? – саркастически поинтересовался Риггз.

– Мы его пока еще не арестовали, – отозвался Хейз. – Так что помалкивай, законник. Так где ты был, Донателло?

– Вот здесь и был. С десяти часов и до сих пор.

– А кто это может подтвердить?

– Я вам сотню свидетелей наберу.

Беспокойные, шумные, раздраженные, суетящиеся, они не замечали пронизывающего холода, поскольку обсуждали животрепещущую тему, а именно: кто-то бросил бомбу в высокое окно церкви.

Задерганный патрульный, и днем-то неуютно чувствующий себя в этом квартале, возбужденно приветствовал Клинга. Бледное лицо его казалось заключенным в скобки наушниками. Руки в перчатках отчаянно сжимали дубинку. Толпа нехотя расступилась, пропуская Клинга. Несмотря на то, что он вошел в церковь с уверенным видом супермена, толпа знала, что это всего лишь молодой полицейский и что это белый. Они знали также, что если бы бомбу бросили на Холл-авеню в центре города, туда явился бы сам комиссар полиции. Здесь же была Калвер-авеню, разрушающееся гетто, населенное гремучей смесью из негров и пуэрториканцев. И именно поэтому машина, остановившаяся у бордюра, не имела комиссарской желто-голубой эмблемы, а была всего-навсего зеленым «шевроле» с откидным верхом, принадлежавшим лично Клингу.

Пожарные уже заканчивали сбивать пламя. Санитары пробирались сквозь дебри из шлангов и мебели, вынося раненых – убитые могут подождать.

– В отдел по борьбе с терроризмом позвонили? – спросил

Клинг патрульного.

– Нет, – ответил тот, пораженный тем, что не исполнил свой служебный долг.

– Иди звони скорее, – посоветовал Клинг.

– Есть, сэр! – выдохнул патрульный и бросился вон. Санитары пронесли носилки со стонущей женщиной. На ней все еще были очки, но одна линза раскололась, и вдоль носа струйкой бежала кровь. В помещении стоял смрад от сгоревшей взрывчатки, дыма и тлеющего дерева. Серьезнее всего повреждена была задняя, наиболее удаленная от входа часть небольшого помещения. У бросившего бомбу были хорошие руки и глаз – бомба влетела точно в окно и, пролетев еще пятнадцать футов, попала в импровизированный алтарь. Мертвый священник лежал на алтаре. Одна рука была оторвана взрывом. Две женщины, сидевшие рядом с алтарем на раскладных стульях, сейчас лежали на полу, одна на другой. Их соединила смерть. Одежда на убитых еще дымилась. Стоны раненых наполняли комнату, их перекрыл прерывистый вой сирены приближающейся «скорой помощи». Клинг вышел наружу.

– Кто будет свидетелем? – обратился он к толпе.

Молодой бородатый негр с шапкой курчавых волос отделился от группы молодежи и подошел к Клиngu.

– Священник умер? – спросил он.

– Да, умер.

– Кто еще?

– Две женщины.

– Кто они?

– Еще не знаю. Когда все уляжется, проведем опознание.

Клинг вновь повернулся к толпе.

– Видел кто-нибудь, как это случилось?

– Я и видел, – сказал парень.

– Как твое имя, браток?

– Эндрю Джордан.

Клинг вынул блокнот.

– Хорошо, рассказывай.

– Что вы там собираетесь писать? – заволновался Джордан.

– Ты же сказал, что видел, как...

– Ну, видел. Я шел мимо, шел в бильярдную вон туда, а женщины пели внутри, потом остановилась машина, вышел мужик, бросил бомбу и побежал назад к машине.

– Какая машина?

– Красный «фольксваген».

– Какой модели?

– Да кто их разберет, эти «фольксвагены»!

– Сколько в нем было человек?

– Двое. Водитель и мужик с бомбой.

– Номер заметил?

– Нет. Они быстро уехали.

– Можешь описать человека, бросившего бомбу?

– Могу. Он был белый.

– Что еще? – спросил Клинг.

– Это все, – покачал головой Джордан. – Он был белый.

* * *

Во всем Смоук Райз было около трех десятков поместий, где в роскоши и уединении жили не более сотни людей. По участкам извивались, кое-где сообщаясь, частные дороги. Мейер Мейер проехал между широкими каменными ограждениями, обозначающими западный въезд в Смоук Райз, и попал в город, ограниченный с севера рекой Харб, а от автостреды Ривер Хайуэй на юге – стеной из тополей и вечнозеленого кустарника. Фешенебельный Смоук Райз остальные жители города фамильярно и иронично называли «Клубом».

Выйдя из машины, Мейер услышал звуки речной жизни – сопение буксиров, гудки, короткий вскрик корабельной сирены на проходящем по фарватеру эсминце. Отраженные огни трепетали на колышущейся водной глади – фонари на тросах подвесного моста, яркие всплески красных и зеленых огней на противоположном берегу, одинокие прорезы освещенных окон в жилых домах. Отражение самолета, пролетающего высоко над рекой с мигающими огоньками на крыльях, напоминало подводную лодку. Было холодно, но несколько минут назад появилась тонкая, пронизывающая морось. Мейер передернул плечами, поднял воротник плаща, чтобы прикрыть шею, и направился к старому серо-

му зданию, поскрипывая по гравию дорожки туфлями. Этот звук далеко разносился, угасая в высоких кустах вокруг.

Макартур Лэйн, 374 находился в конце дороги, делающей поворот после Гамильтонского моста. Дом представлял собой огромное строение из серого камня с черепичной крышей и множеством коньков и труб, упирающихся в небо. Здание мрачной тенью возвышалось над Харбом. Камни дома сочились сыростью. Толстые виноградные лозы опутывали стены, взбираясь по ним до самой крыши с коньками и башенками. Найдя кнопку звонка под латунным витиеватым гербом на мощном дубовом косяке, детектив нажал ее. Где-то далеко, в глубине дома, послышался мелодичный звонок. Он ждал.

Дверь неожиданно распахнулась.

Человеку, смотревшему на детектива, было на вид около семидесяти. Волос на голове почти нет, только за ушами беспорядочно торчат всклокоченные седые космы. На нем были красный смокинг и черные брюки, красные вельветовые шлепанцы. Вокруг шеи намотана черная косынка.

– Что вам угодно? – спросил он с ходу.

– Я детектив Мейер из восемьдесят седьмого...

– Кто вас пригласил?

– Женщина по имени Адель Горман была сегодня...

– Моя дочь дура, – отрезал старик. – Полиция нам не нужна, – и захлопнул дверь перед носом детектива.

Мейер топтался перед входом, чувствуя себя последним

кретином. На реке прогудел буксир. Наверху вспыхнул свет, выхватив из тьмы фосфоресцирующий циферблат его часов. Было 2.35 ночи. Холод и морось пронизывали его до костей. Полицейский вынул носовой платок, высморкался и задумался о том, что же ему теперь делать. Он не любил духов, как не любил и лунатиков. Он не любил вздорных стариков с нечесаными космами, хлопающими дверью перед самым носом человека. Детектив уже решил было повернуть назад, когда дверь снова открылась.

– Детектив Мейер? – показалась Адель Горман. – Входите же.

– Благодарю, – произнес он и вошел в холл.

– Вы как раз вовремя.

– Вообще-то, несколько рано, – сказал Мейер. Он не мог избавиться от ощущения неловкости. Дурость какая-то – бродить среди ночи по Смоук Райз, выслеживая привидения.

– Сюда, – Адель провела его через холл с мрачными панелями на стенах в просторную, тускло освещенную гостиную. Тяжелые дубовые балки под потолком, окна закрыты вельветовыми портьерами. Комната была обставлена грузной старинной мебелью. Полицейский вдруг поверил, что в доме могли появиться привидения. С дивана у камина поднялся, как призрак, молодой человек в темных очках. Его лицо в тусклом свете одинокого торшера выглядело серым и изнуренным. Одетый в черную вязаную кофту, белую сорочку и черные свободные брюки, он подошел к Мейеру с протяну-

той рукой, но почему-то не стал пожимать руку полицейского.

Детектив догадался, что мужчина слеп.

– Я Ральф Горман, – представился тот, все еще держа перед собой руку. – Муж Адель.

– Здравствуйте, мистер Горман, – Мейер пожал его влажную и холодную ладонь.

– Хорошо, что вы пришли, – продолжал Горман. – Эти призраки сведут нас с ума.

– Который час? – неожиданно спросила Адель и взглянула на свои часы. – Еще пять минут.

В ее голосе чувствовалась дрожь, и выглядела она очень испуганной.

– А вашего отца не будет здесь? – спросил Мейер.

– Нет, он пошел спать. По-моему, ему все это надоело, и он зол на нас за то, что мы заявили в полицию.

Мейер промолчал. Он знал, что если бы Уильям Ван Хутен, бывший судья по делам наследства и опеки, не хотел вмешательства полиции, Мейера бы здесь не было. Он подумал, не уйти ли ему сейчас, но Адель Горман снова начала говорить. Было бы невежливо обрывать даму на полуслове.

– Она немного старше тридцати, по-моему. Другой призрак, мужчина, где-то вашего возраста – сорок, сорок пять.

– Мне тридцать восемь, – заметил Мейер.

– О!

– Лысина многих обманывает.

– Да.

– Я очень рано облысел.

– Так вот, их зовут Элизабет и Йоган, и они...

– Значит, у них есть имена?

– Да. Видите ли, они наши предки. Мой отец голландец.

Много лет назад в семье действительно были Элизабет и Йоган Ван Хоутен. Тогда Смоук Райз был еще голландским поселением.

– Голландцы, вы говорите? Так-так, – произнес Мейер.

– Да. Они всегда появляются в голландской одежде. И говорят по-голландски.

– Мистер Горман, вы их слышали?

– Да, – отозвался Горман. – Я ведь не вижу... – добавил он и замешкался, как будто ожидая реакции Мейера. Реакции не было, и он продолжал: Но я слышал их.

– Вы говорите по-голландски?

– Нет, но мой тесть свободно им владеет. Он нам и сказал, что это голландский, и перевел их слова.

– Какие слова?

– Ну, во-первых, они говорили, что хотят украсть драгоценности Адель. Что они, черт возьми, и сделали...

– Драгоценности вашей жены? Но я думал...

– Они перешли ей от матери по завещанию. Тесть хранит их в сейфе.

– Хранил, вы хотите сказать.

– Нет, хранит. Кроме украденных есть еще несколько ве-

щей. Два кольца и ожерелье.

– Какова их стоимость?

– Всех вместе? Думаю, около сорока тысяч долларов.

– У ваших духов губа не дура.

Торшер в комнате вдруг мигнул. Мейер глянул на него и почувствовал, как его волосы встают дыбом.

– Гаснет свет, Ральф, – прошептала Адель.

– Уже два сорок пять?

– Да.

– Они здесь, – выдохнул Горман.

* * *

Когда полицейские постучали в дверь, соседка Мерси Хауэлл по комнате спала уже около четырех часов. Но она была хитрой молодой дамочкой, очень хорошо знакомой с нравами большого города. Девушка мгновенно проснулась и провела собственное следствие, ни на дюйм не приоткрывая пока дверь. Сначала она попросила полицейских отдельно и внятно произнести имена, затем продиктовать номера удостоверений. Потом потребовала поднести к дверному глазку сами удостоверения и полицейские жетоны. Все еще сомневаясь, она сказала через запертую дверь: «Подождите минутку». Они ждали почти пять минут, пока девушка снова не подошла к двери. Отодвинулся с шумом тяжелый дверной засов, звякнула откидываемая цепочка, шелкнул, переместив-

шись, язычок одного замка, потом другого, и, наконец, дверь отворилась.

– Входите. Извините, что заставила вас ждать. Я звонила в участок, там сказали, что вы – действительно вы.

– Вы очень осмотрительны, – заметил Хейз.

– В такой-то час? Береженого Бог бережет, – парировала она.

Ей было около двадцати пяти. Рыжеволосая голова вся в бигуди, ненакрашенное лицо блестит от крема. Поверх фланелевой пижамы наброшен розовый стеганый халат. В девять утра она, вероятно, будет очень хорошенькой, но сейчас напоминала затертый пятак.

– Ваше имя, мисс? – спросил Карелла.

– Лоуис Каплан. Что случилось? Опять в доме кого-нибудь ограбили?

– Нет, мисс Каплан. Мы бы хотели задать вам несколько вопросов о Мерси Хауэлл. Она здесь жила с вами?

– Да. – Лоуис вдруг тревожно взглянула на них. – Почему вы сказали жила? Она живет.

В маленькой прихожей стало вдруг так тихо, что можно было услышать все ночные звуки дома, как будто они возникли все разом, чтобы заполнить неловкую тишину. Где-то забурила вода в унитазе, тренькнула труба отопления, закричал ребенок, гавкнула собака, где-то упала туфля. В прихожей, наполненной сейчас этими звуками, полицейские и девушка молча смотрели друг на друга.

Наконец, Карелла вздохнул и сказал:

– Ваша соседка мертва. Ее зарезали сегодня вечером у выхода из театра.

– Нет, – произнесла Лоуис просто и спокойно. – Нет, конечно.

– Мисс Каплан...

– Что вы там такое бормочете? Мерси не может умереть!

– Тем не менее это так, мисс Каплан.

– Бож-же! – простонала вдруг Лоуис и зашлась в слезах. – Боже мой! О, Боже-Боже мой!

Двое мужчин беспомощно переминались, такие большие, неуклюжие, бессильные что-либо изменить. Лоуис Каплан всхлипывала, закрыв ладонями лицо, повторяя снова и снова: «Простите, пожалуйста. О, Господи! Простите, пожалуйста. Бедная Мерси. О, Боже!» Сыщики старались на нее не смотреть. Наконец, Лоуис успокоилась. Глаза у нее были такие, будто это ее ударили ножом. Девушка сдавленно проговорила: «Проходите, пожалуйста» и повела их в гостиную. Говоря с полицейскими, она не отрывала глаз от пола, как будто не могла посмотреть в глаза этим людям, принесшим ей страшное известие.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросила Лоуис.

– Нет. Еще нет.

– Мы бы не стали будить вас среди ночи...

– Да ладно, ничего...

– Знаете, с расследованием нельзя медлить. По горячим

следам...

– Да, я понимаю.

– Часто бывает, что...

– Да, по горячим следам, – кивнула Лоуис.

– Да.

Квартиру опять охватила тишина.

– Вы не знаете, были ли у мисс Хауэлл враги? – спросил Карелла.

– Она была самой замечательной девушкой в мире, – покачала головой Лоуис.

– Ссорилась она с кем-нибудь в последнее время? Может...

– Нет.

– ...были звонки или письма с угрозами?

Лоуис Каплан подняла глаза.

– Да, – сказала она, – письмо.

– Письмо с угрозами?

– Мы не поняли. Но Мерси очень испугалась. И купила пистолет.

– Какой пистолет?

– Не знаю. Маленький.

– Может быть, «Браунинг» 25-го калибра?

– Я не разбираюсь в оружии.

– Письмо пришло по почте или его принесли?

– По почте. В театр.

– Когда?

– Неделю назад.

– Она заявляла в полицию?

– Нет.

– Почему?

– Вы видели «Гремучую змею»? – спросила вдруг Лоуис.

– То есть?

– "Гремучую змею". Мюзикл. Шоу. В нем играла Мерси.

– Нет, не видел.

– Тогда слышали?

– Нет.

– Вы что, на луне живете?

– Простите, но у меня...

– Извините, ради Бога, – тут же вставила она. – Я не... Я просто... Извините, пожалуйста.

– Ничего-ничего.

– Ну, в общем-то... Сейчас это гвоздь сезона, но... вначале были неприятности, потому что... Вы уверены, что не слышали? Это было во всех газетах.

– Я, наверное, не обратил внимания, – объяснил Карелла. – Что там были за неприятности?

– Вы тоже ничего не знаете? – обратилась она к Хейзу.

– Нет, увы.

– О танцах Мерси?

– Нет.

– В одной сцене Мерси танцевала без одежды. Потому что идея была... Черт с ней, с идеей! Но только танец был совсем

не похотливый, даже не сексуальный! Но полиция этого не поняла и запретила шоу через два дня после премьеры. Администрации пришлось добиваться судебного разбирательства, чтобы снова открыть спектакль.

– Да, припоминаю, – кивнул Карелла.

– Я это к тому, что из театральных никто не пошел бы в полицию. Даже из-за угрожающего письма.

– Она купила пистолет, – вставил Хейз, – значит, ей все равно пришлось обращаться в полицию за разрешением.

– У нее не было разрешения.

– Тогда как она достала пистолет?. Чтобы купить оружие, надо сначала...

– У одного знакомого.

– Как зовут этого знакомого?

– Гарри Донателло.

– Импортер, – сухо заметил Карелла.

– Сувенирными пепельницами, – добавил Хейз.

– Я не знаю, чем он зарабатывает, – пожала плечами Луис. – Но он достал для нее оружие.

– Когда это было?

– Через несколько дней после письма.

– Что было в письме? – спросил Карелла.

– Сейчас я его принесу.

Луис ушла в спальню. Они слышали, как девушка выдвинула ящик, зашуршала бельем, потом как будто открыла жестянку из-под леденцов и с конвертом вернулась в комнату.

– Вот.

Не было смысла сохранять возможные отпечатки пальцев. Письмо побывало в руках Мерси Хауэлл, Лоуис Каплан и еще Бог знает скольких людей. Но, тем не менее, Карелла принял письмо на носовой платок, развернутый на ладони, потом взглянул на конверт.

– Ей нужно было сразу принести письмо нам, – сказал он. – Оно написано на гостиничном бланке, мы бы через минуту нашли отправителя.

Письмо действительно было написано на гостиничном бланке «Эддисона», одного из неприметных городских клоповников, находившегося всего в двух кварталах к северу от театра на Одиннадцатой улице, где работала Мерси Хауэлл. В конверте был один листок. Карелла развернул его. Карандашом было написано:

Где ваша одежда, мисс?

Ангел Мести

* * *

Торшер погас, комната погрузилась в темноту.

Сначала было слышно только прерывистое дыхание Адель Горман. Потом неясные, глухие, как будто принесенные курящимся туманом с сырого пустынного берега, слышались звуки искаженных голосов, и в комнате вдруг потянуло холодом. Голоса будто бы выделялись из безостановочно гудя-

щей толпы, взмывая и опадая в каком-то какофоническом ритме. Смесь языков резала слух. Слышно было, как взвыл ветер, словно кто-то резко и неожиданно распахнул дверь в некий запретный мир (какой холод в комнате!), обнажив толпы мятущихся теней, занятых бессмысленным разговором. Голоса стали громче, несомые этим ледяным пронизывающим ветром, яснее, ближе, и вот они заполнили комнату, будто требуя освободить их из адового, неземного склепа. А затем два, только два из бестелесных голосов оторвались от массы невидимых теней неся с собой порыв замогильного холода из неведомого мира. Послышался шепот. Сначала мужской, гортанно, с сильным иностранным акцентом выговаривавший только одно слово: «Ральф!». Затем добавился женский: «Адель!» – так же странно, прерывисто, потом снова: «Ральф!». Голоса перекрывались, но были явно чужеземными назойливыми, нарастающими, пока шепот не превратился в агонизирующий стон. Имена растаяли, став эхом в порывах ветра.

С глазами Мейера делалось что-то странное в темноте. Видения, которых, конечно, на самом деле не было, казалось, всплывали вместе с нарастанием звуков, наполнивших комнату. Под глухой рык мужского голоса и отчаянные стенания женского едва различимая мебель принимала расплывчатые, аморфные очертания. Затем в комнату опять вторглось бормотание других голосов, как бы призывая этих двоих назад, в угрюмый мшистый склеп, откуда те на мгно-

вание вырвались. Вой ветра стал еще пронзительнее, а голоса бесчисленных теней ослабли, отзываясь эхом, и – исчезли.

Торшер вспыхнул снова, разбрасывая скудное освещение. В комнате ощутимо потеплело, но Мейер Мейер был покрыт липким холодным потом.

– Ну, теперь вы верите? – спросила Адель Горман.

* * *

Детектив Боб О'Брайен выходил из туалета, когда увидел сидящую перед дежурной на скамейке женщину. Он уже собрался шмыгнуть обратно, но на долю секунды опоздал – она его увидела. Сбежать не удалось.

– Здравствуйте, мистер О'Брайен, – обратилась к нему женщина, неловко пытаясь встать, как будто не зная, встретить ли полицейского стоя или продолжать сидеть, сохраняя женское достоинство. Часы на стене в дежурке показывали 3.02 ночи, но женщина была одета, как для короткой послеобеденной прогулки в парке – коричневые брюки, туфли на низком каблуке, укороченное бежевое пальто, на голове шарф. Выглядела она лет на пятьдесят – пятьдесят пять. Лицо когда-то, должно быть, было хорошеньким, зеленые глаза, выступающие скулы и благородный рот. Правда, ее несколько портил слишком длинный нос. Она все-таки встала и пошла рядом с О'Брайеном, сопровождая его в дежурку.

– Поздновато уже, миссис Блэйр, обратился к ней О'Брай-

ен. – Что же вы не дома?

Он не считал себя бесчувственным бревном, но его манеры были сейчас подчеркнуто резкими и отталкивающими. Встречаясь с миссис Блэйр, наверное, уже в семнадцатый раз за месяц, детектив старался не заостряться на ее горе, потому что, откровенно говоря, ничем не мог ей помочь, и это бесило его.

– Вы видели ее? – спросила миссис Блэйр.

– Нет. Увы, не видел, миссис Блэйр.

– Я принесла другую фотографию, может, она поможет?

– Может быть, поможет.

Зазвонил телефон. Он взял трубку: «87-й участок. О'Брайен слушает».

– Боб, это Берт Клинг, взрыв в церкви на Калвер-авеню.

– Да, Берт.

– По-моему, этот красный «фольксваген» есть в оперативке по угнанным машинам. В той, что вчера получили. Откопай-ка ее и скажи, где его сперли.

– Сейчас, секунду. – О'Брайен принялся просматривать лист у себя на столе.

– Вот новая фотография, – продолжала миссис Блэйр, – я знаю, вы умеете разыскивать беглецов. Дети вам верят и все рассказывают. Если увидите Пенелопу, только скажите ей, что я ее люблю и что я очень сожалею о том, что случилось.

– Да, обязательно, – пообещал О'Брайен. В трубку он сказал:

– Здесь два «фольксвагена», Берт, модели 64-го года и 66-го. Тебе оба?

– Давай.

– Тот, что 64-го года, угнан у некоего Арта Хаузера. Он был припаркован на Уэст Меридиэм, 861.

– А 66-й?

– Владелец женщина, Элис Клири. Машину угнали со стоянки на Четырнадцатой улице.

– На Южной Четырнадцатой или на Северной Четырнадцатой?

– Южной. Южная, 303.

– Понял. Спасибо, Боб. – Клинг повесил трубку.

– И попросите ее прийти домой, – добавила миссис Блэйр.

– Обязательно, – кивнул О'Брайен. – Если увижу, обязательно скажу.

– Здесь Пенни хорошо выглядит, правда? – спросила миссис Блэйр. – Это было в прошлую Пасху. Это самая поздняя ее фотография. Я подумала, она вам пригодится.

О'Брайен посмотрел на девушку на фотографии, потом взглянул в зеленые глаза миссис Блэйр, затуманенные сейчас слезами. Ему вдруг захотелось перегнуться через стол и успокаивающе погладить женщину, чего он никак не мог сделать, не кривя душой. Несмотря на то, что он действительно был лучшим в отделе по поискам пропавших и всегда ходил с пухлым блокнотом, где было не меньше пятидесяти снимков подростков, мальчишек и девчонок, и несмотря на

то, что на его счету было больше найденных беглецов, чем у любого другого полицейского в городе, О'Брайен совсем ничем не мог помочь матери Пенелопы Блэйр, сбежавшей из дому в прошлом июне.

– Видите ли... – начал было он.

– Я не хочу этого слышать, – бросила миссис Блэйр, быстро направляясь к выходу из дежурки. – Скажите ей, пусть идет домой. Скажите, я люблю ее, – и убежала по окованной железом лестнице.

О'Брайен вздохнул и сунул новый снимок Пенелопы в блокнот. Миссис Блэйр не захотела слушать, но ее сбежавшей дочери Пенни уже исполнился 21 год, и не было на белом свете детектива, полицейского или кого другого, кто мог бы заставить ее вернуться домой, если она того не желала.

* * *

Толстяк Доннер был осведомителем, стукачом и имел при этом страсть к турецким баням. Этого человека, похожего на гороподобную фигуру Будды, можно было найти в любую минуту дня и ночи в одной из городских парилок завернутым в простыню и наслаждающимся жаром пекла. Берт Клинг нашел его в круглосуточной бане под названием «Стим-Фит». Он послал массажиста в парилку за Доннером. Толстяк передал, что будет через минуту, если Клинг не хочет к нему присоединиться. Присоединиться Клинг не хотел.

Он ждал в раздевалке. Доннер появился через семь минут, завернутый в свою дежурную простыню. Нелепый вид в любое время, а уж в полчетвертого ночи – тем более.

– Эй, – крикнул он. – Как делишки?

– Нормально, – ответил Клинг. – А твои?

– *Somme si, somme ga.*¹ – Доннер помотал в воздухе жирной рукой.

– Я ищу угнанные тачки, – сразу перешел к делу Клинг.

– Какие?

– "Фольксвагены", 64-и и 66-й.

– Какого цвета?

– Красные.

– Оба?

– Оба.

– Где они стояли?

– Один напротив Уэст Меридиэм, 861. Другой на стоянке на Южной Четырнадцатой.

– Когда это было?

– Оба на той неделе. Числа точно не знаю.

– Что ты хочешь знать?

– Кто их угнал?

– Думаешь, это один человек?

– Вряд ли.

– Что, так важно?

– На одной из машин, возможно, сегодня ночью подъеха-

---

¹ Так себе (фр.).

ли к церкви и...

– Ты про церковь на Калвер-авеню?

– Именно.

– Я не играю.

– То есть?

– Знаешь, в этом городе слишком многим этот взрыв по душе. Не хочу я влезать в такое говно. Белые – черные...

– А кто об этом узнает?

– Они тоже собирают информацию, как и вы.

– Мне нужна твоя помощь, Доннер.

– Нет, здесь уж извини, – и покачал головой.

– Тогда я поехал на Хай-стрит.

– Зачем? У тебя там еще один источник?

– Нет, там прокуратура.

Они посмотрели друг на друга. Доннер стоял с обмотанной вокруг живота простыней, пот все еще сочился, хотя толстяк давно вышел из парилки. Клинг был больше похож на рекламного агента, чем на полицейского, угрожающего разоблачением давних не слишком законных делишек. Они смотрели друг на друга с полным взаимопониманием, являя собой странный симбиоз правоохранителя и правонарушителя. Ни тот, ни другой не испытывал особой симпатии к компаньону, но оба зависели друг от друга. Молчание нарушил Доннер.

– Я не люблю, когда меня принуждают, – насупился он.

– А я не люблю, когда мне отказывают.

– Когда тебе нужна информация?

– До утра, во всяком случае.

– Я тебе что, волшебник?

– А что, нет?

– Волшебство ныне дорого.

– Сколько?

– Двадцать пять, если найду одного угонщика, пятьдесят, если обоих.

– Сначала найди, потом сторгуемся.

– А если мне потом свернут шею?

– Раньше надо было думать, когда выбирал профессию, – сказал Клинг. – Не бойся, Доннер, а то обделаешься. Просто какая-то падаль швырнула бомбу. Тебе никто ничего не делает.

– Да? – произнес Доннер, а потом очень профессиональным голосом сделал, наверное, важнейшее заявление последнего десятилетия:

– Расовые распри в нашем городе приближаются к очень опасному уровню.

– У тебя есть мой служебный телефон?

– Да, есть, – буркнул Доннер.

– Я сейчас туда. Звони.

– А можно, я сначала оденусь? – поинтересовался стукач.

Когда Карелла и Хейз вошли в холл отеля «Эддисон», дежурный администратор сидел там один. Погруженный в открытую перед ним книгу, он даже не поднял головы. Холл был обставлен под готику и давно обветшал: потертый восточный ковер, тяжелые, в завитушках, столы красного дерева, массивные набивные стулья с продавленными сиденьями и засаленными подголовниками, две плевательницы, стоящие у каждой из двух колонн, обшитых красным деревом. Лампа в абажуре из натурального шелка висела над столом администратора. Одной панели из освинцованного стекла на столе не было, другая сильно потрескалась. Когда-то это был роскошный отель. Сейчас он был подобен грошовой шлюхе, купившей у старьевщика побитую молью норку.

Администратор, в отличие от своего древнего окружения, был молодым человеком приблизительно двадцати пяти лет. Его коричневый твидовый костюм аккуратно выглажен. Шелковый галстук в желто-коричневую полоску хорошо сочетался с рубашкой телесного цвета. На носу очки в роговой оправе. Он наконец взглянул на детективов, оторвавшись от книги, и поднялся:

– Да, джентльмены, чем могу служить?

– Полиция, – сказал Карелла. Он вынул бумажник из кармана и открыл его там, где был приколот полицейский же-

тон. – Слушаю, сэр.

– Я детектив Карелла. Это мой коллега детектив Хейз.

– Добрый вечер, господа. Я дежурный администратор Ронни Сэнфорд.

– Мы ищем одного человека. Он мог здесь жить две недели назад, – начал Хейз.

– Так. Если он здесь жил две недели назад, – проговорил Сэнфорд, – то, может быть, мы его найдем. Почти все наши клиенты постоянно проживают здесь.

– У вас есть киоск канцтоваров? – спросил Карелла.

– Сэр?

– Канцтовары. Есть здесь место, куда можно войти с улицы и что-нибудь купить?

– Нет, сэр. Вон там в углу, у лестницы, есть письменный стол, но мы не держим там канцтоваров, сэр.

– В комнатах есть почтовая бумага?

– Да, сэр.

– А на вашем столе?

– Да, конечно, сэр.

– За этим столом круглые сутки кто-нибудь находится?

– Круглые сутки, сэр. У нас три смены. С восьми утра до четырех дня, с четырех дня до полуночи и с полуночи до восьми утра.

– Вы заступили в полночь, так?

– Так, сэр.

– Клиенты были в вашей сегодняшней смене?

– Да, несколько, сэр.

– Не заметили кого-нибудь в окровавленной одежде?

– Окровавленной? О, нет, сэр.

– А вы бы заметили?

– Что вы хотите сказать?

– Вы обращаете внимание на то, что делается в холле?

– Стараюсь, сэр. Во всяком случае, большую часть ночи.

Я иногда могу вздремнуть, если нечего делать, но обычно...

– Что вы изучаете?

– Бухгалтерское дело.

– Где?

– В университете Рамси.

– Вы позволите нам взглянуть на регистрационную книгу?

– Конечно, сэр.

Он подошел к почтовой стойке, взял лежавшую там регистрационную книгу, вернулся к столу и открыл ее:

– Все нынешние клиенты – наши постоянные жильцы, за исключением мистера Ламберта из 204-го и миссис Грант из 701-го.

– Когда они вселились?

– Мистер Ламберт вселился... прошлой ночью, по-моему. А миссис Грант живет здесь уже четыре дня. Она съезжает во вторник.

– Это собственноручные подписи клиентов?

– Да, сэр. Всем постояльцам мы предлагаем расписаться собственноручно, как требует закон штата.

– Ты понял, Коттон? – улыбнулся Карелла и опять повернулся к Сэнфорду: – Вы не будете возражать, если мы посмотрим журнал вон там, на кушетке?

– Видите ли, сэр...

– Я вам дам расписку, если хотите.

– Да нет, не надо. Ничего страшного, я думаю.

Полицейские сели с журналом на кушетку, обтянутую потертым красным вельветом. Карелла, примостив журнал на коленях, развернул записку, найденную у Мерси Хауэлл. В отеле проживало пятьдесят два человека. Карелла и Хейз просмотрели весь журнал, затем принялись листать его во второй раз.

– Стоп! – вдруг воскликнул Хейз.

– Что?

– Глянь-ка сюда.

Он взял записку и расправил ее прямо над одной из подписей:

Где ваша одежда, мисс?

Ангел Мести

Тимоти Аллен Меймз

– Ну что, видишь? – спросил он.

– Почерк другой, – возразил Карелла.

– Инициалы совпадают, – показал Хейз.

Детектив Мейер Мейер еще не отошел от шока. Он не любил привидения. Ему не нравился этот дом. Он хотел домой. Он хотел лежать в кровати рядом с женой Сарой. Ему хотелось, чтобы она погладила его по руке и сказала, что таких вещей не бывает, и ему, взрослому человеку, нечего пугаться! Как он мог поверить в духов, тени, голландских призраков? Смешно!

Но он их слышал, ощущал их ледяное присутствие, какое-то мгновение почти видел их. В шоке детектив повернулся к лестнице на звук спускающихся шагов и, широко открыв глаза, замер. Он почувствовал искушение вынуть револьвер, но подумал, что будет выглядеть глупо в глазах Горманов. Мейер прибыл сюда скептиком, а теперь...

Детектив в ужасе ждал того, кто спускался по ступенькам такими грузными шагами – то ли упырь в развевающемся саване, звенящий цепями, то ли призрак с побелевшим черепом вместо головы и костлявыми пальцами с капающей с них кровью младенцев.

Биллем Ван Хоутен, одетый в красные вельветовые шлепанцы и красный смокинг, с торчащими за ушами космами и пронзительным взглядом голубых глаз вошел в гостиную, направляясь прямо к дочери и зятю.

– Ну, – спросил он, – они снова были?

– Да, папа, – прошептала Адель.

– Что им сегодня надо было?

– Не знаю, они опять говорили по-голландски.

– Мерзавцы, – произнес Ван Хоутен и повернулся к Мейеру. – Вы их видели?

– Нет, сэр, не видел, – покачал головой полицейский.

– Но они ведь были здесь, – возразил Горман. – Я их слышал.

– Да, милый, – успокоила его Адель. – Мы все их слышали. Но так уже было, помнишь? Мы их слышали, но они так и не смогли сюда прорваться.

– Да-да, верно, – кивком подтвердил Горман, – такое уже было, детектив Мейер.

Он стоял сейчас лицом к Мейеру с комично склоненной головой, незрячие глаза закрыты черными очками. Когда он заговорил, то стал похож на ребенка, ищущего утешения.

– Вы ведь слышали их, детектив Мейер?

– Да, слышал, мистер Горман.

– А ветер?

– Да, и ветер тоже.

– А вы чувствовали их? Когда они появляются, становится... становится так холодно. Вы чувствовали, что они здесь?

– Что-то я чувствовал, – согласился Мейер. Неожиданно заговорил Ван Хоутен:

– Вы удовлетворены?

– Чем? – не понял Мейер.

– Тем, что в доме привидения. Вы ведь из-за них здесь, так ведь? Чтобы убедиться...

– Он здесь потому, что я попросил Адель обратиться в полицию, – подал голос Горман.

– Почему ты это сделал?

– Из-за украденных украшений, – сказал Горман. – А еще потому, что... Потому что я потерял зрение, да, но я хотел убедиться, что я не теряю еще и рассудок.

– Ты вполне здоров, Ральф, – произнес Ван Хоутен.

– А украшения... – начал Мейер.

– Они их взяли, – бросил Ван Хоутен.

– Кто?

– Йоган и Элизабет. Наши милые соседи, призраки, сукины дети.

– Это невозможно, мистер Ван Хоутен.

– Почему это невозможно?

– Потому что привидения... – начал было Мейер, но заколебался.

– Ну?

– Привидения, видите ли, не воруют драгоценности. Я хочу сказать, зачем они им? – выговорил он неуверенно и посмотрел на Горманов в поисках поддержки. Но никто из них его не поддержал. Они сидели на диване у камина с хмурым и подавленным видом.

– Они выживают нас из дома, – сказал Ван Хоутен, – это же очевидно.

– Почему очевидно?

– Потому что они сами сказали.

– Когда?

– Перед тем, как украсть ожерелье и серьги.

– Они сказали это вам?

– Мне и детям. Мы все трое были здесь.

– Но я так понял, что духи говорят только по-голландски.

– Да, я перевел для Ральфа и Адель.

– Что произошло потом?

– То есть?

– Когда вы обнаружили пропажу украшений?

– Как только они ушли.

– То есть, вы подошли к сейфу...

– Да, открыл его, а драгоценностей не было.

– Мы их там заперли десятью минутами раньше, – вставила Адель. – Мы были в гостях, Ральф и я, и приехали домой очень поздно. Папа еще не спал. Он читал здесь, в том кресле, где вы сейчас сидите. Я попросила его открыть сейф и оставила там украшения. Потом он закрыл сейф, а потом... Потом пришли они... Угрожали.

– В котором это было часу?

– Как обычно. Они всегда приходят в одно и то же время.

Два сорок пять ночи.

– Когда, вы сказали, украшения были помещены в сейф?

– Около половины третьего, – ответил Горман.

– А когда сейф снова открыли?

– Сразу, как они ушли. Они были всего несколько секунд. Только сказали моему тестю, что забирают ожерелье и серьги. Когда снова зажегся свет, он тут же подбежал к сейфу.

– Свет всегда гаснет?

– Всегда, – подтвердила Адель. – Все всегда одинаково. Гаснет свет, становится холодно, появляются эти странные... голоса, – она помолчала. – А потом приходят Йоган и Элизабет.

– Однако сегодня они не появились, – заметил Мейер.

– Так было уже, – поспешно ответила Адель.

– Они выживают нас из дома, – заговорил Ван Хоутен, – все идет к тому. Может, нам правда нужно уехать? Пока они все у нас не забрали.

– Все? Что вы хотите этим сказать?

– Остальные украшения моей дочери. Кое-какие акции. Все, что есть в сейфе.

– Где сейф? – спросил Мейер.

– Здесь, за картиной.

Ван Хоутен подошел к противоположной от камина стене. Там висела картина в раме с позолоченным орнаментом, изображающая пасторальный пейзаж. Рама была закреплена на петлях. Ван Хоутен распахнул картину, словно дверь, и указал на небольшой черный округлый сейф.

– Вот.

– Сколько человек знают код? – спросил Мейер.

– Только я, – ответил Ван Хоутен.

– Код где-нибудь записан?

– Да.

– Где?

– В надежном месте.

– Где?

– Я не думаю, что вас это касается, детектив Мейер.

– Я хочу понять, не мог ли другой человек добраться до кода.

– Да, этого, конечно, исключить нельзя, – согласился Ван Хоутен. – Но очень маловероятно.

– Ну, – произнес полицейский. – Я прямо не знаю, что и сказать. Я бы хотел обмерить комнату, если не возражаете. Размеры, расположение дверей, окон, ну и тому подобное. Для протокола, – и пожал плечами.

– Довольно поздно уже, – заметил Ван Хоутен.

– Я ведь и приехал сюда поздно, – улыбнулся Мейер.

– Пойдем, папа, я приготовлю чай на кухне, – вмешалась Адель. – Вы не долго, детектив?

– Не знаю, может, задержусь.

– Вам принести чаю?

– Спасибо, был бы очень обязан.

Она поднялась с дивана и взяла мужа под руку. Медленно она провела его мимо отца и вышла из комнаты. Ван Хоутен еще раз взглянул на Мейера, коротко кивнул и тоже вышел. Детектив закрыл за ними дверь и немедленно направился к торшере.

Женщине было шестьдесят лет. Внешне она была похожа на добрую бабушку. Но эта бабушка только что убила своего мужа и троих детей. Ей объяснили ее права, и она сказала, что скрывать ей нечего и она готова отвечать на любые вопросы. Одета в черное суконное пальто, под которым виднелись окровавленные пижама и халат, она сидела на жестком стуле в дежурке. Руки в наручниках неподвижно лежали на черном кожаном бумажнике на коленях. О'Брайен и Клинг посмотрели на стенографиста, тот взглянул на часы на стене, отметил время начала допроса – 3.55 – и кивком дал понять, что готов.

– Ваше имя?

– Изабель Мартин.

– Сколько вам лет, миссис Мартин?

– Шестьдесят.

– Где вы проживаете?

– На Эйнсли-авеню.

– Где именно?

– Эйнсли-авеню, дом 657.

– С кем вы там живете?

– С мужем Роджером, сыном Питером и дочерьми Энни и Абигайл.

– Расскажите, пожалуйста, что случилось сегодня ночью,

миссис Мартин, – вступил Клинг.

– Я их всех убила, – проговорила она. У нее были седые волосы, тонкий орлиный нос, карие глаза за очками в тонкой оправе. Женщина смотрела прямо перед собой, не поворачивая головы ни вправо, ни влево, полностью игнорируя допрашивающих, видимо, все еще под впечатлением того, что она совершила всего полчаса назад.

– Вы не могли бы рассказать подробнее, миссис Мартин.

– Сначала я убила его, скотину.

– Кого?

– Мужа.

– Когда это произошло?

– Когда он пришел домой.

– В котором это было часу, припомните.

– Недавно.

– Сейчас почти четыре, – сказал Клинг. – Значит, это было около трех тридцати?

– Я не смотрела на часы. Я услышала, как щелкнул замок, вышла на кухню, он был там.

– Так.

– Над раковиной у меня висит нож. Им я его и ударила.

– Зачем вы это сделали, миссис Мартин?

– Потому, что я так хотела.

– Вы поссорились с ним?

– Нет. Он закрывал дверь, я подошла к раковине, взяла нож и ударила его.

– Куда вы его ударили, миссис Мартин?

– В голову, в шею и, по-моему, в плечо.

– Вы ударили его трижды?

– Я сделала много ударов, не знаю точно, сколько.

– Вы понимали, что убиваете его?

– Да, понимала.

– Вы знали, что бьете его ножом?

– Да, знала.

– Вы намеренно убили его ножом?

– Я намеренно убила его ножом.

– А после всего вы понимали, что вы его убили?

– Я понимала, что он сдох, скотина.

– Что вы сделали дальше?

– Мой старший сын. Питер, вошел на кухню. Мой мальчик. Он закричал на меня, он все хотел спросить, что я сделала, он кричал и кричал на меня. Я его тоже ударила, чтобы он заткнулся. Он тоже был гаденышем, этот Питер.

– Вы осознавали, что вы делали, и на этот раз?

– Я понимала, что я делаю. Его я ударила один раз, поперек горла.

– Что произошло потом, миссис Мартин?

– Я пошла в спальню, где спали мои дочери. Сначала я зарезала Энни, потом Абигайл.

– Куда вы их ударили, миссис Мартин?

– В лицо, обеих в лицо.

– Сколько раз?

– Энни, наверное, два раза, а Абигайл только раз.

– Зачем вы это сделали, миссис Мартин?

– Кто о них позаботится, когда меня не будет? – ни к кому не обращаясь, произнесла она.

– Вы бы хотели что-нибудь добавить? – спросил Клинг.

– Мне нечего добавить. Я правильно сделала.

Полицейские отошли от стола. Оба были бледны.

– О, Боже! – прошептал О'Брайен.

– Да, – отозвался Клинг. – Давай прямо сейчас позвоним дежурному в прокуратуру, пусть зафиксирует полное признание.

– Не моргнув глазом уложила четверых, – покачал головой О'Брайен и направился к стенографисту, печатавшему признание миссис Мартин.

Зазвонил телефон. Клинг подошел к столу и взял трубку.

– Восемьдесят седьмой участок, детектив Клинг.

– Это Доннер.

– Да, Толстяк?

– Я, похоже, кое-что узнал об этих тачках.

– Давай.

– Одну угнали с Четырнадцатой улицы. По моим сведениям, это было вчера утром. Совпадает?

– Я проверю по оперативке. Давай дальше.

– Она уже в кювете, – продолжал Доннер. – Только *entre vous*². Я не хочу никаких неприятностей из-за этого. Угнал

---

² Между нами (фр.).

обычный фрайер, мать продаст за копейку. Он не любит ниггеров, четыре года назад в уличной драке убил двоих, но вышел сухим. Может, подмазал следователя, а, Клинг?

– В этом городе невозможно подкупить отдел убийств, и ты это знаешь, Доннер.

– Серьезно? Удивительно! По-моему, здесь можно кого угодно купить за пару долларов.

– Его имя?

– Дэнни Райдер, Гровер-авеню, 3541, у парка. Но его там уже нет.

– Где его искать?

– Десять минут назад он был в ночном баре на Мэйсон, бар «Феличия». Идешь за ним?

– Иду.

– Возьми оружие, – посоветовал Доннер.

Было без четверти пять, когда Клинг подошел к «Феличия». Там сидело человек семь. Он сначала рассмотрел бар через окно, потом расстегнул третью пуговицу плаща, открыл кобуру, проверил, свободно ли выходит револьвер, сунул его обратно и вошел в бар.

В нос ударил застоявшийся запах сигаретного дыма, пива, пота и дешевых духов. В обитой кожей кабинке пуэрториканка о чем-то шепталась с моряком. Другой моряк склонился над музыкальным автоматом, внимательно обдумывая свой следующий выбор; на его лицо падали оранжевые, красные, зеленые всполохи светомузыки. Усталая, жирная пяти-

десятилетняя блондинка сидела в дальнем конце бара, следя за моряком с таким видом, точно нажатие следующей кнопки могло разрушить весь мир. Бармен протирает стаканы. Он взглянул на вошедшего Клинга и немедленно узнал в нем слугу закона. В противоположном конце бара сидели двое мужчин.

Один из них был одет в голубую водолазку, серые брюки и походные ботинки. Его каштановые волосы были коротко пострижены на армейский манер. На другом мужчине была светло-коричневая куртка с надписью «ORIOLES, SAC» на спине. Короткоостриженный что-то тихо сказал, другой прыснул. За стойкой позвякивали стаканы, которые бармен расставлял на полке. Музыкальный автомат, наконец, разразился звуками. Джими Хендрикс исполнял «Все на сторожевой башне». Клинг подошел к двум мужчинам.

– Кто из вас Дэнни Райдер? – спросил он.

Коротковолосый оглянулся:

– А ты кто будешь?

– Полиция, – ответил Клинг. Тот, что в коричневой куртке, вскочил с пистолетом в руке. Глаза Клинга удивленно распахнулись. Грохнул выстрел.

Некогда было не то что думать – некогда было дышать. Близкий выстрел прозвучал оглушительно громко, кислая вонь от сгоревшего пороха ударила в ноздри. Молниеносное счастливое осознание того, что он все еще жив, что пуля каким-то образом прошла мимо, только проскользнуло где-то

на границе разума; все остальное произошло рефлексивно. Он нажал на курок, едва вырвав револьвер из кобуры, целясь в коричневую куртку; одновременно ударил в грудь плечом коротковолосого, сбив его со стула. Человек в коричневой куртке с перекошенным от боли лицом снова поднимал пистолет. Клинг выстрелил опять, нажав на спуск без всякой злости. Затем круто повернулся к коротковолосому, скрючившемуся на полу у стойки.

– Встать! – рявкнул Клинг.

– Не стреляй.

– Встать, сука!

Он рывком поднял человека на ноги, швырнул его к стойке, уткнул дуло револьвера в голубую водолазку, пробежал рукой у того под мышками и между ногами, тогда как коротковолосый все повторял:

– Не стреляй, пожалуйста. Не стреляй, пожалуйста.

Клиг оставил его и подошел к коричневой куртке.

– Это Райдер?

– Да.

– Ты кто?

– Фрэнк... Фрэнк Пасквэйл. Слушай, я...

– Замолкни, Фрэнк, – рыкнул Клиг. – Руки за спину, живо!

Клиг отстегнул наручники от пояса, защелкнул их на запястьях Пасквэйла и только тогда заметил, что Джими Хендрикс еще поет, моряки сидят с побелевшими лицами, пуэр-

ториканка визжит, у жирной блондинки отвалилась челюсть, бармен замер со стаканом в одной руке и салфеткой в другой.

– О'кей, – хрипло выдохнул Клинг. – О'кей, – и вытер лоб.

* * *

Тимоти Аллен Меймз был сорокалетним человеком с круглым животиком, густыми черными усами, гривой черных длинных волос и карими глазами, в которых не было и тени сна, хотя стрелки на часах показывали только пять минут шестого утра. Он быстро открыл дверь, как будто и не спал, потребовал предъявить удостоверения, затем попросил полицейских подождать минуту. Тимоти прикрыл дверь, но вскоре вернулся, одетый в халат поверх полосатой пижамы.

– Вас зовут Тимоти Аллен Меймз? – спросил Карелла.

– Это я, – буркнул Меймз, – немного поздновато для визитов, вам не кажется?

– Или рановато, как посмотреть, – вставил Хейз.

– Мне только смешливых полицейских не хватало в пять утра. А как вы сюда, собственно, попали? Опять этот козел внизу дрыхнет?

– Кого вы имеете в виду?

– Лонни Сэнфорда, или как его там.

– Ронни Сэнфорд.

– Да, его. Постоянно этот идиот мне нервы треплет.

– Из-за чего он вам их треплет?

– Из-за баб. Трясется, если видит мужчину с девушкой здесь...

– Оставим Сэнфорда, поговорим о вас, – предложил Карелла.

– Давайте поговорим, а что вам нужно?

– Где вы были между одиннадцатью двадцатью и двенадцатью этой ночью?

– Здесь.

– Можете доказать?

– Конечно. Я вернулся сюда около одиннадцати и больше не выходил. Спросите Сэнфорда внизу... Нет, его еще не было. Он в полночь заступает.

– Кого еще мы можем спросить, Меймз?

– Слушайте, вы не втравите меня в неприятности?

– Если вы уже не вляпались.

– Я здесь с телкой. Ей уже больше восемнадцати, не волнуйтесь. Но она... она на игле. Она не торгует, ничего такого. Но если вы захотите, можете, конечно, наделать шума... Вы народ такой.

– Где она?

– В сортире.

– Позовите.

– Слушайте, я вас прошу. Не трогайте девчонку. Она хочет бросить колоться, правда. Я стараюсь ей помочь.

– Как?

– Не давая ей времени для этого, – сказал Меймз и под-

мигнул.

– Зовите.

– Би, иди сюда! – крикнул Меймз.

После минутного замешательства открылась дверь в ванную. Девушка оказалась высокой брюнеткой, одетой в короткий махровый халат. Она робко проскользнула в комнату, как будто ожидая в любой момент удара в лицо. Широко открытые карие глаза выжидающе осматривали присутствующих. Она уже сталкивалась с полицией, знала, чем грозит обвинение в наркобизнесе. По-видимому, через дверь ванной был слышен весь разговор, и сейчас девушка ожидала решения своей участи, готовясь к худшему.

– Как вас зовут, мисс? – спросил Карелла.

– Беатрис Норден.

– В котором часу вы пришли сюда, Беатрис?

– Около одиннадцати.

– Этот человек был с вами?

– Да.

– Он выходил куда-нибудь?

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Он снял меня около девяти...

– Где вы живете, Беатрис?

– Видите ли, дело в том, что, – замялась девушка, – ...

меня выгнали из комнаты.

– Тогда где он вас нашел?

– Дома у моей знакомой. Можете спросить ее, она была дома, когда он пришел. Ее зовут Розали Дьюз. Тимми снял меня около девяти, мы пошли поужинать в «Чинк», а к одиннадцати были здесь.

– Надеюсь, вы говорите правду, мисс Норден? – спросил Карелла.

– Клянусь Богом, мы всю ночь были здесь, – воскликнула Беатрис.

– Ладно, Меймз. Нам нужен образец вашей руки.

– Моей чего?

– Образец почерка.

– Зачем?

– Мы собираем автографы, – ухмыльнулся Карелла.

– Знаешь, они меня достали, – повернулся Меймз к девушке. – Прямо цирк среди ночи.

Карелла дал ему ручку и лист, вырванный из блокнота.

– Напишите вот это. Первую часть печатным шрифтом.

– Что еще за печатный шрифт?

– Печатными буквами, он хотел сказать, – пояснил Хейз.

– Так пусть так и говорит.

– Где ваша одежда, мисс? – продиктовал Карелла.

– А что? – вскинулась Беатрис. – Вы понимаете, я ведь спала, когда вы пришли...

– Я хочу, чтобы он это написал, – успокоил ее Карелла.

– О-о!

– Где ваша одежда, мисс? – повторил Меймз и печатными

буквами написал это на листке. – Что еще?

– Теперь напишите от руки следующие слова: «Ангел Мести».

– Что вы мне шьете, черт возьми?

– Напишите, пожалуйста.

Меймз перечитал написанное и подал листок Карелле. Тот с Хейзом сравнил его с запиской, полученной Мерси Хауэлл.

Где ваша одежда, мисс?

Ангел Мести

Где ваша одежда, мисс?

Ангел Мести

– Ну? – спросил Меймз.

– Вы чисты, – ответил Хейз.

– А что, я был грязный? – поинтересовался Меймз.

Ронни Сэнфорд сидел за стойкой администратора внизу и был все так же погружен в учебник. Когда полицейские вышли из лифта, он поднялся, поправил очки на носу и поинтересовался:

– Нашли что-нибудь?

– Похоже, что нет, – Карелла выглядел раздосадованным, – нам понадобится регистрационный журнал до утра.

– Э-э...

– Дай ему расписку, Коттон, – бросил Карелла. Было поздно, и ему не хотелось вступать в пререкания в занюханном холле отеля. Хейз быстро написал через копирку расписку,

подписался на обоих экземплярах и отдал один Сэнфорду.

– Как насчет порванной обложки? – запоздало спросил Хейз.

– Да, – подтвердил Карелла. – На кожаном переплете журнала была небольшая царапина. Он провел по ней пальцем и сказал Хейзу:

– Лучше отметить в расписке, Коттон.

Хейз взял назад расписку и на обоих экземплярах дописал:

«Небольшое повреждение обложки».

– Распишитесь, мистер Сэнфорд, – попросил он. – Вот здесь, пожалуйста.

– Зачем? – спросил тот.

– Чтобы подтвердить, что мы получили журнал в таком виде.

– Да, конечно, – буркнул Сэнфорд.

Он взял шариковую ручку из прибора.

– Что мне нужно написать?

– Ваше имя, должность и все.

– Мою должность?

– Дежурный администратор, отель «Эддисон».

– Ах, да! – Сэнфорд расписался на обоих листках. – Так пойдет?

Полицейские посмотрели на подпись и переглянулись.

– Вы любите девочек? – вдруг спросил Карелла.

– Что?

– Девочек, – повторил Хейз.

– Конечно, конечно. Я люблю девочек.

– Одетых или голых?

– Что?

– В одежде или без?

– Я... я не понимаю, сэр.

– Где вы были сегодня ночью между одиннадцатью двадцатью и полночью? – спросил Хейз.

– Соб-бир-рался на р-работу, – промямлил Сэнфорд.

– Вы уверены, что не были в проходе у театра на Одиннадцатой улице? Убивая девушку по имени Мерси Хауэлл?

– Что? Нет... нет, конечно... конечно, нет... Я... я... был дома, собирался... на... на...

Сэнфорд глубоко вздохнул и решил оскорбиться:

– Слушайте, что вы себе позволяете? Объяснитесь немедленно!

– Все вот здесь, – сказал Карелла и повернул одну из расписок так, чтобы Сэнфорд мог прочитать подпись:

Рональд Сэнфорд

Дежурный администратор «Эддисон».

– Одевайтесь, – приказал Хейз, – читальный зал закрывается.

* * *

В двадцать пять минут шестого Адель Горман вошла в

комнату с чаем для Мейера. Он стоял, нагнувшись, у кондиционера, встроенного в стену слева от портьеры. Услышав ее шаги, детектив оглянулся через плечо и выпрямился.

– Я не знала, как вы любите, поэтому все принесла сюда, – объяснила она.

– Спасибо, – отозвался тот, – немного молока и сахара.

– Вы обмерили комнату? – спросила Адель и поставила поднос на столик у дивана.

– Да, я, наверное, уже все осмотрел.

Мейер опустил ложку сахара в чай, добавил каплю молока, помешал и поднес чашку к губам.

– Горячий, – покачал он головой.

Адель Горман молча за ним наблюдала. Детектив прихлебывал чай. Замысловатые часы тихо тикали над камином.

– У вас всегда так темно в этой комнате? – поинтересовался Мейер.

– Вы знаете, мой муж не видит, так что свет не очень и нужен.

– М-м-м. Но ваш отец ведь здесь читает, не так ли?

– Простите, вы о чем?

– Тот вечер, когда вы вернулись из гостей. Он сидел вон в том кресле у торшера. Читал. Помните?

– О, да, да. Конечно.

– Тускловатый свет для чтения.

– Да, наверное.

– Я подумал, что что-то не в порядке с лампочками.

– В самом деле?

– М-м-м. Я тут осмотрел торшер, там три стоваттовых лампочки, все работают. Они должны давать гораздо больше света.

– Знаете, я не очень разбираюсь в...

– Если только к торшеру не подключен реостат.

– Простите, я не понимаю, что такое реостат?

– Переменное сопротивление. Можно уменьшить яркость, можно увеличить. Я подумал, что, может быть, к торшеру подключен реостат, но нигде в комнате не нашел регулятора. – Мейер помолчал. – Вы нигде его не находили в доме?

– Нет, не видела, – Адель выглядела растерянной.

– Тогда лампочки, наверное, бракованные, – произнес Мейер и улыбнулся. – Кондиционер тоже, я думаю, поломан.

– Нет, он работает.

– Я только что осмотрел его. Все тумблеры включены, но он не работает. Позор, конечно, такая хорошая вещь. Шестнадцать тысяч тепловых единиц. Для этой комнаты это очень много. Мы с женой снимаем квартиру в старом доме на улице Конкорд, с большой спальней, и нам хватает полутысячника. Позор, что такая хорошая вещь не работает.

– Извините, детектив Мейер, я не хочу показаться грубой, но уже поздно...

– Конечно, если только выключатель тоже где-нибудь не спрятан, – продолжал Мейер. – Где-нибудь в другой комнате

включаешь тумблер, и – пожалуйста!

Он снова помолчал.

– Есть где-нибудь такой тумблер, миссис Горман?

– Понятия не имею.

– Я сейчас. Допью чай и пойду, – успокоил ее Мейер. Он поднял чашку, отпил глоток и добавил, глядя на Адель:

– Но я вернусь.

– Вряд ли это будет необходимо, – возразила Адель.

– Так ведь украшения украдены.

– Привидения...

– Бросьте, миссис Горман.

В комнате стало тихо.

– Где динамики, миссис Горман? В бутафорских балках вон там, наверху? Они пустотелые, я проверял.

– Вам сейчас лучше уйти, – медленно произнесла Адель.

– Обязательно.

Мейер поставил чашку на стол, вздохнул и поднялся на ноги.

– Я вас провожу, – предложила Адель.

Они вышли наружу. Ночь была тихой. Морось прекратилась, тонкий снежок покрывал траву, скатываясь дальше вниз, к реке. Когда они медленно двигались к автомобилю, гравий поскрипывал у них под ногами.

– Мой муж ослеп четыре года назад, – заговорила Адель. – Он был химиком, на комбинате произошел взрыв, он мог погибнуть, но только ослеп.

Она мгновение помолчала, потом повторила:

– Только ослеп.

В этих двух словах послышалась такая надрывная безысходность, что Мейеру захотелось обнять ее за плечи, как собственную дочь, сказать ей, что все будет хорошо утром, ночь уже на исходе, вот-вот займется утро. Он облокотился на крыло машины, Адель стояла рядом и смотрела на гравий под ногами, не поднимая на полицейского глаз. Они стояли в ночи, как шпионы, обменивающиеся информацией, хотя были обычными людьми. Судьба связала их вместе с целью такой же призрачной, как и привидения, обитавшие в доме.

– Он получает пенсию по инвалидности от компании, – продолжала Адель. – Они правда были очень добры к нам. И, конечно, я работаю. Преподаю. В школе и в детском саду, детектив Мейер. Я люблю детей, – женщина помолчала, все так же не поднимая на полицейского глаз. – Но... иногда очень трудно. Мой отец, он...

Мейер ждал. Он вдруг захотел, чтобы все это кончилось, но продолжал терпеливо ждать. Было слышно, как Адель коротко вздохнула, будто решившись продолжать рассказ, каким бы болезненным ни было откровение, готовая отдаться на милость ночи, пока не пробилось утреннее солнце.

– Мой отец ушел в отставку пятнадцать лет назад, – она глубоко вздохнула. – Он играет, детектив Мейер. На скачках. Он проигрывает очень большие суммы.

– Поэтому он и украл драгоценности?

– Вы поняли? – просто сказала Адель и подняла на него глаза. – Конечно, вы поняли, это так очевидно. Эти фокусы, этот спектакль не может никого обмануть. Разве что... слепого. – Она вытерла ладонью щеку. Может быть, холодный ветер выбил у нее слезу.

– Я... мне правда не жалко драгоценностей, которые оставила мне мать. В конце концов, он сам ей их купил, так что это что-то вроде возвращения ссуды. Меня, правда это не трогает. Я бы... я бы сама отдала драгоценности, если бы он попросил, но он горд. Он так горд! Гордец, укравший у меня драгоценности и сваливающий вину на привидения. А муж в своем темном мире прислушивается к звукам, которые отец смонтировал на пленке, и представляет себе вещи, в которые до конца поверить не может. Это он попросил меня обратиться в полицию. Ральф хотел, чтобы кто-нибудь посторонний помог ему избавиться от ощущения, что из шляпы слепого нищего воруют копейки. Поэтому я и пришла к вам, детектив Мейер. Чтобы вы пришли к нам ночью, попались бы на эту удочку, как и я попалась сначала, и сказали бы моему мужу: «Да, мистер Горман, в вашем доме есть привидения».

Женщина вдруг оперлась на руку полицейского. Слезы струились по ее лицу, она прерывисто дышала.

– Потому что, видите ли, детектив Мейер, у нас в доме действительно есть призраки, настоящие призраки. Призрак гордеца, бывшего когда-то прекрасным судьей и адвокатом,

а сейчас игрока и вора; и призрак человека, когда-то зрячего, а сейчас спотыкающегося на ходу и падающего... в тьму.

На реке прогудел буксир. Адель Горман замолчала. Мейер открыл дверцу машины и сел за руль.

– Я позвоню завтра вашему мужу, – бросил он резко, – скажу ему, что я убежден, что в доме происходит что-то сверхъестественное.

– Вы вернетесь, детектив Мейер?

– Нет, я не вернусь, миссис Горман.

* * *

Обитатели дежурки подводили итоги ночи. Их рабочий день начался в 7.45 утра и официально заканчивался в 5.45 утра сегодня, но все были еще здесь, потому что оставались незадаанные вопросы и ненапечатанные отчеты. Только доделав все дела, они смогут уйти домой. Сменяющие их полицейские были заняты подготовкой к наступающему рабочему дню. В шесть часов утра дежурка напоминала растревоженный улей, в это время здесь встречались две смены сразу.

В следственной комнате Карелла и Хейз допрашивали Рональда Сэнфорда в присутствии помощника районного прокурора. Он прибыл сюда для получения признания миссис Мартин, но оказалось, что ему пришлось выслушивать еще одно дело. Он же хотел только поскорее попасть домой и лечь спать. Сэнфорд был страшно потрясен, что полицейские за-

метили совпадение почерка в «Дежурный администратор» и «Ангел Мести», Он был уверен, что поступил очень умно, сказав слово «одежда», надеялся, что полиция, даже если и заинтересуется этим письмом, то решит, что его писал какой-то малограмотный, но только не студент, изучавший бухгалтерское дело. Сэнфорд не мог объяснить, почему он убил Мерси Хауэлл. Он путался и мямлил, неся что-то о моральном климате Америки, о людях, выставивших себя публике на обозрение, о том, что они не должны сворачивать других, заражать своей испорченностью, вмешиваться в жизнь тех, кто пытается найти свое место в мире, трудится, выбиваясь из сил... Днем учится на бухгалтера, а ночью работает в отеле...

Тон Фрэнка Пасквэйла, допрашиваемого в канцелярии О'Брайеном и Клингом, не был таким истеричным, но, тем не менее, исповедь Фрэнка сильно напоминала бормотание Сэнфорда. У них с Дэнни Райдером появилась мысль, что ниггеры в Америке слишком обнаглели, проталкиваются туда, где им не место, отнимают работу у честных, трудолюбивых людей, которые и хотят-то только, чтобы их оставили в покое. Какое право имеют эти обезьяны наступать на пятки другим? Так и решено было бросить бомбу в церковь, чтобы показать черномазым, кто хозяин в Америке. Он не казался очень обеспокоенным тем, что его товарищ лежит мертвый, как камень, на столе в морге, что их маленькая экспедиция на Калвер-авеню стоила трем людям жизни и искалечи-

ла полдюжины других. Единственное, что его интересовало, будет ли его фотография в газетах.

За своим столом Мейер Мейер начал печатать отчет о гормановских привидениях, но потом решил послать его к черту. Если лейтенант спросит его, где он был полночи, он скажет, что шлялся по улицам и искал приключений. Бог свидетель, их вокруг предостаточно. Мейер вынул бланки отчета с вложенными между ними листами копирки из старой машинки и заметил, что по комнате нервно вышагивает детектив Хол Уиллис, ожидая, пока освободится стол.

– О'кей, Хол, – Мейер встал из-за стола. – Я уже сваливаю.

– Einalemente!³ – воскликнул Уиллис, не бывший, впрочем, итальянцем.

Зазвонил телефон.

~~

Уже встало солнце, когда полицейские вышли из здания, миновали зеленые круглые фонари с надписью «87» и спустились по низким плоским ступенькам на тротуар.

Парк через улицу блестел красками раннего осеннего утра. Небо над ним было чистым и голубым. Занимался прекрасный день. Детективы направились к ресторанчику в соседнем квартале, Мейер и О'Брайен впереди остальных, Карелла, Хейз и Клинг позади. Они выглядели измотанными, усталость была видна в глазах, в складках у рта и в походке. Они вяло разговаривали, большей частью о работе, выдыхая

---

³ Наконец! (итал.).

перистые белые облачка в холодный утренний воздух.

В ресторане полицейские сбросили плащи и заказали горячий кофе, датский сыр и оладьи по-английски. Мейер пожаловался, что, наверное, болеет. Карелла ответил что-то о лекарстве от кашля, которое его жена давала одному из детей. О'Брайен, жуя оладью, взглянул через зал и увидел молодую девушку в одной из кабинок. Она была в голубых джинсах и яркой мексиканской накидке. Девушка беседовала с парнем в военно-морском бушлате.

– По-моему, я кого-то вижу, – сказал О'Брайен и вышел из кабинки, покинув Клинга и Хейза, обсуждавших новую идиотскую инструкцию о порядке преследования и задержания.

Девушка подняла глаза на подошедшего полицейского.

– Мисс Блэйр? – обратился он. – Пенелопа Блэйр?

– Да, – ответила девушка. – А вы кто?

– Детектив О'Брайен. Восемьдесят седьмой участок. Ваша мать была у меня ночью. Пенни. Она просила передать вам, что...

– Вали, мусор, – бросила она. – Иди, хулиганов лови.

О'Брайен помолчал мгновение. Потом кивнул, повернулся и пошел к своему столику.

– Что? – спросил Клинг.

– Невозможно всех победить, – покачал головой О'Брайен.

2

Дневное дежурство

Парню, лежавшему голым на бетоне внутреннего двора многоквартирного дома, на вид было лет восемнадцать. Довольно длинные волосы и молодая бородка. Волосы и борода черные, тело очень белое, а кровь, сочившаяся из-под него на бетонное покрытие, ярко-красная.

Его без двух минут шесть обнаружил консьерж, вышедший во двор, чтобы выбросить мусор. Парень лежал лицом вниз в луже собственной крови, и консьерж не мог его опознать. Он был потрясен, конечно. Не каждый день натыкаешься на голых мертвых парней во дворе. Но, несмотря на шок и на солидный возраст – под восемьдесят, – ему хватило расторопности сразу же позвонить в полицию. Далеко не каждый житель города смог бы действовать так разумно и быстро.

Хол Уиллис прибыл к месту происшествия в семь пятнадцать. Его сопровождал Ричард Дженеро, новичок в отделе. Детективом 3-й степени он стал совсем недавно, а до этого был патрульным. Форбс и Фелпс, следователи из отдела убийств, находились уже там. Уиллис был убежден, что любые два следователя из отдела убийств ничем не отличаются от любых других двух следователей из того же отдела. Он, к

примеру, никогда не видел Форбса и Фелпса в одном месте с Моноганом и Монро. Разве это не неопровержимое доказательство того, что это одни и те же люди? Более того, Уиллис подозревал, что все следователи в отделе убийств регулярно обмениваются одеждой и что Форбс и Фелпс могут в любой день оказаться в костюмах и плащах, принадлежащих Моногану и Монро.

– Доброе утро, – сказал Уиллис.

– Доброе-доброе, – отозвался Фелпс.

Форбс что-то хмыкнул.

– Чудненько началось воскресенье, т-твою мать! – угрюмо буркнул Фелпс.

– Быстро вы прискакали, мужики, – добродушно улыбнулся Дженеро.

Форбс уставился на него:

– Ты кто такой?

– Дик Дженеро.

– Никогда не слышал, – бросил Форбс.

– Я о вас тоже, – парировал Дженеро и, ожидая поддержки, глянул на Уиллиса.

– Кто убитый? – сухо спросил тот. – Кто-нибудь выяснял?

– А ты на нем паспорт поищи, – посоветовал Фелпс и хрипло закудахтал.

– Может, он его в жопе носит, – добавил Форбс и присоединился к гогочущему товарищу.

– Кто обнаружил тело? – спросил Уиллис.

– Консьерж этого дома.

– Сходи за ним, Дик.

– Сейчас, – Дженеро исчез в подъезде.

– Ненавижу такое начало дня, – продолжал брюзжать Фелпс.

– Мрачно, – кивнул Форбс.

– Я только чашку кофе выпил с утра, а тут это. Бр-р, – передернул плечами Фелпс.

– Гадость, – поддержал его Форбс.

– Хоть бы срам чем-нибудь прикрыл, когда прыгал с крыши, – покачал головой Фелпс.

– Откуда ты знаешь, что он прыгнул с крыши? – спросил Уиллис.

– Я не знаю, так, просто говорю.

– А ты что, думаешь, он гулял по двору голым? – язвительно поинтересовался Форбс.

– Я не знаю, – Уиллис пожал плечами.

– А по-моему, это прыгун, – Фелпс посмотрел на стену дома. – Вроде окно разбито.

– Где?

– На пятом этаже, вон там. Вроде разбито.

– Похоже, – обронил Форбс.

– Хол, вот консьерж, – Дженеро представил старика. – Зовут Деннисон, работает здесь почти тридцать лет.

– Здравствуйте, мистер Деннисон. Я детектив Уиллис.

Деннисон молча кивнул.

– Мне сказали, что вы нашли тело.

– Нашел.

– Когда это было?

– Прямо перед тем, как я позвонил в полицию.

– В котором это было часу?

– Начало седьмого, наверное.

– Вы его знаете?

– Лица не видно, – пожал плечами Деннисон.

– Когда придет медэксперт, мы перевернем его для вас, – пообещал Дженеро.

– Обойдусь без одолжений, – хмуро буркнул Деннисон.

* * *

В отличие от патрульных, детективы сами составляют для себя график, утверждаемый начальником центральной следственной службы. В результате по прихоти сотрудников отдела смены постоянно меняются. Три месяца назад, руководствуясь сомнительным положением, что ночное дежурство более хлопотно, чем дневное, детективы 87-го участка разбили свои рабочие часы на две смены. Первая начиналась в шесть утра и заканчивалась в восемь вечера. Потом начиналась вторая и продолжалась до шести утра следующего дня. Дневное дежурство длилось четырнадцать часов, ночное только десять. Но днем работало больше людей, и это несколько уравнивало нагрузку. Детективов не очень беспо-

коило то, что некоторые из них проводили часть времени в суде или на спецзаданиях. Они считали такой график вполне справедливым. Пока, во всяком случае. Через месяц-другой они проведут собрание в следственной комнате и решат попробовать что-нибудь новенькое. Изменения воспринимались как передышка, если их, конечно, утверждал шеф.

Существует, однако, множество способов обойти любой график. Стоит только постараться. Уход с работы на пятнадцать минут раньше времени считался неписанным законом. А чтобы не приходить в 5.45 в участок, можно было напроситься на дежурство в бакалейной лавке, открывавшейся в шесть тридцать. Детектив Эндрю Паркер подыскал себе в это ясное октябрьское утро именно такую лавку. Тот факт, что за последний месяц она трижды подвергалась ограблению, был чистой случайностью. Важно, что кто-то из полицейских должен был теперь вести там наблюдение, и счастливым образом этим полицейским оказался именно Эндрю Паркер. Первым делом, чтобы снискать расположение хозяйина, он стащил с витрины яблоко. Владелец, Сильвио Коррадини, зоркий, как орел, несмотря на свои семьдесят два года, тут же заметил кражу. Он уже собрался было выскочить на улицу, чтобы покарать грабителей, но тот направился прямо в магазин, грызя на ходу яблоко Тут Сильвио догадался, что это не кто иной, как полицейский.

– Доброе утро, – приветливо поздоровался Паркер.

– Доброе утро, – отозвался Сильвио, – яблоко сочное?

– Да, очень, – Паркер дружелюбно улыбнулся, – большое спасибо. Я детектив Паркер, – представился он. – Назначен вас охранять.

– Что стряслось с другим детективом?

– Ди Маэо? Он в отпуске.

– В октябре?

– Мы не можем все уйти летом, – Паркер снова улыбнулся.

Это был крупный мужчина, одетый в мятые плисовые брюки и запятнанную коричневую штормовку. Он сегодня побрился перед завтраком, но все равно выглядел небритым. Паркер яростно впился в яблоко, капелька сока упала на подбородок. Наблюдая за ним, Сильвио думал, что он похож на нанятого мафией убийцу.

– Lei e italiano? – решил проверить он.

– Что?

– Вы итальянец?

– Нет, а вы? – с улыбкой поинтересовался Паркер.

– Да, – Сильвио расправил плечи, – я итальянец.

– Так, так, – покивал головой полицейский, – вы всегда работаете по воскресеньям?

– Что?

– Я спрашиваю...

– Я открываюсь только до двенадцати, – Сильвио дернул плечом. – Ко мне заходят люди по дороге из церкви.

– Это противоречит закону штата, вы знаете это?

– Первый раз слышу.

– Слышали или не слышали, но это нарушение закона.

Паркер строго посмотрел на Сильвио.

– Ладно, потом к этому вернемся. А пока расскажите мне об этих налетах, о'кей?

Коррадини заколебался. Он знал, что «...потом к этому вернемся...» влетит ему в копеечку, и уже начал жалеть, что обратился в полицию. Итальянец вздохнул и произнес:

– Их было три за последний месяц.

– Один грабитель или несколько?

– Их двое. Они были в... Come si dice? Maschere.⁴

– В масках?

– Sì, в масках.

– Одни и те же маски каждый раз?

– Нет. Сначала были чулки, потом черные маски, потом носовые платки.

Паркер продолжал грызть яблоко.

– Они вооружены?

– Если бы не были, я бы поотрывал им бошки и выбросил на дорогу.

– Легкое оружие?

– Что?

– Пистолеты?

– Да, да. Пистолеты.

– У обоих?

– У обоих.

---

⁴ Как сказать? Маски (итал.).

– В котором часу они обычно приходят?

– Каждый раз по-разному. Первый раз рано утром, когда я только открылся. Потом вечером, где-то в шесть, в половине седьмого. Последний раз в обед, в магазине никого не было.

– Они брали что-нибудь, кроме денег?

– Только деньги.

– Так, – Паркер поиграл мускулами, – может, они еще придут, кто знает? Я поколачиваюсь здесь, если не возражаете. У вас есть подсобка?

– За портьерой, – показал Сильвио. – Но если они снова придут, я их встречу.

– То есть?

– У меня уже есть пистолет.

Он прошел к кассе, открыл ее и вынул из ящика «смит-и-вессон» 32-го калибра.

– Вы должны получить разрешение на него, – заметил Паркер.

– Уже получил. Вы не отказываете тем, кого три раза грабят за месяц.

– На ношение или на хранение?

– На хранение.

– Вы умеете с ним обращаться?

– Умею.

– Я дам вам совет, – сказал Паркер. – Если эти гангстеры появятся, не трогайте пистолет. Стрелять мое дело, если что.

В магазин вошла женщина. Не отвечая Паркеру, Сильвио

улыбнулся ей:

– Buon giorno, signora. ⁵

Паркер вздохнул, отодвинул портьеру и вошел в подсобку.

~~

– Ну как? – спросил Уиллис медэксперта.

– Упал или сброшен откуда-то сверху, – ответил тот. –

Раскроил череп. Умер мгновенно.

– Что-нибудь еще?

– Господи, вам вообще повезло, что вы тут не оmlет на-шли.

Он захлопнул свой саквояж, выпрямился и обратился к полицейским:

– Я закончил. Можете с ним делать, что хотите.

– Спасибо, Эл, – кивнул Уиллис.

– Не за что, – пожал плечами медэксперт и ушел.

Тело теперь лежало на спине. Дженеро посмотрел на разбитый череп и отвернулся. Держа руки в карманах фартука, подошел Деннисон, консьерж. Он взглянул на окровавленное лицо парня и кивнул:

– Этот из 5-й "С".

– Как его зовут?

– Скотт.

– Это имя или фамилия?

– Фамилия. У меня где-то записано его имя. Я записываю имена всех жильцов. Найти?

---

⁵ Добрый вечер, синьора (итал.).

– Да, пожалуйста.

– Сейчас.

– Окно разбито там? – спросил Уиллис. – В квартире 5 "С"?

– Да, там, – ответил Деннисон.

* * *

На столе Артура Брауна зазвонил телефон. Он поднял трубку, зажал ее между плечом и подбородком:

– Восемьдесят седьмой участок. Детектив Браун, – и посмотрел через затертую перекладину туда, где патрульный вел задержанного в наручниках.

– Вы детектив? – спросил женский голос в трубке.

– Да, мэм. Детектив Браун.

– Я хочу заявить о пропаже человека.

– Да, мэм, одну секунду.

Браун выдвинул ящик стола, достал оттуда ключ от камеры для задержанных с деревянным кругляшом вместо брелка и бросил его патрульному. Тот не поймал. Задержанный засмеялся. Патрульный подобрал ключ, подвел задержанного к камере, открыл решетчатую дверь и втолкнул его вовнутрь.

– Аккуратнее! – огрызнулся тот.

Патрульный молча запер дверь, подошел к столу Брауна и присел на край. Сдвинув фуражку на лоб, он зажег сигарету.

Браун говорил по телефону.

– Так. Представьтесь, пожалуйста, мэм.

– Мэри Эллингэм. Миссис Дональд Эллингам.

– По буквам, пожалуйста.

– Э-Л-Л...

– Так.

– И-Н-Г-Э-М.

– Ваш адрес, миссис Эллингэм?

– Северная Тринити-стрит, 742.

– Понятно. Кто пропал, миссис Эллингэм?

– Мой муж.

– Это его полное имя? Дональд Эллингэм?

– Да. Хотя нет. Дональд Э. Эллингэм. Эдвард.

– Понял, мэм. Когда он пропал?

– В прошлую пятницу была неделя.

– Раньше такое случалось, миссис Эллингэм?

– Нет, никогда.

– Он никогда не исчезал раньше? По необъяснимой причине?

– Никогда.

– И вы говорите, что его нет с... секундочку... с пятницы, 9-го числа?

– Да.

– Он был на работе в понедельник 12-го?

– Нет.

– Вы звонили ему на работу?

– Да, звонила.

– И его там не было?

– Его там не было всю неделю.

– Почему вы только сегодня заявили, миссис Эллингэм?

– Я хотела дать ему шанс самому вернуться. Я все время отодвигала срок, вы понимаете? Сначала я думала позвонить вам через несколько дней, потом получилась неделя, потом я дала ему еще день, суббота прошла, и... вот я решила к вам обратиться.

– Ваш муж пьет, миссис Эллингэм?

– Нет, То есть, он, конечно, может выпить, но не злоупотребляет. Он не алкоголик, если вы это имеете в виду.

– Замечали ли вы у него интерес... э-э... к другим женщинам?

– Нет.

– Я хочу сказать, миссис Эллингэм...

– Да, я понимаю. Я не думаю, что он ушел к другой женщине, нет.

– У вас есть какие-то предположения, миссис Эллингэм?

– Как бы он не попал под машину.

– Вы справлялись в больницах?

– Да. Его нигде нет.

– Но вы все равно боитесь, что он попал в аварию?

– Может, он лежит где-нибудь мертвый, – в трубке слышались всхлипывания.

Браун молчал. Он посмотрел на патрульного.

– Миссис Эллингэм?

– Да.

– Я постараюсь подъехать к вам сегодня попозже. Мне нужна будет информация для службы розыска пропавших. Вы будете дома?

– Да.

– Мне сначала позвонить?

– Нет, я весь день буду у себя.

– Отлично. Тогда до встречи. Если что-нибудь узнаете...

– Да, я позвоню вам.

– До свидания, миссис Эллингэм. – Браун повесил трубку.

– У нее муж пропал, – объяснил он патрульному.

– Вышел за батоном год назад, как водится? – покачал головой тот.

– У-гу. Больше не появлялся.

Браун махнул головой в сторону камеры для задержанных:

– Кто этот подарочек?

– Взял с поличным на взломе на углу Пятой и Фридландер. На пожарной лестнице на 4-м этаже. Выломал окно и как раз забирался.

– Инструменты при нем?

– У-гу. Там, на скамейке.

– Давай-ка их сюда.

Патрульный вышел в коридор. Браун приблизился к камере. Задержанный смотрел на него.

– Как тебя зовут? – спросил детектив.

– А тебя?

– Детектив Артур Браун.

– Очень приятно, – поклонился задержанный.

– Мне тоже, – холодно произнес Браун, – ну, так как тебя зовут?

– Фредерик Спаэт.

Патрульный принес кожаную черную сумку. Содержимое не вызывало сомнений – ручная дрель и к ней сверла разных размеров, фомка, полный набор отмычек, несколько пробойников и заготовок ключей, пара кусачек, ножовка, пара матерчатых коричневых перчаток, раскладывающийся на три части ломик.

Браун оглядел инструменты и ничего не сказал.

– Я плотник, – пустился в объяснения Спаэт.

Браун повернулся к патрульному.

– Кто-нибудь был в квартире, Симмс?

– Никого.

– Спаэт, – обратился к домушнику Браун, – Мы обвиняем тебя в краже со взломом третьей степени, – то есть в уголовном преступлении. А также мы обвиняем тебя в хранении воровских инструментов, то есть в юридически наказуемом проступке класса "А". Уведи его, Симмс.

– Я требую адвоката, – заявил Спаэт.

– Он будет тебе назначен, – бесстрастно ответил Браун.

– Я требую его сейчас, до ареста.

Поскольку полицейские, как и правонарушители, путаются в процессуальном кодексе, Артур Браун мог бы ступить на дорожку, проторенную его коллегой Клингом, который накануне ночью объяснял задержанному его права. Но Браун сказал:

– Зачем, Спаэт? Тебя взяли на незаконном вторжении в жилище. Никто не задает тебе никаких вопросов, взяли тебя с поличным. Ты имеешь право на три телефонных звонка после ареста – твоему адвокату, твоей матери, твоему поручителю, лучшему другу, кому угодно, хоть дьяволу. Уведи его, Симмз.

Патрульный отпер камеру и вытолкал Спаэта дубинкой.

– Это незаконно! – заорал тот.

– Так же, как взлом и кража, – парировал детектив.

* * *

Женщина из квартиры напротив 5-й "С" оказалась выше и Уиллиса, и Дженеро, что было, впрочем, неудивительно. Уиллис слыл самым маленьким в отделе и только на долю дюйма превосходил минимальный для полицейского норматив – пять футов восемь дюймов. Похожий на балетного танцора, с карими глазами и каштановыми волосами, он стоял рядом с возвышающимся над ним Дженеро, имевшим целых пять футов девять дюймов. Хол Уиллис знал, что мал ростом. Ричард Дженеро считал себя очень высоким. От от-

да он унаследовал чудесную черную кучерявую шевелюру, мощный неаполитанский нос, чувственный рот и душевные карие глаза, а от матери – высокую миланскую фигуру, которой обладали все его двоюродные братья и дядьки, кроме дяди Доминика, всего пять футов шести дюймов роста. Но дама, открывшая им дверь квартиры 5 "В", оказалась необычайно крупной. Уиллис и Дженеро одновременно задрали головы, а потом переглянулись в изумлении. На женщине была розовая комбинация и больше ничего. Босая, большегрудая, рыжеволосая, зеленоглазая, она уперла руки в обтянутые нейлоном бока:

– Ну?

– Полиция. – Уиллис показал ей жетон.

Дама тщательно исследовала его и повторила:

– Ну?

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, – проговорил Дженеро.

– О чем?

– О молодом человеке из квартиры напротив, Льюисе Скотте.

– А что с ним?

– Вы его знаете?

– Слегка.

– Только слегка? – удивился Дженеро. – Вы живете прямо напротив него.

– Ну и что? Это же город.

– Даже так...

– Мне сорок шесть лет. А мальчику сколько? Восемнадцать? Девятнадцать? Почему вы решили, что я его должна знать близко?

– Да, мэм, но...

– Так вот, я знаю его слегка. Что с ним?

– Вы видели его этой ночью? – спросил Уиллис.

– Нет, а что? Что-нибудь случилось?

– Вы ничего необычного не слышали в его квартире ночью?

– Что значит – необычного?

– Звон стекла.

– Меня не было ночью дома. Я уходила в гости к коллеге.

– В котором часу?

– В восемь.

– А когда вернулись?

– Я не возвращалась. Ночевала там.

– У коллеги?

– Да.

– Как ее зовут?

– Его зовут Моррис Штраус.

– О, – только и смог сказать Дженеро. Он смущенно взглянул на Уиллиса.

– Когда вы вернулись домой, мэм? – спросил тот.

– Около пяти утра. Моррис работает на молокозаводе, он очень рано встает. Мы вместе позавтракали, и я пошла до-

мой. А что? Что случилось? Лью что-нибудь натворил?

– Вы вообще видели его вчера?

– Да, когда шла в магазин. Он как раз входил в дом.

– В котором это было часу, можете припомнить?

– Около половины пятого. Я шла за кофе. У меня кончилась кофе. Я в день чашек шестьсот выпиваю. Так вот, я шла за кофе в гастроном и встретила его.

– Он был один?

– Нет.

– Кто был с ним?

– Кто-то из его друзей.

– Парень или девушка?

– Парень.

– Вы его знаете?

– Я не общаюсь с подростками.

– Ну, может быть, вы его где-нибудь видели?

– Нет.

– Какого он возраста? – спросил Уиллис.

– Наверное, ровесник Лью. Восемнадцать-девятнадцать, не знаю. Высокий.

– Вы можете его описать?

– Длинные светлые волосы, висячие усы. На нем была дикая куртка.

– Что значит дикая?

– Ну, как шкура животного мехом внутрь, эта, как она там называется, овчина, что ли. Овчина?

– Продолжайте.

– Гладкая сторона шкуры была снаружи, а мех внутри. Белый мех, А на спине нарисовано большое оранжевое солнце.

– Что еще?

– А этого мало?

– Может быть, и хватит, – согласился Уиллис. – Спасибо большое, мэм.

– Не за что, – ответила та. – Хотите кофе? У меня на плите.

– Нет, спасибо. Нам надо еще на квартиру взглянуть, – объяснил ей Дженеро. – Все равно, спасибо. Вы нам очень помогли.

Женщина улыбнулась так неожиданно и так ослепительно, что своей улыбкой почти сбила с ног Дженеро.

– Пожалуйста, – произнесла она нежно и мягко прикрывла дверь.

Дженеро поднял брови, силясь точно вспомнить свои слова и тон. Он еще не набил руку на допросах, и любая тонкость могла оказаться полезной.

– Что я сказал? – спросил он Уиллиса.

– Я не помню.

– Ну вспомни, что я сказал? Чего она так разулыбалась и подобрела вдруг?

– Наверное, ты ей предложил переспать, – засмеялся Уиллис.

– Нет, – серьезно ответил Дженеро, – нет, точно не пред-

лагал.

* * *

Универсальным ключом, взятым у консьержа, Уиллис открыл дверь и вошел в квартиру 5 "С". Дженеро продолжал размышлять о тонкостях допроса.

Во двор выходили два окна. Нижний переплет левого был почти полностью выбит. Только кое-где из рамы торчали острые осколки. С улицы струился солнечный свет, в котором безмятежно плавали пылинки. Обставлена квартира была скудно. У одной стены на полу валялся матрас, у другой стоял книжный шкаф, рядом с ним стереопроектор и стопка долгоиграющих дисков, в кухонной нише – откидной столик и два стула. Здесь было еще одно окно, выходившее на пожарную лестницу. Черный дорожный баул с медными заклепками стоял в центре комнаты. Он, по-видимому, служил кофейным столиком. Вдоль стены у книжного шкафа по полу разбросаны яркие диванные подушки. Стены украшены двумя черно-белыми антивоенными плакатами. Занавесей на окнах не было. Над плитой в кухонной нише висели полки, на которых стояли только две пачки крупы и сахарница. В холодильнике полицейские обнаружили бутылку молока и три упаковки йогурта. В овощном контейнере Уиллис нашел пластиковый пакет с чем-то, похожим на марихуану. Он показал его Дженеро.

– Травка? – спросил тот.

Уиллис пожал плечами, открыл пакет и понюхал буро-зеленые растертые листья.

– Может быть.

Из бумажника он вынул ярлычок для вещественных доказательств, заполнил его и привязал к пакету.

Детективы методично обыскали квартиру. На бауле стояли три кофейные чашки, из каждой пахло вином. На кромке одной из них был виден след красной губной помады. Они открыли баул и обнаружили туристические брюки, фланелевые рубашки, белье, несколько свитеров, губную гармошку, армейское одеяло и маленький металлический ящичек. Ящичек был незаперт, в нем оказалось три доллара наличными и запаянный в пластиковую обертку ученический билет старшеклассника. В мусорной корзине на кухне Уиллис и Дженеро нашли две пустые винные бутылки. Под раковиной валялась пустая мышеловка. В ванной на закрытом крышкой унитаза лежали брюки из грубой ткани с черным брючным ремнем, оранжевая рубашка с отрезанными по локоть рукавами, пара белых трикотажных носков, пара легких туфель и женская черная шелковая блузка. На блузке сохранился ярлык.

* * *

В двадцать минут восьмого двое вошли в бакалейную лав-

ку. На лицах карнавальные маски, хотя до Дня всех святых оставалось две недели. Оба держали наготове пистолеты, оба были одеты в черные плащи и черные брюки. С фамильярностью завсегдатаев они быстро прошли к прилавку. На одном была маска волка, на другом Белоснежки. Маски полностью закрывали лица.

Когда грабители вошли в магазин, Сильвио стоял к ним спиной. Он услышал звон колокольчиков над дверью и быстро обернулся, но они были уже у прилавка. Сильвио успел крикнуть только одно слово: «Апсога!»⁶, одновременно нажимая блокирующую кнопку кассового аппарата и пытаясь дотянуться до ящика с пистолетом. Человек в маске Белоснежки первым понял, что Сильвио сейчас схватит оружие. Ни слова не говоря партнеру, он выстрелил с очень близкого расстояния прямо в лицо итальянцу. Пуля, можно сказать, снесла голову Сильвио и швырнула тело на полки. Консервные банки посыпались на пол. Резко распахнулась портьера, закрывающая вход в подсобку, и оттуда показался Паркер с «Полис Спешиал» 38-го калибра в руке. Человек в маске волка вынимал из кассы пачку купюр.

– Стоять! – крикнул Паркер. Человек в маске Белоснежки выстрелил снова. Его пуля попала Паркеру в правое плечо. Тот согнулся и нажал на спуск в тот момент, когда человек у кассы открыл пальбу, целясь полицейскому в живот, но попадая в ноги. Паркер схватился за портьеру и со стоном упал.

---

⁶ Опять! (итал.).

Двое в карнавальных масках выскочили из магазина и убежали в солнечное воскресное утро.

* * *

В 87-м участке числилось 186 патрульных, и в таблице их рабочего расписания мог бы разобраться разве что профессор арабской литературы. Шестеро патрульных работали с 8.00 до 16.00 с понедельника по пятницу, двое из них служили капитану в качестве канцелярской рабочей силы, двое дежурили на автостраде и оставшиеся двое были ответственными за связь с общественностью и посыльными.

Остальные 180 патрульных разделены на двадцать групп по девять человек в каждой. Их график работы выглядел так:

Из всего этого следовало, что патрульные работали по пять смен в сорокачасовой неделе, потом были свободны в течение 56 часов, если они не были в смене, дежурившей с полуночи до утра, – в этом случае они работали только четыре смены и были свободны восемьдесят часов. Если только, конечно, пятое ночное дежурство не выпадало на пятницу или субботу. Тогда... впрочем, кажется, и так все ясно?

Если следовать правилам, патрульные должны сменяться с постов только после окончания рабочего времени и только после того, как сменяющая их группа пройдет перекличку. Но большинство полицейских стекались к зданию участка за несколько минут до официального окончания рабочего

дня. Через секунду после того, как новая смена скатывалась по ступенькам участка, старая смена устремлялась в раздевалку, чтобы переодеться в гражданское. Ежедневно в перемену здание участка было запружено полицейскими. Воскресное утро не являлось исключением. По воскресеньям участок гудел еще больше, потому что по субботам выползали, как тараканы, воры и в день отдыха обнаруживались результаты их деятельности.

В это воскресенье хаоса в участке было еще больше, чем обычно, – был ранен полицейский. Ничто так не могло наэлектризовать Управление полиции, как известие о том, что один из его сотрудников получил пулю. Лейтенант Питер Бернс, командовавший шестнадцатью детективами 87-го отдела, счел нужным отозвать из отпуска трех сотрудников, руководствуясь, вероятно, тем, что один раненый полицейский стоит трех ходячих. Не до конца удовлетворенный, он решил еще позвонить Стиву Карелле домой в Риверхед.

Сидя за столом в угловой комнате наверху, Бернс видел патрульных, которые парами спускались по ступенькам участка и уходили, огибая столбы с фонарями. Фонари же сияли так, словно внутри них было солнце. Лейтенант думал о том, что Карелла только сменился с ночного дежурства и вряд ли обрадуется звонку своего начальника. Но он все-таки набрал номер и терпеливо слушал длинные гудки в трубке. Наконец, Карелла ответил. Бернс спросил:

– Стив, ты спишь?

– Нет, только надел пижаму.

– Прости, что беспокою тебя.

– Ничего-ничего. Что стряслось, Пит?

– Паркера подстрелили в бакалейной лавке на Эйнсли.

– Да ты что?

– Да.

– О, Господи! – пробормотал Карелла.

– Два налетчика убили владельца, ранили Паркера в плечо и в ногу. Он сейчас в больнице Буэновиста. В тяжелом состоянии.

– О, Господи!

– Я уже позвонил Ди Маэо, Ливайну и Мериуезеру. Они в отпуске, Стив, но мне пришлось их отозвать. Я не люблю, когда в наших стреляют.

– Я тоже.

– Я подумал, что надо бы тебе сказать.

– Да, хорошо, что позвонил, Пит.

Трубка замолчала.

– Пит?

– Да, Стив?

– Ну что, ты хочешь, чтобы я тоже приехал?

– Ты ведь с ночного дежурства, Стив.

Трубка снова замолчала.

– Ладно... Что мне нужно делать, Пит?

– Смотри, как ты себя чувствуешь, – отвечал Бернс, – а то поспи, отдохни, может, потом подойдешь сюда? У меня есть

для тебя дело. Смотри сам, Стив.

– А который сейчас час? – спросил Карелла.

Бернс взглянул на часы на стене.

– Начало десятого. Отдохни, о'кей?

– Да, о'кей, – вздохнул Карелла.

– Я перезвоню тебе. – Бернс повесил трубку. Он встал из-за стола, сунул большие пальцы рук за ремень и подошел к окну, выходящему в парк. Волосы лейтенанта начали сесть, а голубые глаза казались суровыми. Бернс молча смотрел на залитую солнцем листву через дорогу. Лицо его было бесстрастным. Затем он резко повернулся, подошел к застекленной двери своего кабинета, распахнул ее и прошел в дежурку.

У стола перед детективом Карлом Капеком сидел морской капрал. Над левым глазом моряка вспухала огромная, размером с бейсбольный мяч, шишка. Форма моряка была измята и испачкана, и выглядел он крайне смущенным. Он держал руки на коленях как школьник. Моряк очень тихо говорил, почти шептал что-то Капеку. Лейтенант прошел мимо них к Брауну, говорившему по телефону за своим столом.

– Ладно, я скажу ему, – Браун положил трубку.

– Это о Паркере? – спросил Бернс.

– Нет, это Дельгадо с Южной Шестой. Там одного избили до полусмерти по дороге в церковь. Четверо неизвестных. Дельгадо сейчас этим занимается.

– Хорошо. Из больницы звонили о Паркере?

– Нет еще.

– Кто там в камере внизу?

– Взломщик. Симмс взял на углу Пятой и Фридландер.

– Давай-ка и ты, Арти, подключайся к бакалейной лавке.

– Капек здесь один останется.

– Я сюда пришлю кого-нибудь. Сейчас должны подойти люди.

– Тогда о'кей.

– Я хочу всех бросить на это дело, Арти. Я не люблю, когда стреляют в моих сотрудников.

Браун кивнул, выдвинул ящик стола и взял оттуда «Детектив Специал» 38-го калибра в кобуре. Пристегнув кобур, он пошел в раздевалку за плащом и шляпой. По дороге остановился у стола Калека.

– Если что, буду в бакалейном магазине. – О'кей, – отозвался Капек и снова повернулся к моряку.

– Я так все-таки и не понял, как вас избили, – сказал он ему. – Давайте-ка еще раз.

Моряк еще больше засмутился. Он был невысок и строен. Рядом с Капек, который сидел напротив него в рубашке с отпущенным галстуком и расстегнутым воротником, он казался карликом. Светлые волосы детектива спадали на лоб. Из наплечной кобуры выглядывала ореховая рукоять револьвера.

– Ну, знаете... на меня напали, и все, – проговорил моряк.

– Как?

– Я шел, а на меня напали.

– Где это было, капрал Майлз?

– На Стеме.

– В котором часу?

– Около трех ночи.

– Что вы делали?

– Просто шел.

– Шли куда-то?

– Я только вышел из бара. Я выпивал в баре на Семнадцатой улице.

– Что-нибудь произошло в баре?

– Что произошло?

– Драка, ссора?

– Нет-нет, это приличный бар.

– Значит, вы ушли оттуда около трех ночи и принялись ходить по Стему?

– Так.

– Куда вы шли?

– Так просто, шел и шел. Собирался вернуться на корабль. Я с линкора, что в Военной гавани. Он там в сухом доке.

– У-гу, – кивнул Капек. – Значит, вы шли, а на вас напал человек?

– М-м-м.

– Один человек?

– Да, один.

– Чем он вас ударил?

– Не знаю.

– Вы пришли в себя не так давно, верно?

– Да, сволочи украли бумажник и часы.

Капек несколько секунд помолчал.

– Я понял так, что он был один.

– Правильно, один.

– Вы сказали «сволочи».

– А?

– Во множественном числе.

– А?

– Сколько их было на самом деле, капрал?

– Тот, кто меня ударил, был один.

– Бросьте вы – ударил, не ударил. Сколько их было всего?

– Ну... двое.

– Так. Теперь давайте выясним. Напали на вас двое мужчин, а...

– Э-э, нет. Не совсем.

– Слушайте, капрал, – рассердился Калек. – Вы хотите мне все рассказать или вы хотите все забыть? Знаете, мы сейчас очень заняты, у меня на такие допросы нет времени. Либо вы все рассказываете и помогаете нам, либо – до встречи, приятно было познакомиться. Счастливо добраться на корабль!

Майлз помолчал несколько мгновений, затем глубоко вздохнул и, решившись, продолжал:

– Ну, влез я в хреновину.

– Почему? Что случилось?

– Там в баре была девушка...

– Я уже понял, – кивнул Капек. – Продолжайте.

– В красном платье. Она весь вечер крутила задом у меня под носом. Ну, я с ней заговорил. Она, вроде, не возражала, то есть, я хочу сказать... она ни на что не намекала. Я все-то за весь вечер пару коктейлей ей купил.

– Так, продолжайте.

– Почти в три она говорит мне, что устала и хочет домой, потом идет к двери, мигает мне и так головой подзывает. Вот так, такое небольшое движение головой, понимаете? Чтобы я шел за ней. Я расплатился и пошел на улицу, она там стояла на углу. Увидела меня и пошла. Оглянулась и снова так мне головкой – пошли, мол. А сама каблучками – цок-цок. А потом свернула за угол. Я пошел за ней, а там стоит мужик и р-раз мне в рожу. А потом... я очнулся с этой фигней над глазом, без денег и без часов. С-сучка!

– Она черная или белая?

– Черная.

– А мужчина?

– Белый.

– Вы сможете ее узнать, если увидите?

– Во век не забуду.

– А мужчину?

– Я его почти не видел. Он мне двинул, как только я вышел из-за угла. У меня искры из глаз посыпались. Когда я

рубанулся, они, наверное, перетащили меня. Я ведь упал на тротуар, а очнулся в этом холле.

Майлз замолчал и уставился на руки.

– Что-то еще, капрал?

– Тут еще... такое дело. Эта падла меня лягнула. Когда я упал на тротуар, она меня лягнула своей сучьей туфелькой. Я от этого рубанулся, а не от мужика. От этой остроносой туфельки.

Капрал Майлз жалобно поднял глаза на Калека:

– Зачем она это сделала? Я же совсем ее не трогал. Совсем не трогал.

* * *

Появилась и умчалась «скорая помощь», увозя человека, избитого на пороге собственного дома. В десять утра крыльцо все еще было залито кровью. Детектив 3-й степени Александре Дельгадо беседовал на ступеньках с женой и дочерьми пострадавшего. Темноволосая женщина – миссис Хуэрта – вытирала носовым платком распухшие от слез карие глаза. Ее две дочери, празднично одетые по случаю церковного дня в одинаковые зеленые шерстяные пальто, черные лаковые туфельки и белые гольфы, были очень похожи на мать. Но в их широко распахнутых глазах виднелись любопытство, страх, непонимание, только не слезы. Толпа любопытных проталкивалась к крыльцу. Усталый патрульный безуспешно пы-

тался ее разогнать.

– Расскажите подробно, как все произошло, миссис Хуэрта, начал Дельгадо.

Он, как и допрашиваемая им женщина, был пуэрториканцем. И так же, как и она, вырос в гетто. Не в этом именно, но в таком же, в предместьях Калмз-Пойнт-Бридж (говорят, что если вы видели хотя бы одни трущобы, значит, вы видели их все). Он мог бы говорить с ней на родном испанском, но на службе предпочитал пользоваться только английским. Миссис Хуэрта, стараясь вынести поменьше сора из избы, отвечать решила тоже на английском, который был понятен далеко не всем любопытствующим соседям.

– Мы шли в церковь на восьмичасовую мессу. Церковь вон там, на этой же улице. Пять минут ходьбы. Хосе, я и девочки вышли на улицу, и эти люди напали на него.

– Сколько их было?

– Четверо.

– Вы их знаете?

– Нет.

– Что произошло дальше?

– Они его начали бить.

– Чем?

– Ручками от метел. Знаете, если взять метлу и отпилить от нее ручку...

– Они что-нибудь говорили вашему мужу?

– Nada. Ничего.

– Он им что-нибудь говорил?

– Нет.

– И вы их не знаете? Они не из вашего barrio, района?

– Я их никогда не видела.

Одна из девочек взглянула на мать, но сразу же отвернулась.

– Si, que hay? ⁷ – немедленно спросил Дельгадо.

– Ничего, – ответила девочка.

– Как тебя зовут? – обратился к ней детектив.

– Пакита Хуэрта.

– Ты видела людей, которые избили твоего отца, Пакита?

– Да, – кивнула девочка.

– Ты знаешь кого-нибудь из них?

Девочка заколебалась.

– Puede listed decirme?⁸

– Нет, я их не знаю.

– А ты? – Дельгадо повернулся к другой девочке.

– Нет.

Полицейский посмотрел им в глаза. Девочки глядели, не мигая. Он снова повернулся к миссис Хуэрте.

– Полное имя вашего мужа Хосе Хуэрта?

– Хосе Висенте Хуэрта.

– Сколько ему лет, сеньора?

– Сорок семь.

---

⁷ Да, что такое? (исп.).

⁸ Можешь что-нибудь рассказать? (исп.).

– Чем он занимается?

– Торгует недвижимостью.

– Где его офис, миссис Хуэрта?

– В Риверхед. Хэррисон-авеню, 1345. Фирма называется «Х-Р Риэлти».

– Он ее владелец?

– Да.

– Партнеры есть?

– Да, есть партнер.

– Как его имя?

– Рамон Кастаньеда. Они поэтому и называются «Х-Р». Хосе-Рамон.

– Где живет мистер Кастаньеда?

– В двух кварталах отсюда. На Четвертой улице.

– Адрес?

– Южная Четвертая, 112.

– Ну ладно, спасибо, – сказал Дельгадо. – Я вам сообщу, если мы что-нибудь выясним.

– Por favor,⁹ – проговорила миссис Хуэрта и увела за руки детей в дом.

~~

Черная блузка из ванной Льюиса Скотта была куплена в магазине с названием «Обезьяньи ужимки» на Калвер-авеню. В воскресенье магазин был закрыт. Дежуривший в этом квартале патрульный заметил прильнувших к витрине Уил-

---

⁹ Пожалуйста (исп.).

лиса и Дженеро и вразвалку подошел к ним.

– Помощь нужна? А, ребята? – поинтересовался он.

Дженеро и Уиллис оглянулись. Ни тот, ни другой этого патрульного не знали.

– Ты недавно в участке, старина? – спросил его Дженеро.

Патрульный был года на три-четыре старше Дженеро, но, учитывая разницу в звании, детектив без смущения выбрал такой тон. Патрульный никак не мог решить, с кем он имеет дело – со злоумышленниками или с такими же, как и он, слугами закона. Иногда трудно определить разницу. Озадаченный патрульный соображал, как ему поступить – ответить по-уставному или поставить наглцов на место. Пока он думал, Уиллис сказал:

– Я детектив Уиллис. Это детектив Дженеро.

– О! – Он сумел произнести это очень выразительно.

– Ты давно работаешь в участке, парень? – спросил Дженеро.

– С прошлой недели. Меня перевели из Маджесты.

– Спецназначение?

– Да. В последнее время повадились тут грабить эту лавочку. По-моему, здесь удвоили все патрули.

– А где постоянный патрульный?

– Пошел червячка заморить в кафе. Вам помочь?

– Кто он?

– Хаскинс. Вы его знаете?

– Да, – ответил Уиллис, – кафе на углу?

– На углу.

– Давай, служи, старик, – бросил Дженеро, и оба детектива направились к кафе. Патрульный пожал плечами, раздумывая о том, что лишняя лычка делает людей гнусными свиньями.

Кроме патрульного Хаскинса и буфетчика, за стойкой в кафе без пятнадцати десять никого не было. Хаскинс склонился над чашкой кофе. Выглядел он так, будто не спал всю ночь. Дженеро и Уиллис подошли к патрульному и уселись рядом.

– Привет, Билл, – поздоровался Уиллис.

Хаскинс оторвал взгляд от кофе.

– А, ты. Привет.

– Два кофе, – бросил Дженеро человеку за стойкой.

– Вы меня ищете или просто так здесь? – спросил Хаскинс.

– Тебя ищем.

– Зачем?

– Вам какой кофе? – спросил буфетчик.

– Со сливками, – ответил Уиллис.

– Один со сливками, один черный, – добавил Дженеро.

– Два со сливками, один черный, – проговорил буфетчик.

– Один со сливками, один черный, – поправил его Дженеро.

– Он хочет со сливками, – настаивал буфетчик, – а вы хотите со сливками и черный.

– Ты что, клоун?

– Так и так, кофе пропал, – сказал на это буфетчик.

– Чего это?

– Если когда-нибудь полицейский заплатит мне за кофе, значит в этот день я буду принимать ваш парад на Холл-авеню.

Ему никто не возразил. У них и правда не было привычки платить за кофе в окрестных заведениях, но они не любили, когда им об этом напоминали.

– Билл, мы ищем парня лет восемнадцати-девятнадцати, – начал Уиллис; – длинные светлые волосы, висячие усы. Встречал такого здесь?

– Я тысячу таких каждый день встречаю. Вам что, пошутить вздумалось? – буркнул Хаскинс.

– На этом куртка мехом вовнутрь.

Хаскинс пожал плечами.

– На спине нарисовано большое солнце, – добавил Уиллис.

– Да, что-то видел. Где-то тут была такая куртка.

– Ее хозяина помнишь?

– Где я ее видел? – вслух спросил сам себя патрульный.

– Он мог быть с еще одним парнем примерно такого же возраста, черная бородка, черные волосы.

– Нет, – покачал головой Хаскинс, – солнце оранжевое? Такое оранжевое солнце с лучами? Так?

– Правильно, оранжевое.

– Видел такую куртку, – произнес Хаскинс, – недавно совсем. Где ж я ее видел, чертово дело!

– Два кофе, один со сливками, один черный, – провозгласил буфетчик, ставя чашки перед полицейскими.

– Джерри, ты не видел здесь парня в меховой куртке с нарисованным солнцем? – спросил его Хаскинс.

– Нет, – безразлично ответил тот и скрылся на кухне.

– Белый мех? – снова обратился Хаскинс к Уиллису, – изнутри?

– Именно.

– Точно, видел проклятую куртку. Сейчас, минуту подумаю.

– Подумай-подумай, – Уиллис терпеливо ждал.

Хаскинс повернулся к Дженеро и доверительным тоном спросил:

– Я слышал, ты лычку получил. Лапу заимел?

– Меня давно повысили. Ты что, с луны свалился? – обиделся тот.

– Значит, забыл как-то, – улыбнулся Хаскинс. – Ну и как тебе сладкая жизнь?

– Патрульные забодали! – огрызнулся Дженеро.

– Бывает-бывает.

– Так что с курткой? – прервал их Уиллис.

– Сейчас-сейчас. Дай вспомнить.

Хаскинс взял обеими руками чашку, отхлебнул из нее и спросил:

– Там мой напарник работает?

– Работает-работает. Не беспокойся.

– "Обезьяньи ужимки"! – воскликнул Хаскинс и щелкнул пальцами. – Вот где я ее видел! В витрине. Здесь рядом.

– Хорошо, – кивнул Уиллис. – Кто хозяин магазина?

– Две лесбы с Восьмой. Сразу за магазином, за углом.

– Как их зовут?

– Флора Шнайдер и Фреда как-то там. Не знаю точно. Их все зовут Флора и Фреда.

– Адрес на Восьмой?

– Северная Восьмая, 327. Коричневый дом за углом.

– Спасибо, – сказал Уиллис.

– Спасибо за кофе! – крикнул в кухню Дженеро.

Буфетчик отмолчался.

* * *

Детектив Артур Браун был негром, очень черным, с курчавой головой, крупными ноздрями и полными губами, Он не был похож ни на Гарри Белафонте, ни на Сиднея Пуатьера, ни на Адама Клейтона Пауэлла. Он походил только на самого себя, что, впрочем, было немало при его шести футах четырех дюймах роста и двухсот двадцати фунтах веса. При виде его белые переходили на другую сторону улицы, уверенные, что эта тупая скотина (большой и черный – значит, тупая скотина!) обязательно придушит их или пырнет

ножом, а то и похуже что-нибудь придумает, кто его разберет? Даже когда Браун показывал свое удостоверение, многие белые не могли отделаться от подозрения, что это злоумышленник, маскирующийся под офицера полиции.

Вот почему для Брауна было приятным сюрпризом встретиться со свидетелем, не обращавшим внимания ни на его размеры, ни на его цвет. Свидетелем оказалась маленькая старушка с ярко-голубым зонтиком в руке. Зонтик шел к синим глазам старушки, таким же ясным и пронизывающим, как и этот октябрьский день. На голове у нее ловко сидела шляпка с цветком. Если бы старушка была помоложе, ее длинное черное пальто можно было бы назвать макси. При виде входящего в бакалейную лавку Брауна она вскочила на ноги и воскликнула отрывистым, резонирующим голосом:

– А, наконец!

– Мадам? – поднял брови Браун.

– Вы детектив, так ведь?

– Детектив, – признался Браун.

– Меня зовут миссис Фаррадей, здравствуйте.

– Детектив Браун, – представился он и кивнул.

Он бы на том и остановился, но миссис Фаррадей протянула ему руку. Брауну пришлось пожать ее и вежливо улыбнуться. Миссис Фаррадей улыбнулась в ответ и высвободила руку.

– Мне сказали подождать здесь. Вас ожидали с минуты на минуту, а я здесь уже полдня.

– Простите, миссис Фаррадей. Я опрашивал соседей с восьми утра. Это, знаете, быстро не получается.

– О, могу себе представить, – посочувствовала она.

– Патрульный сказал, что у вас есть для меня информация. Это так?

– Так. Я видела двоих грабителей.

– Когда вы их видели?

– Когда они выбегали из-за угла. Я шла домой из церкви. Я всегда бываю на шестичасовой мессе, к семи она уже заканчивается, и я захожу к пекарю за булочками – мой муж очень любит булочки или кофейный торт по воскресеньям.

– Понимаю.

– Но в церковь со мной не ходит.

– Вот как?

– Я выходила из булочной, было, наверное, около семи тридцати, и я увидела этих двоих. Они выбежали из-за угла. Я сначала подумала...

– Во что они были одеты, миссис Фаррадей?

– В черные плащи. И маски. На одном лицо девочки, на другом какой-то монстр, я о маске, конечно. Я не знаю, что за монстр. У них были пистолеты. У обоих. Но это все неважно, детектив.

– А что важно?

– Они сняли маски. Как только выскочили из-за угла, сразу сняли маски. Я их хорошо разглядела.

– Вы можете их описать?

– Конечно.

– Отлично, – Браун вынул блокнот, раскрыл его, достал ручку – он был одним из немногих детективов участка, все еще предпочитающих чернильные ручки шариковым, – снял колпачок и спросил:

– Они черные или белые, миссис Фаррадей?

– Белые, – ответила та.

– Возраст?

– Молодые люди.

– Насколько молодые? Двадцать? Тридцать?

– Нет-нет. Им за сорок. Я сказала молодые люди, а не мальчики, детектив.

– Высокие?

– Один вашего роста, очень крупный. У вас какой рост?

– Шесть-четыре.

– Один такой же.

– А другой?

– Намного ниже. Пять-восемь или девять, где-то так.

– Цвет волос заметили?

– Маленький – блондин. Высокий темноволос.

– Цвет глаз, случайно, не заметили?

– Они быстро пробежали, я не заметила.

– Шрамы? Татуировки? Родимые пятна?

– Нет, не видела.

– Оба бритые?

– То есть, были ли у них бороды и усы?

– Да, мэм.

– Нет, оба бритые.

– Вы говорите, они сняли маски сразу же, как появились из-за угла, правильно?

– Да, они их сорвали.

– Их ждала машина?

– Нет, детектив, по-моему, они были без машины. Они бы так быстро не бежали, мне кажется. А вы как считаете?

– Я еще ничего не могу сказать, миссис Фаррадей. Вы не могли бы мне показать булочную?

– Конечно, она сразу за углом.

Полицейский со старушкой вышли из магазина. Патрульный у входа обратился к Брауну:

– Вы не знаете, когда меня сменят, сэр?

– А что?

– Да тут недоразумение, по-моему. Это даже не мой квартал.

– А где твой квартал?

– На Гровер-авеню, у парка.

– А здесь ты что делаешь?

– Так вот же. Я взял одного парня – он взламывал дверцу у «мерседеса» на Южной Второй – и привел его в участок. Когда я его сдал, было где-то семь пятнадцать, я вышел на улицу. Мимо ехали Нили и О'Хара в патрульной машине и подобрали меня, чтобы подвезти. По дороге по радио объявили тревогу, мы – сюда, а тут шум, свалка, Паркера ведь

подстрелили. Нили и О'Хара рванули на угол Девятой-Тринадцатой, а сержант приказал мне остаться здесь у дверей. Ну вот, я и торчу здесь все утро. Я должен был смениться в восемь, но мой сменщик меня не нашел. Откуда ему знать, что я здесь околачиваюсь? Вы в участок?

– Нет еще.

– Сэр, я не могу сам уйти, а то сержанта кондрашка хватит. Он приказал мне стоять здесь.

– Я позвоню.

– Правда? Большое спасибо, сэр!

– Прямо сейчас позвоню.

Браун свернул вместе с миссис Фаррадей за угол к булочной.

– Я стояла здесь, когда они появились, – показала старушка. – Они сорвали маски и мимо меня пробежали уже без них. А потом помчались вверх по улице и... О, Боже!

– Что такое, миссис Фаррадей?

– Я вспомнила, что они сделали с масками, детектив. Они их бросили в канализацию, вон там. Остановились у люка и бросили туда маски, а потом опять побежали.

– Спасибо, миссис Фаррадей. Вы мне очень помогли.

– Ну что вы, – улыбнулась старушка.

* * *

Флора и Фреда вернулись в свою квартиру на Северной

Восьмой только в семь минут двенадцатого. Обе милостивые женщины под тридцать, обе одеты в брючные костюмы и плащи. Флора блондинка, Фреда рыжеволосая. На Флоре большие золотые серьги-кольца. У Фреды маленькая родинка в уголке рта. Они объяснили полицейским, что всегда, в любую погоду, гуляют по воскресеньям в парке. Флора предложила им чаю. Они согласились, и Фреда удалилась на кухню.

Квартира находилась в коричневом каменном здании, прошедшем за свою жизнь большой путь – от роскошного жилища до осыпающегося доходного дома, отчаянно пытающегося возвыситься над окружающими трущобами. Женщины владели всем домом. Флора рассказала, что спальни находятся на верхнем этаже, кухня, столовая и комната для гостей на среднем, а гостиная на нижнем. В ней как раз и сидели сейчас детективы. Через узорчатые шелковые занавески на окнах в гостиную струился солнечный свет. У изразцового камина дремал кот. Гостиная занимала весь первый этаж здания и была мило и уютно обставлена. Возникало чувство, что ты находишься не в большом городе, а где-нибудь в деревенском английском доме, например в Дерсете, или в уэльском поместье, тихом и уединенном, с видом на мягко перекатывающиеся холмы. Но одно дело превратить разваливающиеся трущобы в прекрасный городской особняк и совершенно другое – игнорировать бурлящую за стенами дома действительность. Флора и Фреда не были глупы; окна, вы-

ходящие во двор, защищены стальными решетками, а входная дверь оборудована мощным засовом.

– Я надеюсь, не магазин обворовали, – гортанно спросила Флора. Звуки ее голоса были странным образом похожи на хрип певца, прижимающего ко рту микрофон.

– Нет-нет, – успокоил ее Уиллис, – мы бы только хотели кое-что выяснить о вещах, возможно, купленных у вас.

– Слава богу, – вздохнула Флора.

Фреда вышла из кухни и сейчас стояла за гнутой спинкой кресла Флоры, грациозно опустив руку на кружевной подлокотник у самых волос своей подруги.

– Нас уже четыре раза обворовывали, – пожаловалась Фреда.

– Каждый раз берут товара долларов на сто, не больше. Смешно просто. Нам ремонт разбитой витрины дороже обходится. Я бы им это барахло подарила, если бы они пришли и попросили, – Флора покачала головой.

– Мы уже четыре раза меняли замки, а это тоже обходится в копейку, – добавила Фреда.

– У нас совсем небольшая прибыль, – объяснила Флора.

– Это наркоманы, – убежденно произнесла Фреда, – так ведь. Флора?

– А то кто же? Вы с ними тоже сталкиваетесь? – спросила она у детективов.

– Иногда, – ответил Уиллис, – но воруют не только наркоманы.

– Но все наркоманы воры! – не сдавалась Фреда.

– Некоторые.

– Большинство!

– Многие. Им на дозу нужны деньги.

– Надо с этим что-то делать, – заметила Фреда.

Кот у камина пошевелился, потянулся, пристально посмотрел на полицейских и величаво вышел из комнаты.

– Пасси проголодался, – сказала Флора.

– Сейчас покормим, – отозвалась Фреда.

– О каких вещах вы хотели спросить? – задала вопрос Флора.

– Ну, прежде всего о куртке, висевшей на прошлой неделе у вас в витрине. меховая куртка с...

– Из ламы, помню. Что с ней?

– С оранжевым солнцем на спине? – подал голос Дженеро.

– Да-да, с солнцем.

– Вы не помните, кто ее купил? – осведомился Уиллис.

– Я ее не продавала, – Флора взглянула на подругу, – Фреда?

– Да, я ее продала.

– Вы не помните, кому вы ее продали?

– Парню. Длинные светлые волосы и усы. Молодой парень. Я хотела ему объяснить, что вообще-то это женская куртка, но он сказал, что ему без разницы. Она отпадная и ему нравится. У нее нет пуговиц, так что незаметно. Женские вещи застегиваются на другую сторону...

– Да, я знаю.

– Эта куртка с поясом. Я помню, как он мерил ее – сначала с поясом, потом без.

– Простите, – вмешался Дженеро, – это пальто или куртка?

– Собственно, это короткое пальто. До бедер. Оно предназначено для женщин, чтобы носить с мини-юбкой. Вот такой вот длины.

– Понятно.

– Хотя мужчина тоже ее может надеть, – неуверенно добавила Фреда.

– Вы не знаете этого парня?

– Нет, к сожалению. Я его никогда не видела.

– Сколько стоило пальто?

– Сто десять долларов.

– Он заплатил наличными?

– Нет, че... О, конечно!

– Что? – спросил Уиллис.

– Он дал мне чек. Его имя ведь должно быть на чеке, – она повернулась к Флоре, – где у нас чеки для предъявления в банк?

– Наверху, – ответила та, – в запертом ящике.

Она улыбнулась полицейским и объяснила:

– Один ящик в столе запирается. Хотя, это, конечно, не поможет, если его вздумают взломать.

– Принести? – спросила Фреда.

– Будьте так добры, – попросил Уиллис.

– Конечно. И чайник уже вскипел, наверное.

Она вышла из комнаты. Ее шаги мягко прозвучали на лестнице, покрытой ковром.

– Есть еще одна вещь, – продолжал Уиллис, – Дик, где блузка?

Дженеро подал ему пакет. Уиллис развернул его и извлек черную шелковую блузку, найденную в ванной Скотта. На одной из ее пуговиц болтался полицейский ярлычок.

Флора взяла блузку и повертела ее в руках.

– Да, это наша.

– Вы не знаете, кто ее купил у вас?

Флора покачала головой:

– Нет, к сожалению. Мы их десятками каждую неделю продаем. Она взглянула на наклейку.

– Тридцать четвертый размер, очень распространенный, – она снова покачала головой. – Извините.

– Ладно.

Уиллис снова завернул блузку в пакет. В комнату вошла Фреда с подносом, на котором был чайник под салфеткой, четыре чашки с блюдцами, молочница, сахарница и несколько кружков лимона на плоском блюде. Из-под сахарницы выглядывал чек. Фреда поставила поднос, подняла сахарницу и вручила чек Уиллису.

В верхней части чека было напечатано:

РОБЕРТ ХЭМЛИНГ

Кэрриер-авеню, 3341 Айсола

Чек был выписан на сто тридцать пять долларов, шестьдесят восемь центов. Уиллис поднял голову:

– Я думал, пальто стоит сто десять долларов, а чек...

– Да, он купил еще блузку. Она стоит восемнадцать долларов. Остальное налог.

– Черная шелковая блузка? – произнес Дженеро, вынимая блузку из пакета, словно фокусник кролика из цилиндра.

– Да, эта блузка; – подтвердила Фреда. Дженеро удовлетворенно кивнул. Уиллис перевернул чек.

На обратной стороне виднелись слова: «Вод. уд-е» и номер:

«21546689 16506607-52»

– Это вы написали? – спросил Уиллис.

– Да, – кивнула Фреда.

– Значит, он предъявил документы?

– Да, водительское удостоверение. Мы всегда проверяем документы, если клиент выписывает чек.

– Дай-ка, посмотрю, – потянулся за чеком Дженеро, – Кэрриер-авеню. Где это?

– В центре, – ответил Уиллис, – в Квартале.

– С чем вы пьете чай, джентльмены? – спросила флора.

Они сидели в залитой солнцем гостиной, попивая чай, Один раз во время паузы в разговоре Дженеро спросил:

– А почему вы назвали магазин «Обезьяньи ужимки»?

– А почему бы и нет? – пожала плечами Фреда.

Им явно пора было уходить.

* * *

Странно, но, вылавливая карнавальные маски из канализационного стока, Браун вдруг ощутил то радостное возбуждение, какое испытывал только в детстве. Он вспомнил сотни случаев, когда с друзьями отодвигал чугунную решетку и шарил в жидкой грязи в поисках влетевшего туда бейсбольного мяча или костяного шарика, а то и десяти- или двадцатипятицентовика, выскользнувшего из сжатого кулака и закатившегося в ливневый сток. Браун видел сейчас, по крайней мере, одну маску, повисшую на изгибе покрытой коричневой слизью трубы футах в пяти внизу. Полицейский распластался на тротуаре и попытался дотянуться. Хотя рука у него была длинная, достать маску он не смог. Пальцы хватили только затхлый воздух. Браун встал на ноги, отряхнул колени и локти и огляделся. Ни одного пацана поблизости. Так всегда бывает по закону подлости. Детектив порылся в карманах. В своем бумажнике он нашел скрепку. Из другого кармана он извлек связку ярлычков для вещественных доказательств. Сквозь дырку в уголке каждого из них были продеты короткие шнурки. Вынув десять шнурков, он связал их в одну нить. Получилось около пяти футов. Сделав из скрепки нечто вроде рыболовного крючка, Браун привязал его к нити. Грузилом послужил ключ от шкафчика в раздевалке.

Полицейский улыбнулся и забросил свою снасть в люк. С двадцатой попытки он зацепил крючком резинку, удерживающую маску на голове. Медленно, осторожно, терпеливо он извлек свой улов.

Браун осмотрел несколько запачканную Белоснежку. Разве можно в семидесятих годах найти девственницу в канаве? Все еще улыбаясь, детектив поставил на место решетку, снова отряхнулся и направился в дежурку.

* * *

В городе, где служил Браун, секция опознаний и полицейская лаборатория работали по выходным с минимальным составом сотрудников, то есть ненамного лучше, чем вообще без сотрудников. Большинство запросов откладывалось до понедельника, кроме особо важных. Ранение полицейского считалось делом особо важным, и следовательно, маска Белоснежки, доставленная Брауном в лабораторию на Хай-стрит, получила соответствующий статус. Лейтенант-детектив Сэм Гроссман, начальник лаборатории, по воскресеньям, разумеется, не работал. Задача по обнаружению отпечатков пальцев (или любых признаков, по которым можно идентифицировать владельца) была возложена на детектива 3-й степени Маршалла Дэйвиса. Дэйвис, как и Джеро, не так давно стал детективом, и этим объяснялись его дежурства в выходные дни. Он пообещал Брауну связаться

с ним сразу же, как только что-нибудь обнаружит, и уселся за работу.

* * *

В дежурке Браун повесил трубку и посмотрел на патрульного, ведущего за плечо задержанного к затертой перекладине. За своим столом Карл Капек жевал бутерброд, готовясь отправиться в бар, где моряк повстречался с дамой, умеющей так хорошо вертеть задом. Бары по воскресеньям открывались только с двенадцати. Считалось, что с этого часа добропорядочные прихожане, уже побывавшие в церкви, могут начать напиваться. Народу в дежурке сейчас было больше, чем обычно в это время в воскресенье. Часы показывали без пятнадцати полдень. Ливайн, Ди Маэо и Мериуезер, отозванные из отпуска, сидели за одним из столов и ждали лейтенанта. А тот в это время говорил с капитаном Фриком, начальником участка, о стрельбе в бакалейном магазине и о необходимости бросить на это дело еще людей. Три детектива, естественно, роптали. Ди Маэо сказал, что в следующий отпуск поедет в Пуэрто-Рико, чтобы лейтенант рыл носом землю, если захочет его отозвать опять. Кооперман ведь тоже в отпуске, но он в Верджин Айлендз, и шеф наверняка на стал ему туда звонить. Да и Энди Паркер, добавил Ливайн, был паршивым полицейским, пусть его хоть и пристрелят со всем, кому от этого хуже? Мериуезер, добродушный ветеран,

собиравшийся на пенсию, так как ему перевалило за шестьдесят, миролюбиво забормотал: «Ладно-ладно, мужики. Так надо. Ну что поделаешь, если так надо?» Ди Маэо в ответ злобно сплюнул.

Патрульный подошел к столу Брауна, приказал задержанному сесть, отвел детектива в сторону и что-то ему прошептал. Браун кивнул и вернулся к столу. Задержанный сидел, примостив скованные наручниками руки на коленях. Он был толстеньким маленьким человеком с зелеными глазами и ниточкой усов. Детектив прикинул его возраст – около сорока. На задержанном были коричневый плащ, черные костюм и туфли, белая рубашка с воротником на пуговицах, галстук в желто-коричневую полоску. Браун попросил патрульного объяснить задержанному его права, за что тот принял с некоторым трепетом. Сам Браун в это время позвонил в больницу, чтобы узнать о состоянии Паркера. Ему сказали, что раненый в порядке. Браун не проявил особой радости по этому поводу. Он повесил трубку, услышал, как задержанный сказал патрульному, что ему нечего скрывать и он готов ответить на любые вопросы, повернулся вместе со стулом к коротышке и спросил:

– Как вас зовут?

Человек избегал взгляда Брауна, он смотрел мимо левого уха детектива на зарешеченное окно и небо за ним.

– Перри Лайенз.

Он очень тихо говорил, Браун едва его слышал.

– Что вы делали в парке, Лайенз?

– Ничего.

– Громче! – рявкнул Браун.

В его голосе явно слышалась неприязнь. Патрульный, грозно сдвинув брови, сжав губы и скрестив руки на груди, также враждебно смотрел немигающими глазами на допрашиваемого.

– Я ничего не делал в парке, – ответил Лайенз.

– Патрульный Бруган считает иначе.

Лайенз пожал плечами.

– Ну, так как, Лайенз?

– Нет закона, чтобы за разговоры забирать.

– С кем вы разговаривали, Лайенз?

– С ребенком.

– Что вы ему говорили?

– Что день сегодня хороший, а что, нельзя?

– Ребенок рассказал патрульному Бругану не это.

– Ну, ребенок есть ребенок.

– Сколько лет ребенку?

– Около девяти, – ответил Бруган.

– Вы всегда заговариваете с девятилетними детьми в парке?

– Иногда.

– Как часто?

– Нет закона, чтобы за разговоры с детьми забирать. Я люблю детей.

– Это уж точно, – язвительно заметил Браун, – скажи-ка, Броган, что мальчик тебе рассказал.

Патрульный мгновение колебался:

– Мальчик сказал, что вы предложили ему лечь с вами в постель, Лайенз.

– Нет, – воскликнул тот. – Я ничего ему не предлагал! Вы ошибаетесь.

– Я не ошибаюсь, – возразил Броган.

– Тогда пацан врет. Разве я мог такое сказать, сэр?

– У вас были приводы раньше? – спросил Браун.

Лайенз сник.

– Отвечайте, – поторопил его Браун. – Мы все равно сможем проверить.

– Были, – упавшим голосом произнес задержанный. – Меня уже задерживали.

– Сколько раз? За что?

– Ну... – Лайенз пожал плечами. – Два.

– За что, Лайенз?

– Ну это... У меня были когда-то неприятности.

– Какие неприятности?

– С детьми.

– В чем вас обвиняли, Лайенз?

Лайенз молчал.

– В чем вас обвиняли? – грозно повторил Браун.

– Принуждение к сожительству.

– Развращаете детей, Лайенз?

– Нет-нет. Это был наговор.

– Вас осудили?

– Да, но это ничего не значит; вы же понимаете. Пацан врал. Он хотел мне досадить. Он наговорил ерунды про меня. Боже мой, чего бы ради я к нему приставал? У меня была девушка, официантка одна. Симпатичная очень, чего бы ради я приставал к мальчишке?

– Вот и расскажите.

– Да наговор это был; вы же знаете, как это делается.

– А второй арест?

– Ну, это...

– Что?

– Ну там, опять... когда я освободился, я поселился в том мотеле, где до ареста жил.

– Где вы отбывали?

– В Каслвью.

– Продолжайте.

– Ну, я опять снял тот же номер. Ну, где я жил, пока меня не повязали. А оказалось, что там же жил пацан с матерью, ну, тот пацан, из-за которого я сел.

– Случайно оказался тот же мальчик?

– Ну, не совсем случайно... То есть, я не могу сказать, что это было просто совпадение. Мать была хозяйкой мотеля. Она со своим отцом им владела. Так что совпадением это не назовешь. Но я не думал, что этот пацан опять мне будет солить, понимаете? Я отсидел от звонка до звонка, он мне

уже отомстил, я думал, он успокоится. В общем, он пришел как-то ко мне и начал меня шантажировать. Угрожал, что скажет матери, что я опять к нему приставал, если я не буду делать, что он говорит. А я был под надзором, понимаете? Если бы пацан стукнул, меня бы замели в минуту.

– И что же вы сделали Лайенз?

– Да там... Пацан стал вопить, и меня снова взяли.

– С тем же обвинением?

– Нет, не совсем. Пацан был уже старше. Есть статья за принуждение к сожительству ребенка младше девяти лет, а есть от десяти до шестнадцати. Первый раз ему было восемь, а теперь одиннадцать. Оба раза наговор. Кому нужно такое? Думаете, мне нужно? Да и вообще, это давно было. Я за оба раза отсидел. Что я, дурак в третий раз влетать?

– Вы могли на всю жизнь загреметь еще во второй раз, – заметил Браун.

– Думаете, я не знаю? Чего бы я стал рисковать?

Он взглянул на Брогана.

– Тот пацан, наверное, чего-то не понял, сэр. Я ничего такого ему не говорил, честное слово!

– Мы обвиняем вас в нанесении морального ущерба ребенку, статья 473 Уголовного кодекса, – объявил Браун. – Вы имеете право на три телефонных звонка...

– Эй, стойте, стойте, – прервал его Лайенз. – Я все объясню. Я ничего не хотел ему сделать, клянусь! Я ничего ему страшного не говорил. Разве б я мог такое предложить, ре-

бенку? Да что я, идиот совсем? Эй, давайте замнем, а? Детектив, давайте замнем, а?

– Я советую вам найти адвоката, – холодно произнес Браун. – Уведите его, Броган.

– Эй, слушайте... – начал было Лайенз.

Браун смотрел, как патрульный уводил Лайенза из дежурки. Провожал глазами удаляющуюся фигуру и думал:

«Он болен, а мы его опять за решетку. Нет, чтобы помочь». А потом подумал: «У меня семилетняя дочь», – а потом перестал думать, потому что все вдруг оказалось очень сложным, а на столе звонил телефон.

Он взял трубку.

Это был Стив Карелла. Он передал, что идет в участок.

* * *

Хосе Висенте Хуэрта был плох. Обе ноги перебиты, лицо обмотано бинтами, скрывающими многочисленные раны, кровь из которых залила крыльцо его дома. Этими бинтами он напоминал Человека-Невидимку. Сквозь марлевые щели пристально смотрели карие глаза.

В другую щель, пониже, виднелся рот, похожий на открытую рану. Хуэрта был в сознании, но врачи предупредили Дельгадо, что пациент получил большую дозу успокоительного и может заснуть во время беседы. Дельгадо решил попытать счастья.

Он уселся на стул у койки Хуэрты. Обе ноги потерпевшего в растяжках, руки лежат поверх простыни ладонями вверх, голова уткнулась в подушку, карие глаза воспаленно горят, рана рта беспомощно приоткрыта. Хуэрта выслушал представившегося Дельгадо и кивком дал понять, что в состоянии отвечать на вопросы.

– Первое, – начал полицейский. – Вы знаете этих людей?

– Нет.

– Вы никого из них не знаете?

– Нет.

– Вы видели их, когда они на вас напали?

– Да.

– Они были молодыми или в возрасте?

– Не знаю.

– Даже приблизительно?

– Не знаю.

– Они из вашего квартала?

– Не знаю.

– Мистер Хуэрта, любая информация может...

– Я не знаю, кто это был.

– Они вас сильно избили. Наверняка...

Забинтованная голова отвернулась от Дельгадо.

– Мистер Хуэрта?

Хуэрта не отвечал.

– Мистер Хуэрта?

Снова нет ответа. Как и обещали врачи, он уснул. Дельга-

до вздохнул и поднялся на ноги. Раз уж он пришел в больницу «Буэновиста», то решил заглянуть к Паркеру, чтобы визит не был совсем бесполезным.

Паркер выглядел не лучше Хуэрты. Он тоже спал. Практикант в коридоре сказал, что Паркер будет жить.

Эта информация подействовала на Дельгадо точно так же, как ранее на Брауна.

* * *

Сложно быть полицейским, если почти все обитатели твоего квартала знают об этом. Бар, в котором моряк повстречался с девушкой, нокаутировавшей его остроносой туфелькой, назывался «Семнадцать». Название было обусловлено тем, что бар находился на Семнадцатой улице. Бармен знал Карла Капека, как облупленного, и Капек его хорошо знал, поэтому они не стали играть в полицейских и разбойников. Бармен молча поставил пиво перед Капеком, который не должен был пить на службе, но не отказался от бесплатного угощения. Они видели друг друга насквозь. Капек не стал спрашивать бармена о лежащей девице и ее дружке. Бармен также предпочел не спрашивать полицейского о причине его визита. Если тот пришел, значит так надо. Полицейский и бармен держались на почтительном расстоянии друг от друга, и лишь время от времени бармен подносил Капеку новый стакан. Бармен надеялся, что Капек пришел не из-за

него самого, он и так уже платил двоим парням из пожарной охраны, не говоря о сержанте-участковом. Если еще один суется с протянутой рукой, трудно придется. Капек же, со своей стороны, надеялся, что бармен не станет намекать всем посетителям, что большой светлый парень на высоком стуле у стойки офицер полиции. Не просто зарабатывать на хлеб в наши дни.

Чтобы заработать на хлеб, Капек решил попытаться втянуть пьяного в задушевную беседу. Детектив уже почти час торчал в баре, изучая посетителей, стараясь определить, кто из них завсегдатай, а кто заглядывает иногда, кто из них наверняка его узнал, а кто и не догадывается, что он легавый. Карл действовал, как он надеялся, конспиративно: зашел в телефонную будку, якобы позвонить, сходил в туалет, три-четыре раза был у музыкального автомата, рассматривая всех сидевших в зале во время своих вояжей. Но всегда возвращался к стулу у стойки, где он мог слышать беседу бармена и человека в темно-синем костюме. Детектив открыл принесенную с собой газету и развернул ее на спортивной странице. Он делал вид, что занят результатами вчерашних скачек, а сам напряженно прислушивался к каждому слову человека в синем костюме. Дождавшись, когда бармен отойдет в другой конец бара, Калек решился:

– Сраная кобыла, никогда вовремя не приходит! – пробормотал он.

– Прошу прощения? – человек в синем костюме повер-

нулся к полицейскому лицом. Он уже был крепко поддат, начав напиваться, вероятно, еще дома, до официального открытия бара. Мужчина смотрел на Капек с видом человека, стремящегося жить в согласии со всеми, даже если кто-то из них окажется детективом полиции. Человек не знал, кто был на самом деле Капек, во всяком случае, не подавал вида. А тот, в свою очередь, не спешил его об этом проинформировать.

– Интересуешься пони? – спросил его Капек.

– Позволяю себе иногда небольшую ставочку, – ответил мужчина.

У него были затуманенные синие глаза и нос в голубых прожилках. Белая рубашка казалась неглаженной, широкий голубой галстук завязан неряшливо, костюм измят. Рука с зажатым в ней высоким стаканом с виски покоилась на стойке.

– Я говорю, эта кляча девять раз из десяти бывает в фаворитах, но никогда не приходит первой, когда надо, зараза! Не иначе, там у жокеев все схвачено.

Приближался бармен. Капек бросил на него предупреждающий взгляд: «Не мешай! Ты свое дело делаешь – я свое». Бармен остановился на полпути, круто развернулся и направился к другому клиенту.

– Меня зовут Карл Капек, – представился полицейский и свернул газету, приглашая к продолжению разговора, – я уже двенадцать лет играю на скачках, а круто подфартило только

раз.

– На сколько? – поинтересовался мужчина в синем костюме.

– Четыреста долларов в длинном забеге. С двухдолларовой ставки. Вот это был шик! – Капек улыбнулся и покачал головой, вспоминая прелесть хорошего выигрыша, в действительности никогда не имевшего места. Самым крупным кушем в его жизни был химический набор, выигранный на благотворительной ярмарке в церкви.

– Давно это было? – спросил человек в синем костюме.

– Шесть лет назад, – Капек усмехнулся.

– Не успел и проспаться, что называется, – поддержал его человек и тоже усмехнулся.

– Как тебя зовут? – детектив дружески протянул руку.

– Леонард Сатерлэнд. Для друзей Лэнни.

– Добрый вечер, Лэнни, – мужчины пожали друг другу руки.

– А ты для друзей кто? – спросил Лэнни.

– Карл.

– Приятно познакомиться, Карл.

– Мне тоже.

– Моя игра – покер. Скачки, прости меня, Карл, для сопляков. А в покере надо думать.

– А то! – согласился Капек.

– Ты правда только пиво тянешь? – вдруг спросил Лэнни.

– Что?

– Я смотрю, ты только пиво тянешь. Если не возражаешь, Карл, я сочту для себя за честь заказать для тебя что-нибудь посерьезнее.

– Рановато пока, – извиняюще улыбнулся Капек.

– По рюмашке никогда не рано, – улыбнулся в ответ Лэнни.

– Я вчера перебрал, – объяснил Капек и вздрогнул.

– Я каждый день перебираю, – возразил Сатерлэнд, – а по рюмашке все равно не рано.

И в доказательство опрокинул в себя полстакана.

– М-м-м, проклятая, – произнес он и кашлянул.

– Ты всегда здесь пьешь? – поинтересовался полицейский.

– Ухм? – переспросил Лэнни.

Его глаза слезились. Из заднего кармана он извлек носовой платок и промокнул их. Потом снова кашлянул.

– В этом баре?

– А-а. Я кочую, кочую, – Лэнни помахал в воздухе пальцами, показывая, как он кочует.

– Я к тому, – продолжал Капек, – что я сидел здесь вчера вечером, а тебя не заметил.

– Не-а. Я здесь был, – возразил Лэнни, хотя детектив это уже знал, так как подслушал беседу между Лэнни и барменом, обсуждавшими небольшой инцидент, произошедший в баре «Семнадцать» вчера вечером. Бармену пришлось вышвырнуть двадцатилетнего клиента, слишком шумно выражавшего свои взгляды на снижение возрастного избиратель-

ного ценза...

– Ты был, когда выкинули того парня? – спросил Капек.

– О, да.

– Не видел тебя.

– Да был. Здесь и был, – сказал Лэнни.

– Сидел здесь один моряк, – начал забрасывать удочку сыщик.

– Ухм? – переспросил Лэнни с вежливой улыбкой, затем поднял стакан и влил в себя остальное виски. Он сказал: «М-м-м, проклятая», кашлянул, промокнул глаза, только потом произнес:

– Да-да. Только он пришел потом.

– После того, как выкинули парня?

– Да. Намного позже. А ты был здесь, когда пришел моряк?

– А как же! – заверил его Капек.

– Странно, что мы не видели друг друга, – Лэнни перевернул плечами и позвал бармена. Тот нехотя подошел, предупреждая детектива взглядом: «Этот парень постоянный клиент. Я очень обижусь, если потеряю его твоими стараниями».

– Да, Лэнни? – отозвался бармен.

– Еще двойной, пожалуйста. И моему другу, что он хочет.

Бармен снова предупреждающе посмотрел на Капека. Детектив невозмутимо выдержал взгляд и сказал:

– Мне только пиво.

Бармен кивнул и отошел.

– Тут вчера девчонка была, – продолжал свое Капек, –
помнишь?

– Какая девчонка?

– Негритяночка в красном платье.

Лэнни следил за барменом, наполнявшим его стакан.

– Ухм?

– Негритяночка в красном платье, – повторил Капек.

– О, да. Белинда.

– Белинда, а дальше?

– Не знаю.

Его глаза посветлели, когда бармен вернулся с виски и пи-
вом.

Лэнни немедленно поднял стакан и опрокинул его в себя.

– М-м-м, проклятая, – сказал он и кашлянул.

Бармен навис над ними. Капек столкнулся с ним взгля-
дом, решил, что тот тоже хочет поучаствовать в разговоре,
и спросил:

– А ты знаешь?

– Что знаю?

– Здесь была вчера девчонка в красном платье, Белинда.

Фамилию знаешь?

– Я? – бармен поднял брови. – Я глух, слеп и нем.

Он помолчал.

– Он из полиции, Лэнни. Ты знаешь это?

– О, да, разумеется, – произнес тот и без чувств свалил-

ся со стула. Капек встал, подхватил Лэнни под мышки и отволол его в одну из кабинок. Он ослабил на нем галстук и повернулся к бармену, который стоял рядом, уперев руки в бока.

– Ты всегда продаешь пойло перебравшим?

– А ты всегда задаешь им вопросы? – парировал тот.

– Давай-ка и ты ответь на парочку, – отрубил Капек. – Что за Белинда?

– Никогда не слышал.

– Ладно, пусть и она тогда про меня ничего не услышит.

– А?

– Тут ты старался этому другу поведать, что я полицейский. Я тебе прямо говорю: я ищу эту Белинду, черт с ней, с ее фамилией. Если она вдруг об этом узнает, я считаю тебя ее соучастником. Тебе нужны неприятности?

– Кого ты пугаешь? У меня все чисто. Не знаю я никакой Белинды и никаких дел с ней не имею. Так что заткнись со своим «соучастием».

– Постарайся забыть, что я здесь был. А то и «соучастие» обнаружится, понял?

– Ой-ой, как страшно!

– Ты знаешь, где он живет? – Капек указал на Лэнни.

– Знаю.

– Он женат?

– Да.

– Позвони жене. Пусть заберет его.

– Она его убьет, – бармен посмотрел на Лэнни и покачал головой. – Пусть проспится, я его потом отправлю домой. Не переживай.

Когда Капек уходил из бара, бармен уже что-то говорил нежным и добрым голосом мертвецки пьяному Лэнни.

* * *

Рамон Кастаньеда, облаченный в одну нижнюю рубашу, открыл дверь перед Дельгадо:

– Si, que quiere usted?¹⁰ – спросил он.

– Я детектив Дельгадо, Восемьдесят седьмой участок, – Дельгадо показал Кастаньеде свой жетон. Тот его внимательно рассмотрел.

– Что случилось?

– Мне можно войти?

– Кто это, Рай? – из глубины квартиры донесся женский голос.

– Полицейский, – бросил через плечо Кастаньеда, потом пригласил Дельгадо, – входите.

Детектив вошел в квартиру. Направо кухня, прямо гостиная, за ней две спальни. На женщине, вышедшей из ближайшей спальни, было нейлоновое платье в ярких цветах. В руке она держала расческу. Женщина довольно привлекательная,

---

¹⁰ Да, в чем дело? (исп.).

с длинными черными волосами, бледным лицом, серо-зелеными глазами, полной грудью, изящным изгибом бедер. Она была боса и бесшумно прошла в гостиную, где остановилась, слегка расставив ноги, держа расческу, как вынутый из ножен меч.

– Простите за беспокойство.

– Что случилось? – спросила женщина.

– Это моя жена, – представил ее Кастаньеда. – Рита, это детектив... как ваше имя?

– Дельгадо.

– Вы испанец?

– Да.

– Хорошо, – кивнул Кастаньеда.

– Что случилось? – снова спросила Рита.

– Ваш партнер Хосе Хуэрта...

– Что с ним? – немедленно спросил Кастаньеда. – Что-нибудь стряслось?

– На него напали сегодня утром...

– О, Боже! – Рита прижала руку с расческой к губам, словно подавляя крик.

– Кто? Кто это сделал? – спросил Кастаньеда.

– Мы еще не знаем. Он сейчас в больнице «Буэновиста».

Дельгадо помолчал.

– Обе ноги сломаны.

– О, Боже! – снова воскликнула Рита.

– Мы идем к нему, – решительно объявил Кастаньеда и

повернулся к выходу из комнаты, намереваясь немедленно одеться и отправиться в больницу.

– Мне бы... – заикнулся Дельгадо, и Кастаньеда вспомнил, что детектив еще здесь. Все еще спеша уйти, он нетерпеливо бросил жене:

- Одевайся, Рита, – а затем повернулся к полицейскому.
- Я слушаю. Нам надо попасть к Хосе как можно раньше.
- Я бы хотел задать вам несколько вопросов.
- Пожалуйста.
- Вы давно партнеры? Вы и мистер Хуэрта?

Женщина продолжала стоять немного в стороне от мужчин, проводя зубьями расчески по ладони. Глаза ее были широко раскрыты.

– Я тебе велел одеваться, – напомнил ей Кастаньеда.

Рита хотела что-то возразить, но только коротко кивнула и ушла в спальню, неплотно прикрыв за собой дверь.

- Мы партнеры два года, – ответил Кастаньеда.
- Ладите друг с другом?
- Конечно. А что? – Кастаньеда упер руки в бока.

Дельгадо мгновение помолчал.

– Как по-вашему, есть у него враги? – спросил он бесстрастно.

Через неплотно прикрытую дверь спальни он видел, как Рита Кастаньеда подошла к туалетному столику.

- Если и есть, я о них не знаю.
- Вы не в курсе, он не получал угрожающих писем или

звонков?

– Никогда.

За дверью снова мелькнуло цветастое платье. Взгляд детектива непроизвольно метнулся туда. Кастаньеда нахмурился.

– Нет ли людей, обиженных на вашу фирму?

– Нет.

Кастаньеда подошел к двери и плотно захлопнул ее.

– Мы занимаемся недвижимостью, – продолжал он, – а именно, жилыми помещениями. Проще говоря, сдаем квартиры.

– Никаких неприятностей с клиентами?

– Мы почти не общаемся с жильцами. Бывают иногда задержки с оплатой, но в таком бизнесе это обычное дело. Камня за пазухой никто не держит.

– Как вы считаете, ваш партнер умеет ладить с людьми?

Кастаньеда пожал плечами.

– Что означает ваш жест, мистер Кастаньеда?

– Ну, умеет или не умеет, кто знает? Он человек, как и любой другой. Некоторым нравится, некоторым нет.

– Кому он не нравится? – немедленно спросил Дельгадо.

– Если кто его и не любит, то не настолько, чтобы ломать ему кости.

– Понятно, – Дельгадо вежливо улыбнулся. – Спасибо за информацию, я вас больше не задерживаю.

– Хорошо-хорошо.

Кастаньеда подошел к двери и открыл ее для полицейского.

– Вы мне скажете, кто его избил, когда все выясните?

– Конечно.

Дельгадо вышел в холл, дверь за ним закрылась. Он услышал, как Кастаньеда крикнул: «Rita, esta lista?»¹¹

Детектив прильнул к двери. Он слышал, как Кастаньеда очень тихо разговаривал с женой, но не мог разобрать слов. Только раз, когда Рита повысила голос, Дельгадо расслышал одно слово.

Это было слово «hermano», что по-испански означает «брат».

~~

Время приближалось к двум часам дня, и в дежурке было очень тихо. Капек просматривал каталог известных полиции уличных грабителей в поисках чернокожей девушки по имени Белинда. Карелла только что прибыл и уселся с Брауном за длинный стол у окна, сдвинув в сторону оборудование для снятия отпечатков пальцев. Они принялись за обед из бутербродов с тунцом и кофе в картонных стаканах. За едой Браун ввел Кареллу в курс дела. Маршалл Дэйвис действительно занялся маской Белоснежки сразу, как получил ее, и с полчаса назад прислал заключение. Он сумел выявить только один четкий отпечаток большого пальца, оставленный на внутренней поверхности маски. Он немедленно послал его в

---

¹¹ Рита, ты готова? (исп.).

секцию опознаний. Там ребята порылись в каталоге и, продравшись сквозь лабиринт дуг, петель, колец и шрамов, выудили карточку с именем Бернарда Голденталя.

Желтый листок прибыл в участок и лежал сейчас на столе перед Брауном. Оба сыщика внимательно изучали его.

«Желтой» карточка называлась по той причине, что копии с учетного бланка делались на желтой бумаге. Она, может, и не захватывала читателя, как хороший роман, но обладала своеобразной повествовательной мощью, выраженной в цифрах и сокращениях. Словом, карточка Голденталя читалась с интересом. Приближалась развязка.

Первый раз его арестовали в возрасте шестнадцати лет за кражу со взломом и, как несовершеннолетнего, отправили в Еврейскую колонию для малолетних преступников. Не прошло и года после его первого ареста, как он опять попался на краже со взломом. Здесь запись была неполной, но суд, вероятно, сделал ему послабление, учитывая юный возраст – ему только что исполнилось семнадцать, – и ограничился условным осуждением. Через год парень подрос для более крупных и серьезных дел. Его сначала арестовали за ограбление, а потом за ограбление с применением оружия. И снова присяжные сжалились и не засадили его за решетку. Обнадеженный и воодушевленный, он попробовал воровство с отягчающими обстоятельствами 1-го класса и кражу со взломом 3-го класса, снова сгорел и попал на этот раз в тюрьму. Он получил срок по двум статьям, но к началу 1959 года был

условно-досрочно освобожден. Тогда он решил напасть на грузовик, пересекающий границу штата, заинтересовав собой, таким образом, Федеральное бюро расследований. Карелла и Браун поняли так, что «3 г. закл.» были оставшиеся тремя годами от его первого заключения; присяжные снова показали широту души.

Правонарушения, за которые Голденталь привлекался со времени второго освобождения, были не такими уж серьезными по сравнению с предыдущими. Статья 974 Уголовного кодекса подразумевала «содержание притона или денежные операции в азартных играх». Статья 974-а – «организацию игорного бизнеса». Голденталь, видно, на время сменил профессию грабителя на более уважаемую, занялся азартными играми. Многие добропорядочные граждане считали их невинным развлечением, к которому закон излишне строг. Закон, однако, не был слишком строг к самому мистеру Голденталю. Он мог бы схлопотать пять лет за свое последнее небольшое приключение, но отделался штрафом в сто пятьдесят долларов за незаконное хранение принадлежностей для азартных игр.

Бернард Голденталь начал свою карьеру в шестнадцать лет. Сейчас ему было почти сорок, из них он чуть больше десяти провел за решеткой. Если его поймают и обвинят в вооруженном нападении на бакалейный магазин и убийстве, он все свои оставшиеся годы проведет за колючей проволокой.

В конверте, присланном из секции опознаний, была и другая информация – копия бланка с оттисками пальцев Голденталя, с полным словесным портретом на обороте, копия отчета офицера, осуществлявшего надзор в 1959 году, копия отчета Управления следственной службы о последнем аресте. Но наибольший интерес для Кареллы и Брауна представлял последний адрес Голденталя. Он, судя по всему, жил на окраине Айсолы с матерью, миссис Минни Голденталь. Три месяца назад она умерла, и он переехал в квартиру ближе к центру, где, возможно, и жил сейчас.

Голденталь уже обвинялся в прошлом в применении оружия. Не далее, как семь часов назад, он или его компаньон наградил семью пулями двух людей.

Карелла и Браун решили отправиться к нему вдвоем.

* * *

Минут через десять после ухода Кареллы и Брауна в дежурке начался спектакль. Назывался он «парад шлюх», исполнителей было четверо. В главных ролях – две уличные девки, назвавшиеся Ребеккой и Салли Гуд.

– Это не настоящие ваши имена, – настаивал Карл Капек.

– Нет, настоящие, – возражала Салли, – а не верите – идите в задницу.

Двое других персонажей – представительный господин в костюме в мелкую полоску и патрульный, задержавший де-

виц по заявлению господина. Потерпевший выглядел смертельно оскорбленным, но отнюдь не смущенным. Так выглядит человек, страдающий недержанием мочи и находящийся по этому поводу в больнице, где никто не назовет его болезнью позорной.

– О'кей, ну так что случилось, Фил? – спросил Калек патрульного.

– Дело было так...

– Если не возражаете, – вмешался представительный господин, – я здесь пострадавшая сторона.

– Эй, от чего ты пострадал, ну-ка объясни! – состроила гримасу Ребекка.

– Так, все успокоились, – приказал Капек.

Он как раз закончил изучать каталог «Уличные грабители» и принялся было за «Образ действия». Этот переполох был так некстати.

Девушки, черная и белая, были одеты в кремовые свитера, замшевые мини-юбки и коричневые туфли. Ребекка, та, что черная, поражала африканской прической из обесцвеченных волос. Обеим чуть больше двадцати, обе привлекательные. Обе высокие, длинноногие, грудастые, бесстыжие и дешевые, как бутылка бормотухи. Представительный господин устроился подальше от них, глаза его горели негодованием.

– Я хочу, чтобы этих девушек арестовали, – заявил он. – Я пострадавшая сторона и хочу выдвинуть против них обви-

нение. Я требую, чтобы их немедленно арестовали.

– Хорошо, мистер... – Капек заглянул в блокнот, – мистер Сэрли. Расскажите, что случилось.

– Я из города Индепенденс, штат Миссури. Родина Гарри Трумэна.

– Так, сэр, – кивнул Капек.

– Ну, надо же! – саркастически воскликнула Салли.

– Я приехал по делам, – продолжал Сэрли. – Обычно я останавливаюсь в другой гостинице, но у меня завтра утром назначено несколько встреч в этом районе, и я подумал, что удобнее будет поселиться неподалеку, – он помолчал, прочистил горло и заговорил снова. – Рядом с парком есть неплохой отель «Гровер».

– Да, сэр, – кивнул Капек.

– Во всяком случае, я думал, что это неплохой отель.

– Клоповник, – вставила Ребекка.

– Помолчи пока, – бросил ей Капек.

– Ну, конечно! Этот козел развопился черте-чего, а мы должны...

– Послушаем сначала его, – оборвал ее полицейский.

– О'кей, – Ребекка смирилась, но тут вступила Салли:

– Что вы его слушаете? Он же дубовый!

– Так, сестричка... – грозно начал Капек.

– Ладно-ладно.

Салли поправила свои длинные волосы. Ребекка закинула ногу на ногу и закурила сигарету, выпуская дым Сэрли в

лицо. Тот отгонял его рукой.

– Мистер Сэрли? – Капек предложил господину продолжить рассказ.

– Я сидел в номере и читал «Тайме», когда кто-то постучал в дверь.

– Когда это было, мистер Сэрли?

– Мне кажется, час назад.

– Когда ты получил вызов. Фил?

– В час двадцать.

– Продолжайте, мистер Сэрли.

– Они пришли, наверное, в час десять.

– Кто пришел, мистер Сэрли?

– Эти девицы, – он даже не взглянул на них.

– Они постучали в вашу дверь?

– Да.

– И что потом?

– Я открыл дверь. Они стояли в коридоре. Обе. Они сказали... – Сэрли покачал головой. – Это непостижимо для меня!

– Что они сказали?

– Вроде бы лифтер сказал им, что я хотел размяться, и они пришли, чтобы мне помочь в этом. Я сначала не понял, о чем они. Я спросил, что это значит. Они тогда сказали мне прямо.

– Что же они сказали?

– Это обязательно говорить?

– Если вы хотите предъявить им обвинение, то обязательно. Я еще не знаю, что эти девушки сказали или сделали...

– Они предложили лечь со мной в постель. – Сэрли отвернулся.

– Да кому ты нужен?! – взвизгнула Салли.

– Совсем рехнулся. – Ребекка выдула ему в лицо еще одно облако дыма.

– Они мне сказали, что хотят обе со мной переспать, – продолжал Сэрли. Вместе.

– У-гу, – Капек понимающе покивал головой и взглянул на Ребекку. – Это так?

– Не-а.

– Хорошо. Что произошло потом?

– Я попросил их прийти через пять минут.

– Почему?

– Я хотел обратиться к полицейскому.

– Обратились?

– Да.

– Девушки пришли?

– Через семь минут. Я засекал.

– И что потом?

– Они вошли в номер и сказали, что это мне обойдется в пятьдесят долларов каждой. Я ответил, что это очень дорого. Тогда обе сняли свитеры, чтобы показать мне, что я получу за эти деньги. Бюстгальтеров на них не было.

– Это так? – Капек повернулся к девицам.

– Кто их сейчас носит? – презрительно скривилась Салли.

– Спросите вот этого полицейского, в каком виде он их застал.

– Фил?

– Обнаженными по пояс, – ответил патрульный.

– Если без бюстгалтера, значит шлюха? – не унималась Салли.

– Я хочу, чтобы их арестовали, – настаивал Сэрли, – за проституцию.

– Обхлопочешься, дорогой! – усмехнулась Ребекка.

– Ты знаешь, что такое интимные части, милый? – поинтересовалась Салли.

– Почему я должен это выслушивать? – возмутился Сэрли. – Это...

– Замолкните! – бросил девицам детектив. – Мистер Сэрли, они хотели вам сказать, что в этом городе чрезвычайно трудно обосновать обвинение в проституции. Только, если женщина демонстрирует свои интимные части, понимаете? Свои половые органы. Здесь такой порядок, вот так, – и пожал плечами.

Ребекка и Салли ухмылялись.

– Они демонстрировали, – не отступал Сэрли.

– Да, но не интимные части. Это не основание для ареста. Не основание для обвинения. Понимаете, так заведено в здешнем Управлении полиции. Но мы, конечно, можем их привлечь за антиобщественное поведение...

– Да, пожалуйста.

– Это статья 722, часть 9-я. Но вам придется свидетельствовать на суде, что девушки предлагали вам соответствующего рода услуги, то есть находились в общественном месте с целью совершения преступления против естества или с целью вступления в развратную связь. Так формулируется часть 9-я. Значит, вам придется рассказать в суде, что произошло. То есть, все, что они вам говорили, ну и так далее. Вы понимаете меня, мистер Сэрли?

– Да, кажется.

– Мы также можем их привлечь по статье 887, части 4-й. Это совращение или принуждение другого лица к совершению разврата или блуда...

– Да-да, я все понимаю, – сказал Сэрли, помахав в воздухе рукой, словно отгоняя дым, хотя Ребекка уже не курила.

– ...или незаконного полового сношения или другого непристойного деяния, – закончил Капек. – Но и в этом случае вам придется выступать в суде.

– А показаний патрульного не будет достаточно? Он видел, что они полуголые.

– Знаете, у вас в городе идет с десяток спектаклей, где девушки обнажаются до пояса и ниже, но ведь это не значит, что они занимаются проституцией. – Капек повернулся к патрульному. – Фил, они что-нибудь говорили о проституции?

– Нет, сэр, – патрульный улыбнулся. Он явно развлекал-

ся. – Я не слышал.

– Зато я слышал, – настаивал Сэрли.

– Конечно. И, как я уже сказал, вы должны дать показания в суде...

– Но они же явные проститутки! – воскликнул Сэрли.

– Может быть, даже уже задерживались за это, но...

– Не задерживались, – отрубил Салли.

– А ты, Ребекка?

– Если хотите меня допрашивать, зовите адвоката.

– Ну, что вы скажете, мистер Сэрли? Вы все еще хотите выдвинуть обвинение? – поинтересовался полицейский.

– Когда мне надо будет явиться в суд?

– Дела о проституции, обычно, слушаются немедленно.

Их десятки каждый день. Я думаю, завтра утром.

– У меня дела завтра утром. Я, собственно, для этого и приехал.

– Ну, тогда... – Капек пожал плечами.

– Но нельзя же их так просто отпустить?! – возмутился

Сэрли.

– А почему? – поинтересовалась Салли. – Мы тебе что-нибудь сделали?

– Вы глубоко меня оскорбили, девушка.

– Как? – подключилась Ребекка.

– Попросите их уйти, пожалуйста.

– Вы решили не предъявлять им обвинения?

– Да, это мое решение.

– Кыш отсюда! – сказал Калек девицам. – И не суйте свои задницы в этот отель, а то в следующий раз не отмажетесь!

Девушки не проронили ни слова. Салли подождала, пока Ребекка спрячет сигареты в сумочку, и они обе выскользнули из дежурки.

Сэрли выглядел несколько ошеломленным. Он смотрел прямо перед собой. Потом покачал головой и сказал:

– Когда они такое предлагают, когда они думают, что мужчине нужно две женщины, то наверняка считают, что он не справится и с одной.

Сэрли снова покачал головой, встал, надел шляпу и вышел из комнаты. Патрульный взмахом дубинки попрощался с Капеком и вразвалку покинул дежурку.

Капек вздохнул и вернулся к папке с надписью «Образ действия».

* * *

Последнее место жительства Бернарда Голденталя находилось на Северной Стороне, в районе складов, примыкающем к реке Харб. Дом, в котором он жил, был зажат между двумя колоссальными сооружениями, грозившими раздавить его. Улица уже опустела. Движение в воскресенье слабое. Даже буксиры на реке, казалось, застыли. Карелла и Браун вошли в дом, осмотрели почтовые ящики – имя было только на одном из них, но другое, не Голденталь. Они под-

нялись на третий этаж, где в квартире 3 "А", считалось, жил Голденталь. Никаких звуков через дверь не было слышно. Карелла кивнул Брауну, и тот постучал.

– Кто там? – донесся из-за двери мужской голос.

– Мистер Голденталь? – спросил Браун.

– Нет, – ответил мужчина. – Кто спрашивает?

Браун оглянулся на Кареллу. Тот кивнул.

– Полиция. Откройте, пожалуйста.

За дверью послышался шорох. Карелла расстегнул плащ и взялся за рукоять револьвера. Дверь открылась. В проеме стоял мужчина лет сорока, ростом с Кареллу, но мощнее. Черные волосы торчат пучками, как сорняки в саду. Карие глаза вопросительно оглядывают полицейских, густые черные брови изогнулись. Он абсолютно не соответствовал словесному портрету Голденталья.

– Да? – произнес человек. – В чем дело?

– Мы ищем Бернарда Голденталья, – сказал Браун, – он здесь проживает?

– Нет, к сожалению, – ответил человек. – Он здесь не живет.

Тон его был мягок, так говорят взрослые с детьми или со стариками, как бы стараясь приуменьшить свое физическое превосходство.

– По нашим данным, он живет здесь, – вступил Карелла.

– Нет, к сожалению. Его здесь нет. Жил когда-то, но съел.

– Как вас зовут? – спросил Карелла. Его плащ все еще был расстегнут. Рука слегка касалась кобуры.

– Герберт Гросс.

– Вы позволите войти, мистер Гросс?

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что Голденталя здесь нет.

– Я ведь сказал, что его нет.

– Позвольте нам самим посмотреть, – сказал Браун.

– Ну, я не знаю... я бы не хотел никого впускать, – не сдавался Гросс.

– Голденталь опасный рецидивист, – объяснил Карелла, – мы разыскиваем его в связи с недавним преступлением. По нашим данным, его последний адрес: Форрестер, 911, квартира 3 "А". Это – Форрестер, 911, квартира 3 "А", и мы хотим войти и проверить, верная ли у нас информация.

– Ваша информация неверная, – покачал головой Гросс, – она устарела.

– Нет, это недавняя информация.

– Насколько недавняя?

– Меньше трех месяцев.

– А я здесь живу уже два месяца, значит, он съехал еще раньше.

– Вы нас впустите, мистер Гросс?

– Нет, не думаю.

– Почему?

– Мне не хочется, чтобы полицейские сюда врвались в

воскресенье, вот и все.

– Там у вас кто-нибудь есть?

– А вам какое дело?

– Слушайте, мистер Гросс, – решил зайти с другого конца Браун. – Мы можем вернуться с ордером, если это вас устраивает. Но зачем терять время? Помогите нам.

– Почему я должен вам помогать?

– А почему бы и нет? – спросил Карелла, – вы что-нибудь прячете?

– Ничего не прячу.

– Тогда в чем дело?

– Извините, – сказал Гросс и захлопнул дверь. Полицейские услышали щелчок запираемого замка.

Два детектива стояли в коридоре и молча обдумывали свои дальнейшие действия. Возможно, вооруженный Голденталь находился в квартире. В этом случае он был уже наготове и немедленно открыл бы пальбу, вздумай они выбить дверь. А возможно, информация секции опознаний действительно устарела, Голденталь на самом деле съехал с квартиры более двух месяцев назад, В этом случае Гросс получал прекрасную возможность возбудить против них дело, если они попытаются ворваться вовнутрь. Обвинение в незаконных методах следствия обеспечено.

– Ну, что думаешь? – прошептал Браун.

– В бакалейной лавке их было двое, – так же шепотом ответил Карелла. – Может, этот второй – Гросс?

– Он подходит под описание старушки, – согласился Браун. – Попробуем вломиться?

– Давай подождем внизу. Он нас ждет. Если он правда связан с Голденталем, то постарается сбежать, сто процентов!

– Точно, пошли.

Они оставили «седан» Брауна прямо под окнами квартиры. Зная, что Гросс следит за ними, детектива сели в автомобиль и поехали на север, в направлении реки. Браун свернул направо на Ривер Хайуэй и поехал к выезду из города. На следующем перекрестке он снова свернул направо и подъехал к углу Сквилл-авеню и Форрестер-стрит, где прижал машину к бордюру. Полицейские вышли на тротуар.

– Думаешь, еще смотрит? – спросил Браун.

– Вряд ли. Но давай не рисковать. Из любого подъезда с одной стороны улицы нас не будет видно, а мы все увидим, кто входит, кто выходит.

Они зашли в подъезд, который явно служил приютом для бродяг. Валялись пустые бутылки из-под виски и вина, пол устлала обертки от продуктов. Нестерпимо воняло мочой.

– Никакое дело этого не стоит, – задохнулся Браун.

– Хоть бы даже и губернатора подстрелили, мать его так! – согласился Карелла.

Они быстро выскочили на свежий воздух. Браун оглядел улицу. Вместе с Кареллой они проворно шмыгнули в следующий подъезд. Хоть и не намного, но здесь было лучше.

– Хоть бы он пошевеливался, – жалобно проговорил Браун.

ун.

– Ну! – согласился Карелла.

Долго ждать им не пришлось. Минут через пять Гросс спустился у крыльца своего дома и пошел на юг в сторону здания, где его ждали полицейские. Они прижались к стене. Гросс прошел, даже не глянув на подъезд. Детективы дали ему оторваться и двинулись следом, разойдясь по разные стороны улицы. Образовался равнобедренный треугольник с Гроссом на вершине и Кареллой и Брауном в углах основания.

Сыщики потеряли его на Пэйн-авеню. Гросс вскочил в шедший из центра автобус, оставив подбежавших полицейских задыхаться в выхлопах. Карелла и Браун решили вернуться в квартиру и вскрыть дверь. Очень может быть, что это следовало сделать в самую первую очередь.

* * *

Есть старая испанская пословица. На городском сленге она звучит примерно так: «Если никто ничего не знает, значит все знают все»

Казалось, никто ничего не знал о нападении на Хосе Виценте Хуэрту. Его избили среди белого дня четверо мужчин ручками от метел, причем так, что перебили обе ноги и превратили лицо в сплошную кровавую рану. Но оказалось, что их никто не рассмотрел, хотя они трудились минут пять, а

то и больше.

Дельгадо обошел всех соседей Хуэрты, беседуя с жильцами на каждом этаже. Затем побывал в кондитерской на противоположной стороне улицы, из которой отлично просматривалось крыльцо здания, и поговорил с владельцем – и он ничего не знал. Тогда детектив решил зайти с другого конца. В этом квартале он знал одну наркоманку-потаскушку. Девчонке было около девятнадцати, у нее не было одной руки. Этот физический недостаток вместо того, чтобы отталкивать предполагаемых клиентов, на самом деле почему-то их дико возбуждал. В поисках «однорукого бандита», как ее иногда называли, сюда стекались озабоченные кабальеро со всех концов района. Постоянным же клиентам из близлежащих кварталов девица была известна как Бланка Диас. Она пользовалась спросом еще и потому, что тяга к наркотикам не позволяла ей долго торговаться, она соглашалась практически на любую цену.

Бланка не очень обрадовалась возможности провести воскресенье с полицейским, пусть даже и пуэрториканцем. Девица только что приняла свою послеобеденную дозу и наслаждалась октябрьским солнышком на скамейке в одном из скверов. Она скосила на Дельгадо глаза, поразмышляла о том, что надо было бы подвинуться, подумала:

«Черт с ним!», и осталась сидеть на своем месте.

– Привет, Бланка, – обратился к ней Дельгадо.

– Ну, привет.

– Как дела?

– Нормально. Я ничего не храню, если ты за этим пришел.

– Не за этим.

– Я хотела сказать, если ты...

– Нет.

– Ну ладно.

Бланка была довольно миловидна. Смуглое лицо, черные волосы, светло-карие глаза. Только губы, пожалуй, немного полноваты. И подбородок изуродован шрамом. Когда Бланке было только шестнадцать, но она уже три раза в день кололась героином, ее полоснул ножом сутенер.

– Помощь нужна, – сказал Дельгадо.

– Какая?

– Кое-какие сведения.

– Я не стучу.

– Если не захочешь отвечать, не отвечай.

– Большое спасибо.

– Querida,¹² – продолжал детектив, – мы с тобой по-хорошему. Давай-ка и ты по-хорошему, ладно?

Она оглядела полицейского и вздохнула.

– Что хочешь?

– Все о Хосе Хуэрте.

– Ничего.

– Он к тебе не заходит?

– Никогда.

---

¹² Милая (обращение к девушке) (исп.).

- А его партнер?
- Какой партнер?
- Рай Кастаньеда.
- Не знаю такого. Он не родственник Пеле Кастаньеды?
- Может быть, Расскажи о Пепе.

Бланка пожала плечами.

- Фрайер.
- Старый?
- Примерно тридцать.
- Чем занимается?

– Бог его знает. Может, играет. Несколько лет кололся, а потом завязал. Я таких всего пару человек знаю. Тусовался когда-то с компанией. Они себя звали «Испанские рыцари» или что-то в этом роде. Их все здесь знали, они часто махались с другой бандой, не помню, как она называлась, с другого конца парка. Пепе мощно кололся, но бросил. По-моему, он лечился в Лексингтоне. А может, его повязали и засадили, и он там бросил, не знаю. Но с иглы соскочил, это точно, – она пожала плечами. – Все равно фрайер.

– Давно его видела?

– Недавно. Он тут часто крутится. Все время сидит у кого-нибудь на крыльце. Пацанам что-то травит. Большой человек. Козел исправившийся! – Бланка фыркнула.

– Сегодня видела его?

– Нет, я только что пришла. С клиентом всю ночь занималась.

– Где его искать?

– Пепе или клиента? – Бланка улыбнулась.

– Пепе, – без улыбки ответил Дельгадо.

– На Эйнсли есть бильярдная. Он там часто бывает.

– Давай на минуту вернемся к Хуэрте.

– Зачем? – Бланка отвернулась, разглядывая автобус, громышающийся по авеню. Казалось, ее очаровали сизые клубы, вырывающиеся из выхлопной трубы.

– Мы мало о нем поговорили.

– Я его почти не знаю.

– Посмотри на меня.

Бланка резко повернула голову.

– Я тебе сказала, я не стучу. Ничего не скажу о Хосе Хуэрте.

– Почему? Он во что-то влез?

– Отстань.

– Наркотики?

– Отстань.

– Да или нет, Бланка. Я ведь знаю, где ты живешь, поставлю у твоей двери топтуна, он все равно узнает. Расскажи о Хосе Хуэрте.

– Ну, да! Да!

– Я думал, он занимается недвижимостью.

– Занимается. У него есть акр земли в Мексике, он там сеет травку.

– Сильные препараты тоже возит?

– Нет, только травку.

– Его партнер об этом знает?

– Я не знаю, что его партнер знает, а что нет. Я не его партнер. Иди и спроси партнера.

– Может, и пойду, – сказал Дельгадо, – когда поговорю с братом.

– Ты идешь к Пепе?

– Да.

– Скажи ему, он должен мне пять долларов.

– За что?

– А как ты думаешь?

* * *

Уиллис вышел из телефонной будки, Дженеро ждал его на тротуаре.

– Что они сказали?

– Еще ничего. У них полно другой работы.

– Так как же мы узнаем, травка это или гашиш? – возмутился Дженеро.

– Подождем. Сказали позвонить им через полчаса.

– Меня воротит от этой лаборатории!

– Да, а что прикажешь делать? – Уиллис пожал плечами. – У каждого свой крест.

Дело было в том, что Уиллиса уже воротило от Дженеро. Они оформили и отправили в лабораторию пластиковую

сумку с гашишем и марихуаной и попросили побыстрее провести анализ. Но лаборатория захлебывалась в таких просьбах каждый день. Ни один следователь не мог определить наверняка тип наркотика без анализа. Уиллис был согласен подождать заключения, Дженеро рвался позвонить в лабораторию и узнать, что происходит. И вот без двадцати четыре они знали, что происходит: ничего. Дженеро надулся, а Уиллис мечтал поскорее попасть домой и рассказать матери, как трудно быть полицейским в этом городе.

Они находились сейчас не в самом шикарном районе Квартала – ему недоставало особой изысканности Левого берега. Но и эта часть тоже могла похвастаться многоэтажными доходными домами, многочисленными магазинами, театрами, ресторанами. Кэрриер-авеню, 3541 оказался домом из бурого камня. На одном из почтовых ящиков в холле, сыщики нашли табличку с надписью «Роберт Хэмлинг». Уиллис позвонил в 22-ю квартиру. Ответное гудение электронного запора раздалось почти мгновенно. Дженеро открыл дверь, и оба детектива вошли в тускло освещенное помещение цокольного этажа. Лестничный пролет виднелся прямо перед ними. Здание пропиталось запахом лизоля. Они поднялись на третий этаж, нашли 22-ю квартиру, прислушались и, ничего не услышав, постучали в дверь.

- Бобби? – спросил женский голос.
- Полиция, – ответил Уиллис.
- Что вы хотите? – спросила девушка.

– Откройте дверь.

В квартире все стихло. Полицейские прислушались. Они поняли, что Роберта Хэмлинга в квартире не было, раз девушка спросила: «Бобби?» Но кто лучше полицейских знает, что нет на свете создания опаснее женщины? Детективы настороженно ждали. Плащи расстегнуты, револьверы под рукой. Дверь, наконец, распахнулась, и в проеме показалась молоденькая девушка, одетая в свободные брюки и футболку. К ее круглому лицу с голубыми глазами очень шли каштановые волосы.

– Что вы хотите? – повторила она.

Девушка казалась очень испуганной и напряженной. Одной рукой она держалась за ручку двери, другой стягивала ворот футболки.

– Мы ищем Роберта Хэмлинга, – сказал Уиллис. – Он здесь живет?

– Да, – робко ответила она.

– Он дома?

– Нет.

– Когда он придет?

– Не знаю.

– Как ваше имя, мисс? – спросил Дженеро.

– Соня.

– Соня?..

– Соня Соболева.

– Сколько вам лет, Соня?

– Восемнадцать.

– Вы здесь живете?

– Нет.

– А где?

– В Риверхед.

– Что вы здесь делаете?

– Жду Бобби. Он мой знакомый.

– Когда он ушел?

– Не знаю.

– Тогда как вы сюда попали?

– У меня есть ключ.

– Позвольте нам войти и подождать вместе с вами.

– Ради Бога, – сказала она и пожала плечами, – входите, если хотите.

Соня отступила в сторону. Она все еще была очень испугана. Пропуская полицейских, девушка выглянула в коридор, словно надеясь увидеть там Хэмлинга, или, во всяком случае, мечтая об этом. Уиллис заметил взгляд девушки, а Дженеро просмотрел. Соня закрыла дверь и провела полицейских в комнату, обставленную несколькими потрепанными стульями, поролоновым диваном и старым кофейным столиком.

– Присаживайтесь, – предложила она.

Полицейские сели на диван, Соня примостилась на одном из стульев.

– Как хорошо вы знаете Роберта Хэмлинга? – спросил

Уиллис.

– Довольно хорошо.

– Когда вы последний раз его видели?

– Ну... – она пожала плечами и задумалась.

– Так когда?

– А что, это имеет значение?

– Это может иметь значение.

– На той неделе, наверное.

– Когда на той неделе?

– Слушайте, спросите Боба, когда он вернется.

– Мы спросим, – вступил Дженеро. – А пока спрашиваем вас. Когда вы его видели последний раз?

– Я не помню.

– Вы знаете кого-нибудь по имени Льюис Скотт? – спросил Уиллис.

– Нет.

– Когда-нибудь слышали о магазине одежды с названием «Обезьяньи ужимки»?

– Да, слышала.

– Покупали там вещи?

– Не помню.

– Может быть, черную шелковую блузку? – поинтересовался Дженеро.

– Не помню.

– Покажи-ка ей блузку. Дик, – сказал Уиллис.

Дженеро достал пакет, вынул из него блузку и вручил ее

девушке.

– Это ваша?

– Не знаю.

– Да или нет? – настаивал Дженеро.

– Может быть. Я не знаю наверняка, у меня много вещей.

– У вас много черных шелковых блузок, купленных в «Обезьяньих ужимках»?

– Нет, но, если у вас много вещей, можно запутаться. Эта блузка может быть чьей угодно. Откуда я знаю, что это моя?

– Какой у вас размер?

– Тридцать четвертый.

– Блузка тридцать четвертого размера, – заметил Уиллис.

– Ну и что? Мало ли блузок такого размера?

– Вы были в Айсоле этой ночью?

– Да, была.

– Где?

– Ну, в разных местах.

– Где?

– То в одном месте, то в другом.

– Где это одно и где другое место?

– Можешь не отвечать им, Соня, – раздался голос из дверей, и оба детектива одновременно оглянулись. Там стоял парень лет восемнадцати с длинными светлыми волосами и висячими усами. Он был в синих джинсах и вельветовой голубой рубашке. На внутренней стороне открытого пальто виднелся белый мех.

– Мистер Хэмлинг, я так понимаю? – задал вопрос Уиллис.

– Значит, вы меня нашли, – пробормотал Хэмлинг. – Вы из-за Лью?

– Это вы нам скажите, – ответил Дженеро.

– Конечно, из-за Лью. Я знал, что рано или поздно вы меня найдете.

– Что с ним случилось?

– Он выпрыгнул из окна этой ночью.

– Вы были там, когда он выпрыгнул?

– Мы все были там, – Хэмлинг посмотрел на девушку.

Она кивнула.

– Расскажите, что там произошло.

– У него крыша поехала. Захотел полетать. Я пытался его остановить, но он вырвался и выпрыгнул в окно. Это все.

– Почему вы не заявили в полицию?

– Зачем? У меня длинные волосы.

Уиллис вздохнул.

– Ну, раз уж мы пришли, – начал он, – расскажите нам все, что случилось. Мы составим протокол и закроем, к чертовой матери, дело.

Дженеро посмотрел на него. Уиллис вынимал блокнот.

– Скажите, когда вы туда пришли?

– Наверное, около четырех тридцати. Слушайте, а у меня не будет неприятностей?

– С какой стати? Если Скотт выпрыгнул из окна, это са-

моубийство. Все просто и ясно.

– Да. Точно.

– О'кей. Давайте начнем, чтобы раньше закончить. Нас тоже от этого дела уже тошнит, – признался Уиллис. И снова Дженера посмотрел на него.

– Что случилось, когда вы пришли?

– Но мы же ни при чем!

– Но вы же там были, разве не так?

– Да, но...

– А что мы должны, по-вашему, делать? Забыть, что вы там были? Да не бойтесь вы, никто не хочет вам неприятностей. Вы знаете, сколько чудиков выбрасываются каждый день из окон?

– Я просто не хочу, чтобы это попало в газеты, – объяснил Хэмлинг. – Я поэтому не позвонил вам сразу.

– Понятно, – кивнул Уиллис. – Мы сделаем, что можем, чтобы избежать огласки. Нам нужна информация для протокола и все.

– Ну, ладно, – нерешительно произнес Хэмлинг.

– Итак, что произошло? Вы все трое туда пришли или как? – начал опять Уиллис.

– Нет, я встретил его на улице. Я тогда был один. Потом позвонил Соне, и она пришла.

Уиллис записывал в блокнот. Дженера все смотрел на него. Он странным образом ощущал, что что-то происходит, но не мог понять, что именно. Он также ощущал, что может

кое-чему научиться. Смущенный и заинтересованный одновременно, Дженеро молча наблюдал и прислушивался.

– Хорошо, – продолжал Уиллис. – Вы встретили своего знакомого и...

– Он не был моим знакомым, – возразил Хэмлинг.

– Вы его не знали?

– Нет, я просто встретился с ним у кафе, и мы разговорились. Он предложил пойти к нему, послушать музыку и... слушайте, если я вам все расскажу, я, правда, не вляпаюсь?

– Я буду вам очень обязан, если расскажете, – заверил его Уиллис.

– Ну, он сказал, что у него есть хорошая шмаль и можно по разу пыхнуть. Я тогда больше ни о чем и не подумал. Шел покурить просто. Если бы я знал, что у него дома есть ЛСД...

– А вы тогда этого не знали?

– Нет, Боже упаси! Я вообще от этих пластиковых хиппи держусь подальше. От них всегда неприятности.

– Какие неприятности?

– Ну, знаете, они всегда рисуются. Понтяры, короче говоря. Воскресные хиппи, пластиковые хиппи – все одно и то же. Никто из них на самом деле не тусуется по-настоящему. Так, для вида только.

– А вы?

– Я считаю себя настоящим, – с достоинством ответил Хэмлинг.

– А Соня?

– Она хоть и воскресная хиппи, но балдежная кадра, и я с ней тусуюсь.

Роберт Хэмлинг широко улыбнулся. Соня на улыбку не ответила. Она была все так же испугана. Девушка переводила взгляд с Уиллиса на Хэмлинга, догадываясь, что идет опасная игра. Ей очень хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Дженеро это видел. Он, при всей своей неопытности, ощущал также, что именно девушка была вожаком жертвой Уиллиса, и что тот рано или поздно обязательно вопьется, как вампир, ей в шею. Соня об этом тоже догадывалась. Хэмлинг был единственным в комнате, кто ничего не подозревал. Чрезвычайно самоуверенный, он лез головой прямо в петлю.

– Короче, мы пошли к нему домой, забили по косячку, попили винца, а потом я предложил позвонить Соне, чтобы она пришла и поучаствовала в празднестве.

– Что вы праздновали?

Хэмлинг несколько мгновений обдумывал ответ, а потом улыбнулся:

– Жизнь. Существование.

– О'кей, – Уиллис сделал вид, что удовлетворен ответом.

Дженеро внимательно следил за происходящим, учась на ходу. Он понял, например, что Хэмлинг только что солгал. Если они что и праздновали, то только не жизнь и не существование. Дженеро не смог бы точно описать, как он понял, что парень врет, но он это знал. И Уиллис знал. И девушка

знала. Дженеро догадывался, что Уиллис обязательно вернется со временем к этому празднованию. Дик Дженеро чувствовал себя превосходно. Ему казалось, что он смотрит детектив по телевизору. Он не хотел, чтобы фильм кончился, о, нет! И почему-то во время всей этой сцены ему ни разу не вспомнилось, что он тоже сыщик. Он только чудесно проводил время. И даже чуть не спросил Соню, как ей это все нравится. Эх, если бы еще пакетик жареной кукурузы!

– Значит, я спустился на улицу, – продолжал Хэмлинг, – у него дома не было телефона. Я позвонил Соне из автомата. Она...

– Где была Соня?

– Здесь. Мы должны были здесь встретиться в семь часов, а уже было почти восемь. У нее есть ключ, и я знал, что она сможет войти.

– Она была здесь?

– Да, я сказал, чтобы она ехала в нашу сторону. Она плохо знает этот район, я объяснил, на каком поезде ехать и встретил ее у метро.

– В котором часу это было?

– Она приехала, по-моему, около восьми тридцати. Так, Соня?

Девушка кивнула.

– И вы вместе вернулись в квартиру Скотта?

– Да, – подтвердил Хэмлинг, – это было первой ошибкой.

– Почему?

– Когда я открыл дверь, он был голый. Я сначала подумал... черт, я не знал, что и думать. Потом я понял, что он обдолбился. А потом я догадался, что это ЛСД. Я попытался узнать, что он принял. Знаете, многое зависит от компонентов, от дозы... Если добавить стрихнина или мышьяка, глаза точно вылезут. Он был уже в отрубке, не знал, чего нажрался, не понимал, где он. Бегал по комнате с голой жопой и орал, что умеет летать. Соню испугал до смерти, правда, солнышко?

Девушка кивнула.

– Когда он выпрыгнул из окна? – спросил Уиллис.

– Не помню, минут через двадцать после того, как мы пришли. Я хотел его успокоить, говорил, чтобы он расслабился, остыл. А потом он вдруг вскакивает и бежит к окну. Я хотел его схватить, но не успел. Окно было закрыто, он прошиб его головой. Жуткое дело. Я выглянул во двор, он лежал там, как... – Хэмлинг покачал головой.

– И что вы сделали?

– Я схватил Соню, и мы сорвались. Не хотелось вляпываться в это дело. У вас ведь как, если у тебя длинные волосы – все, кранты!

– Та-ак, по-моему, все ясно, – Уиллис закрыл блокнот. – Что думаешь, Дик?

Дженеро кивнул.

– По-моему, тоже.

Он уже начинал думать, что ошибся в коллеге. Неуже-

ли его опытнейший товарищ действительно уточнял обстоятельства самоубийства? Дженеро чувствовал себя несколько разочарованным.

– Ну, и еще один вопрос, если можно, – проговорил Уиллис, – все, мы уходим. Огромное вам спасибо за помощь. Знаете, люди не понимают, сколько причиняют нам хлопот, когда убивают себя.

– Да, могу себе представить, – посочувствовал Хэмлинг.

– Нам приходится работать с самоубийствами точно так же, как с убийствами. Те же подписи, те же протоколы. Дел хватает.

– Да, конечно.

– Ну что ж, спасибо еще раз, – Уиллис направился к двери, – Дик, идешь?

– Иду, – отозвался Дженеро. – Большое спасибо, – сказал он Хэмлингу.

– Рад был помочь, – ответил тот. – Если бы я знал, что у вас все такие, я бы не сорвался тогда. Сразу бы позвонил.

– Ах, да! Последний вопрос! – воскликнул, словно бы вспомнив. Уиллис. – Мисс Соболева...

Взгляд Хэмлинга переместился на девушку.

– Мисс Соболева, вы сняли блузку до того, как Скотт выпрыгнул в окно, или после?

– Я не помню, – Соня испуганно взглянула на Хэмлинга.

– Наверное, до, – задумчиво произнес Уиллис, – вы ведь сразу оба ушли?

– Да, наверное, – согласилась девушка.

– Мисс Соболева, почему вы сняли блузку?

– Ну... я, я... сама не знаю. Просто захотелось ее снять.

– Я думаю, она...

– Позвольте ей самой ответить, хорошо? Мы сейчас выясним и пойдем, ладно? Почему вы ее сняли, мисс Соболева?

– Наверное... наверное, в квартире было жарко.

– И вы сняли блузку?

– Да.

– Вы никогда раньше не встречали Скотта, но сняли блузку...

– Ну, было жарко.

– Он бегал обдолбленный по квартире и вопил, а вы сняли блузку?

– Да.

– М-м-м, – промычал Уиллис. – Хотите знать, как я себе все представляю, мистер Хэмлинг?

– Как? – Хэмлинг посмотрел на Уиллиса, потом на девушку.

Он не понимал, что происходит. Он чуть кипятком не писал от волнения.

– По-моему, вы выгораживаете девушку.

– Да? – поражение спросил Хэмлинг.

– Да. Я думаю, они трахались, но что-то произошло, и она вытолкнула Скотта в окно.

У девушки открылся рот. Уиллис повернулся к ней.

– Нам придется забрать вас с собой, мисс Соболева.

– Т-то есть?

– В участок. Мистер Хэмлинг, вы нам пока не нужны, но вы можете понадобиться районному прокурору. Он, возможно, еще раз вас допросит, когда мы предъявим обвинение против мисс Соболевой. Пожалуйста, никуда не уезжайте из города, не уведомив нас о...

– Эй, постойте! – воскликнула девушка.

– Одевайтесь, мисс, – обратился к ней Уиллис.

– Эй, я никого ни в какое окно не выталкивала! – крикнула она, встав и уперев руки в бока.

– Скотт был голый, вы были без блузки, что же вы хотите?

– Это он придумал! – закричала Соня, швыряя слова в Хэмлинга.

– Спокойно, Соня, – предупредил он ее.

– Это он придумал раздеться. Он хотел найти проклятый...

– Проклятый, что? – рявкнул Уиллис.

– Денежный пояс!

Хэмлинг рванулся к двери. Дженеро следил за ним в каком-то оцепенении. Уиллис стоял прямо на пути Хэмлинга, между ним и дверью. Парень был на голову выше и на фут шире детектива, и Дженеро ожидал, что Хэмлинг собьет коллегу с ног. Он почти этого желал, потому что очень хотелось посмотреть, что будет дальше. Хэмлинг несся как экспресс к двери, и Дженеро не сомневался, что тот подомнет

под себя Уиллиса и унесется в коридор, а оттуда вниз по ступенькам на улицу и так до самого Китая. На месте Уиллиса Дженеро убрался бы поскорее с дороги, потому что человек может покалечиться, если столкнется с локомотивом. Но вместо этого Уиллис побежал навстречу Хэмлингу и неожиданно опустился на правое колено. Правая нога Хэмлинга в этот момент опередила левую, неся на себе всю тяжесть тела. Устремленного вперед парня Уиллис схватил за левое колено, подтолкнул и приподнял одновременно, упершись правой рукой ему в грудь. Хэмлинг рухнул навзничь, звучно ударившись головой о дверь. Уиллис все еще держал парня за ногу.

Дженеро моргнул.

Уиллис нависал с револьвером в руке над распростертым Хэмлингом, держа наготове наручники. Он набросил одну манжету на кисть парня, затянул ее потуже. Затем, не церемонясь, рывком поднял на ноги Хэмлинга, развернул его, завел другую руку за спину и защелкнул вторую манжету.

Дженеро забыл дышать.

* * *

Дэнни Гимп был стукачом, выдававшим себя за домушника. Это понятно. Его профессия требовала, чтобы он принадлежал к преступному миру.

Вообще-то Дэнни не был домушником, хотя его арестова-

ли и осудили за кражу со взломом в городе Лос-Анджелесе, штат Калифорния, еще в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Очень болезненный с детства, он поехал на Запад подлечиться от хронической простуды. В баре на Ла Бреа подсел к гуляющей компании, и один из новых дружков попросил проводить его домой и подождать, пока тот возьмет из заначки несколько купюр, чтобы продолжить веселье. Они проехали по Стрипу мимо ла Сьенедэ и оба вошли через черный ход в дом. Дружок оставил Дэнни на кухне, а сам прошел в спальню и вскоре вернулся с несколькими стодолларовыми бумажками. А также с ожерельем из бриллиантов и рубинов стоимостью в 47 500 долларов. Лос-Анджелесская полиция их уже ждала. Собственно, стоимость ожерелья Дэнни узнал именно от полиции, которая очень любезно сообщила ему эти сведения. Гимп все пытался объяснить судье. Он также сообщил, что в детстве болел полиомиелитом и является фактически инвалидом и что тюрьма отнюдь не будет способствовать поправлению его здоровья. Судья участливо выслушал его и приговорил Дэнни и всех его вновь обретенных друзей к пяти годам заключения. Дэнни никогда ни с кем из этой компании не разговаривал больше, хотя сидел с ними в одной камере. Главного дружка убил через год негр-гомосексуалист, воткнув ему в горло кухонный нож, заточенный до остроты бритвы в слесарной мастерской. Негр-гомосексуалиста осудили за убийство и отправили на электрический стул. Гимп отбывал срок, занятый размышлениями о

превратностях судьбы и вышел на свободу, имея только одну профессию – подсадной утки. Он бывший зэк. Если не верить бывшему зэку, то кому тогда верить?! Такое убеждение бытовало в преступном мире, и Дэнни Гимп был ему очень благодарен. Время от времени он продавал подслушанные разговоры полиции по договорной цене. Профессия приносила совсем неплохой доход.

Карл Капек позвонил Дэнни после обеда и договорился около пяти встретиться с ним в парке. День уже клонился к вечеру. Они сидели на скамейке и смотрели на гувернанток, везущих в колясках свои сокровища, на компанию мальчишек, разбивающихся на футбольные команды, на маленькую девочку, медленно бредущую по извилистой тропинке и волочащую за собой сачок. При этом она так внимательно смотрела себе под ноги, как это могут делать только маленькие девочки, напряженно размышляющие о самых жгучих проблемах бытия.

– Белинда, говоришь? – переспросил Дэнни.

– Да, Белинда.

Гимп чихнул. Он все время простужался, заметил Капек. Наверное, старел.

– А что за Белинда, не знаешь, да?

– Чего бы я тебе звонил?

– Черномазая?

– Да.

– Так сразу я не вспомню, – Дэнни снова чихнул. – Зима

скоро, ты видишь?

– Это не так плохо, – заметил полицейский.

– Это кошмар, – возразил Дэнни. – Зачем тебе эта телка?

– Она ограбила моряка.

– Как ты стал меня ценить! – саркастически усмехнулся стукач.

– Она была не одна.

– С парнем?

– Да. Заигрывала с моряком в баре на Семнадцатой, позвала его с собой. Проводила его к напарнику, а тот нокаутировал парня.

– Напарник тоже черный?

– Нет, белый.

– Белинда, – задумчиво произнес Гимп. – Я знал когда-то одну Белинду. Единственная женщина, не обращавшая внимания на мою ногу. Это было в Чикаго. Я ведь когда-то жил в Чикаго. У меня там остались знакомые. Белинда Коласковска, полька. Красивая, как картинка – волосы светлые, глаза голубые, сиськи – во! – проиллюстрировал Дэнни руками, но потом немедленно спрятал их опять в карманы. – Я ее как-то спросил, чего она связалась с таким, как я. Это я о хромоте. Она сказала: «Как это, с таким, как ты?» Я посмотрел ей в глаза и говорю: «Ты понимаешь о чем я, Белинда?» А она: «Нет, не понимаю. О чем ты, Дэнни?», а я: «Я ведь хромой, Белинда». А она: «Правда?» и улыбнулась. Никогда не забуду эту улыбку, клянусь Богом! Если доживу до ста лет, и то-

гда буду помнить, как она мне улыбнулась тогда в Чикаго. Я в тот день мог милю пробежать. Я мог олимпийский рекорд побить! – Дэнни покачал головой и снова чихнул. Неожиданно сорвалась с места стая голубей, наполнив воздух шумом крыльев. Они взмыли в небо и, развернувшись, опять спланировали на землю к скамейке, где сидел старик в потертом коричневом пальто и бросал им крошки.

– Ладно, это все равно не та Белинда...

Дэнни еще мгновение был занят своими мыслями, потом, видимо, отбросил нахлынувшие воспоминания, втянул голову в плечи, засунул руки поглубже в карманы.

– Словесный портрет есть? – спросил он.

– Я знаю только, что она черная, хорошо сложена и носит красное платье.

– Значит, ты ищешь две тысячи девушек в этом городе, – заметил Дэнни. – А с парнем как?

– Никак.

– Чудесно.

– Что думаешь?

– Я думаю, что с тобой очень приятно беседовать в воскресенье, когда зима на носу.

– Можешь помочь или нет?

– Послушаю там-сям. Ты в дежурке?

– В дежурке.

– Я позвоню.

Бывают случаи, когда ночь отказывается наступать. День мешкает, цвета меняются медленно и незаметно, в воздухе приятное напряжение.

Это был именно такой день.

Воздух покалывал холодом, это совсем не та свежесть, что весной. Но в остальном день был похож на весенний. Сочно-голубое небо, казалось, гневно отвергало вторжение ночи, решительно сопротивляясь изменению спектра в темную сторону. В пять тридцать было еще светло, но уже зажглись уличные фонари. Им нечего было освещать, день еще не угас. Солнце отказывалось повиноваться вращению Земли. Оно упрямо висело над домами на западе, отчаянно цеплялось за трубы и коньки крыш. Горожане не торопились по домам, наблюдая астрономический казус: сбываются древние предсказания – отныне всегда будет день, ночь не наступит, все будут плясать на улицах.

Наконец, небо на западе сдалось.

В квартире Герберта Гросса начало темнеть. Карелла и Браун уже почти три часа рылись в ней. Они обшарили все – от потолка до пола, стену за стеной, от древних перемычек до бачка унитаза, но не нашли ничего, что подсказало бы им, куда отправился вскочивший в автобус Гросс.

Ключ был рядом, но они его не находили. Маленькая

квартирка-конура была забита мебелью, явно купленной в начале тридцатых годов, когда солидность считалась добродетелью. Огромная, заваленная всяческим хламом софа в гостиной была обита темно-бордовым мохером. Ножками в виде лап софа упиралась в поблекший персидский ковер на полу. Хватило бы одной софы, чтобы загромоздить комнату, но там еще стояли два мягких кресла, тоже чем-то заваленные, кушетка, словно принесенная из какой-нибудь изысканной столовой, настольная лампа с розовым абажуром, украшенным бахромой. На стене висела картина в раме с завитушками, изображающая гряду покрытых снегом гор над безмятежным озером. В углу – напольный вариант радиолы «Стромберг-Карлсон» с костяными клавишами, напоминающий музыкальный автомат. По бокам софы отделанные красным деревом столики, на каждом по огромной фарфоровой лампе с закутанными в пластик абажурами.

В первой спальне стояла грандиозная двуспальная кровать с отделанными красным деревом спинками. Кровать была неубрана. Массивный туалетный столик, также из красного дерева, со стоящим на нем зеркалом в массивной раме, находился у стены напротив. Мужской вариант такого же столика – с объемистыми отделениями для брюк и костюмов размещался у стены с окном.

Вторая спальня была обставлена в современном стиле. Две узкие кровати накрыты обычными покрывалами, над ними мексиканский ковер. У противоположной стены стоя-

ли книжный шкаф и шифоньер без дверцы. Кроме кухни и ванной в квартире была еще одна комната, взятая, казалось, прямо из пьесы Артура Миллера «Цена». Она была буквально до потолка забита мебелью, фарфором, хрусталем, картонками с надписями (на одной детектива заметили слова «Всемирная ярмарка – 1939»), кипами книг, кухонной утварью и даже старой одеждой, разбросанной на стульях и картонках.

– Я не вижу смысла в этой квартире, – вздохнул Карелла.

– Я тоже, – кивнул Браун. Он включил настольную лампу в гостиной, и усталые, запыленные детективы уселись лицом друг к другу – Карелла на исполинскую софу, Браун в одно из кресел. Комнату наполнил розовый свет от абажура с бахромой. Карелла представил, что он сидит и делает уроки под приглушенные звуки джаза, льющиеся из старого «Стромберг-Карлсона».

– Все не так, кроме одной спальни, – произнес он. – Остальное все не так.

– А может, наоборот, – добавил Браун.

– Я к тому, что какой дурак сейчас собирает такую мебель?

– У моей матери была такая.

Оба замолчали. Первым нарушил тишину Карелла:

– Когда умерла мать Голденталя?

– Три месяца назад, так в отчете, по-моему. Он жил с ней.

– А если все это говно ее?

– Может быть. Может быть, он все сюда перевез, когда съезжал с материнной квартиры.

– Помнишь ее имя?

– Минни.

– Как ты думаешь, сколько Голденталей в телефонном справочнике?

Они не стали смотреть районы Беттауна, Маджесты или Калмз-Пойнта. Автобус, в который вскочил Гросс, шел из центра, а чтобы ехать во все эти районы, надо двигаться к центру. Они не стали также смотреть в Риверхед, потому что в автобусе ехать в Риверхед было бы слишком долго. Удобнее на экспресс-поездах, спящих круглые сутки. Итак, они ограничили поиски только направлением Айсолы (была еще одна причина, по которой полицейские взялись именно за этот справочник: в квартире другого просто не было).

В справочнике Айсолы числилось восемь Голденталей. Но Минни Голденталь была только одна – ныне усопшая, бедняжка. Ее имя проживет в справочнике до следующего года, пока телефонная компания не издаст новый.

*Sic transit gloria mundi.*¹³

~~

Дом, в котором жила Минни Голденталь, был двенадцатиэтажным кирпичным строением, ошетилившимся телевизионными антеннами. Перед ним располагался маленький дворик, огражденный двумя желтыми кирпичными тумбами с

---

¹³ Так проходит мирская слава (лат.).

каменными вазами на каждой. Летом в вазах, вероятно, росли цветы, но сейчас оттуда торчали только засохшие стебли. Дом напоминал архитектурную версию перевернутой буквы "П". Во дворик вели низкие, плоские ступеньки. В проходе, справа и слева, висели почтовые ящики. Карелла осмотрел один ряд, Браун другой. Нигде не было таблички с именем Минни Голденталь.

– Ну что? – спросил Карелла.

– Спросим у консьержа, – предложил Браун.

Консьерж жил на цокольном этаже, в квартире за лестницей. Он открыл дверь, одетый в нижнюю рубашку. Где-то в глубине квартиры работал телевизор, но программа, вероятно, не могла полностью захватить его внимание, так как в руке он держал воскресную газету с комиксами. Полицейские представились. Консьерж взглянул на жетон Кареллы, потом на его удостоверение и спросил:

– Да?

– Проживала здесь не так давно некая Минни Голденталь?

Консьерж очень внимательно выслушал Кареллу, как будто от того, насколько он правильно поймет вопрос, зависел выигрыш в сто тысяч долларов. Затем кивнул:

– Да.

– В какой квартире?

– Девятой "Д".

– Там сейчас кто-нибудь живет?

– Сын.

– Берни Голденталь?

– Да. Но я не знаю, почему он здесь живет. После того, как Минни умерла, он вывез всю мебель. Но за квартиру платит.

Консьерж пожал плечами и продолжал:

– Вообще-то, хозяева хотят, чтобы он убрался. Понимаете, у этой квартиры фиксированная оплата. Старая большая квартира. Если он уберется, они легально поднимут цену для новых жильцов.

– Там сейчас кто-нибудь есть?

– Не знаю. Народ все время заходит и выходит. У них свои дела – у меня свои.

– Закон требует, – заявил Карелла, – чтобы у вас хранились ключи от всех квартир. От девятой "Д" есть?

– Есть.

– Он нам нужен.

– Зачем?

– Чтобы попасть в квартиру.

– Это незаконно.

– Мы никому не скажем.

– Ну, – поколебался консьерж, – ладно, о'кей.

Карелла и Браун поднялись в лифте на девятый этаж и попали в коридор. Не сказав друг другу ни слова, они вынули револьверы. Девятая "Д" располагалась в конце коридора. У двери полицейские прислушались, но стояла тишина. Карелла осторожно вставил ключ в замок. Он кивнул Брауну и повернул ключ. Послышался негромкий щелчок, прозвучав-

ший, как выстрел. Полицейские ворвались в длинную узкую прихожую. В дальнем конце прихожей они увидели Герберта Гросса и светловолосого мужчину, вероятно, Бернарда Голденталя. Оба были вооружены.

– Стоять! – рявкнул Карелла, но мужчины решили послушаться грозного окрика и открыли пальбу. Карелла и Браун бросились на покрытый линолеумом пол. Голденталь рванулся к двери с правой стороны прихожей. Браун предупреждая крикнул и почти одновременно нажал на спуск. Свинец попал Голденталю в лодыжку, сбил его с ног и отшвырнул к стене, по которой он медленно сполз на пол. Гросс держал оборону, обстреливая длинную прихожую, пока не кончились патроны. Он полез в карман пиджака, вероятно, за новой обоймой, но Карелла заорал: – Двинешься – стреляю!

Рука Гросса остановилась на полпути. Он щурился от света, льющегося из комнаты, в которую хотел прорваться Голденталь.

– Брось оружие! – приказал Карелла.

Гросс не шелохнулся.

– Брось оружие! Живо!

– Ты тоже, Голди, – крикнул Браун.

Голденталь и Гросс, один скрючившись у стены, зажимая рукой рану на ноге, другой со все еще поднятой к карману пиджака рукой, – быстро переглянулись. Не говоря друг другу ни слова, оба бросили пистолеты на пол. Гросс пнул их

ногой, словно те были заразны. Пистолеты заскользили, вращаясь, по полу.

Карелла встал и направился к двум мужчинам. Браун за его спиной целился с колена в дальний конец прихожей. Карелла толкнул Гросса к стене, быстро обыскал его и наклонился к Голденталю.

– О'кей, – сказал он Брауну и заглянул в комнату с правой стороны прихожей. Она тоже была завалена домашней утварью. Но это не было барахло из дома умершей женщины, это не накапливалось всю жизнь. Нет, это был результат Бог знает скольких краж и ограблений, импровизированный склад телевизоров, радиоприемников, пишущих машинок, электроплит, магнитофонов, миксеров – всего, что только можно найти в энциклопедии Британника – преступная товарная биржа, ждущая только хорошего маклера.

– Ничего квартирка! – заметил Карелла и пристегнул наручниками Голденталю к Гроссу, а того к батарее. Сняв трубку с телефонного аппарата, под которым еще лежал последний список покупок Минни Голденталь, он позвонил в участок и вызвал санитарную машину. Она прибыла ровно в 18.00, спустя всего семь минут. К этому времени из Голденталю вылилась на линолеум приличная лужа крови.

– Я тут кровью истекаю, – пожаловался он одному из санитаров, укладывающему его на носилки.

– Это не самая крупная твоя неприятность, – ответил тот.

Дельгадо не нашел Пепе ни в бильярдной, ни в дюжине баров, в которые заглянул. Уже была четверть седьмого, и Дельгадо подумывал о прекращении поисков. Руководствуясь сомнительным предположением, что игрок на бильярде должен играть и в кегли, он решил зайти в кегельбан «Понс» на Калвер-авеню и, если и там не повезет, вернуться в участок.

Заведение находилось на втором этаже старого кирпичного дома. Дельгадо поднялся по узкой лестнице и вошел в освещенную люминесцентными лампами комнату со стойкой прямо напротив входа. На высоком стуле у стойки сидел лысый человек и читал газету. Он поднял глаза на вошедшего Дельгадо, снова опустил их, дочитал абзац и отодвинул газету.

– Все дорожки заняты, – заявил он, – вам придется с полчаса подождать.

– Мне не нужна дорожка, – ответил детектив.

Человек у стойки посмотрел на него внимательнее и понял, что перед ним полицейский. Он согласно кивнул, но ничего не сказал.

– Я ищу человека по имени Пепе Кастаньеда. Он здесь?

– Зачем он вам?

– Я офицер полиции, – Дельгадо показал свой жетон, –

мне нужно задать ему несколько вопросов.

– Я не хочу здесь скандала.

– Почему вы решили, что будет скандал? Что, Кастаньеда скандалист?

– Он не скандалист, – человек многозначительно посмотрел на детектива.

– Я тоже. Где он?

– Пятая дорожка.

– Спасибо.

Дельгадо прошел к двери у стойки и попал в большую комнату, гораздо большую, чем можно было представить в тесноватом холле.

Здесь было двенадцать дорожек, все заняты игроками. В дальнем конце помещения находился бар, вокруг него столики. Из музыкального автомата звучал рок-н-ролл. Когда детектив шел мимо стеллажей с шарами, запись кончилась. Через какое-то время из динамиков вырвались звуки испанской песни. Вибрирующий грохот падающих кеглей сопровождался радостными или огорченными восклицаниями игроков.

На пятой дорожке играли четверо мужчин. Трое из них сидели на обитой кожей банкетке, образующей полукруг у доски для ведения счета. Четвертый стоял в ожидании шара. Шар скатился со стеллажа в дальнем конце дорожки, ударился о тормозной механизм и плавно подкатился к ждущей его руке. Человек поднял его, отступил на пять-шесть шагов

от контрольной линии, пригнулся, начал разбег, отводя правую руку назад, левой поддерживая равновесие, резко остановился и отпустил шар. Тот покатился по дорожке и ударил прямо в центр батареи кеглей. Игрок застыл в движении, правая рука все еще вытянута, левая отведена назад. Не разгибаясь, он ждал падения кеглей. Они весело взлетели в воздух, подброшенные шаром, потом затарахтели по полированной поверхности дорожки. Игрок воскликнул: «Есть!» и повернулся к сидевшим на банкетке.

– Кто из вас Пепе Кастаньеда? – обратился к ним Дельгадо.

Игрок, направлявшийся к доске, чтобы вписать туда новые цифры, остановился и посмотрел на полицейского. Он был невысоким человеком с прямыми черными волосами и рябым лицом. Передвигался он легкой походкой танцора.

– Я Кастаньеда, – произнес он, – а вы кто?

– Детектив Дельгадо, 87-й участок. Могу я задать вам несколько вопросов?

– О чем?

– Рамон Кастаньеда ваш брат?

– Да.

– Давайте отойдем и побеседуем.

– Куда?

– К столикам.

– Я играю.

– Игра подождет.

Кастаньеда пожал плечами. Один из мужчин на банкетке сказал:

– Иди, Пепе. Мы пока пивка пропустим.

– По сколько у нас еще бросков?

– По три, – ответил мужчина.

– Это надолго? – спросил детектива Кастаньеда.

– Вряд ли.

– Ну ладно, пошли.

Они подошли к бару в дальнем конце помещения. У музыкального автомата две молоденькие девушки в обтягивающих брюках выбирали следующую мелодию. Кастаньеда мельком взглянул на них.

Мужчины уселись за один из столиков лицом друг к другу. Музыкальный автомат снова взорвался звуками. Фоном служил постоянный треск падающих кеглей.

– Что вы хотите узнать?

– У вашего брата есть партнер по имени Хосе Хуэрта, – начал Дельгадо.

– Правильно.

– Вы его знаете?

– Знаю.

– Вы знаете, что его сегодня утром избили?

– Да? Нет, не знаю. У вас есть сигареты? Я свои оставил там.

– Я не курю, – покачал головой детектив.

– Я тоже не курил. Но, вы знаете... – Кастаньеда пожал

плечами, – одно бросаешь, другое цепляется.

Он улыбнулся. Улыбка широкая и заразительная. Пепе был всего года на три-четыре моложе Дельгадо, но сейчас вдруг стал похож на подростка.

– Я кололся раньше. Вы в курсе?

– Да, я слышал.

– Я бросил.

– Об этом я тоже слышал.

– Вы удивлены?

– Удивлен.

– Я тоже, – Кастаньеда снова улыбнулся.

Полицейский также ответил ему улыбкой.

– Ну, так что вы от меня хотите?

– Его здорово избили, – продолжал Дельгадо, – обе ноги сломаны, лицо, как котлета.

– Да вы что? А кто?

– Четверо мужчин.

– Надо же! – Пепе покачал головой.

– Прямо на крыльце его дома. Он шел в церковь.

– Да? А где он живет?

– На Южной Шестой.

– Ах, да! Точно! Напротив кондитерской, верно?

– Да. Я вот что хотел у вас спросить. Вашему брату кажется, что этих четверых попросили избить Хуэрту.

– Я вас не понимаю.

– Когда я спросил вашего брата, кто не любит Хуэрту, он

сказал: «Любит – не любит, но бить его не станут».

– Ну, и что это значит?

– Это значит...

– Да ничего это не значит, – вдруг сказал Кастаньеда. – Это значит, что ваш брат считает, что Хуэрту избили по чьему-то поручению.

– С чего вы это взяли? Просто он так выразился, вот и все. Мой брат ничего не хотел этим сказать.

– Допустим, что хотел. Допустим на минуту, что кто-то хотел, чтобы Хуэрту избили по чьему-то поручению. И допустим этот кто-то попросил тех четверых оказать ему услугу.

– Ну, ладно, допустим.

– Так вот. Кто эти четверо, вы случайно не знаете?

– Не-а. Слушайте, мне правда хочется курить. Вы подождете? Я схожу за сигаретами.

– Сигареты подождут, Пепе. Там в больнице лежит человек с перебитыми ногами и расквашенным лицом.

– Оно, конечно, так, – Пепе секунду подумал. – Но, может быть, этому человеку нужно было быть поосторожнее? Может, тогда никто и не хотел бы его избить?

– Кто хотел его наказать, Пепе?

– Вы сплетни любите?

– Люблю.

– Хосе толкал кое-что, вы знаете?

– Знаю.

– Травку. До сих пор. Но постепенно человек понимает,

что сильные препараты выгоднее. Это только вопрос времени.

– Ну?

– Так, может, кто-то не хотел, чтобы Хосе отравлял район? Я не утверждаю. Но подумать, по-моему, над этим можно.

– Да, подумать можно.

– А может, Хосе волочился за чьей-нибудь женой? Может, у кого-то красивая жена, а Хосе к ней подъезжал? Может, кто-то решил переломать ему ноги, чтобы он не мог цепляться к чужим женам и продавать дрянь местным пацанам? И ему помяли морду, чтобы он это понял. Чтобы не нравился чужим женам. И чтобы пацаны от него шарахались.

Кастаньеда помолчал.

– По-моему, можно над этим подумать.

– Да, можно, – согласился Дельгадо.

– Вряд ли вы найдете этих парней. Да и зачем?

– То есть?

– Он сам нарвался. Тут все справедливо. Вы же тоже ее защищаете, справедливость?

– Да, защищаем.

– Ну, вот и я о том же.

Дельгадо смотрел на Пепе.

– Что, не так?

– Да нет, наверное, так.

Детектив встал из-за стола, кивнул, задвинул стул обратно и попрощался:

- Приятно было познакомиться. До встречи.
- Выпьем чего-нибудь? – предложил Кастаньеда.
- Спасибо, у меня еще час до конца службы.

Дельгадо направился к выходу. Кастаньеда помахал на прощание рукой.

Капек курсировал от бара к бару на Стеме с восьми часов вечера. Уже было двадцать минут двенадцатого. Его сердце екнуло, когда в двери «Ромео» на Двенадцатой улице вошла чернокожая девушка в красном платье. Девица проплыла мимо мужчин, сидящих на высоких стульях у стойки, и устроилась в дальнем конце у телефонных будок, закинув ногу на ногу. Калек дал ей десять минут, чтобы она смогла осмотреть всех мужчин в заведении, а потом прошел мимо нее к телефонам. Он позвонил в дежурку, попал на Финта из новой смены.

- Чем занимаешься?
- Да-а, кручусь тут, – ответил Капек.
- Я думал, ты давно дома.
- На пенсии отдохнем.
- У меня тут намечается задержание. Если повезет.
- Помощь нужна?
- Нет.